

И. ЖИЛКИНЪ,

Старообрядцы
на Волгѣ

Издание В. К. Самсонова.

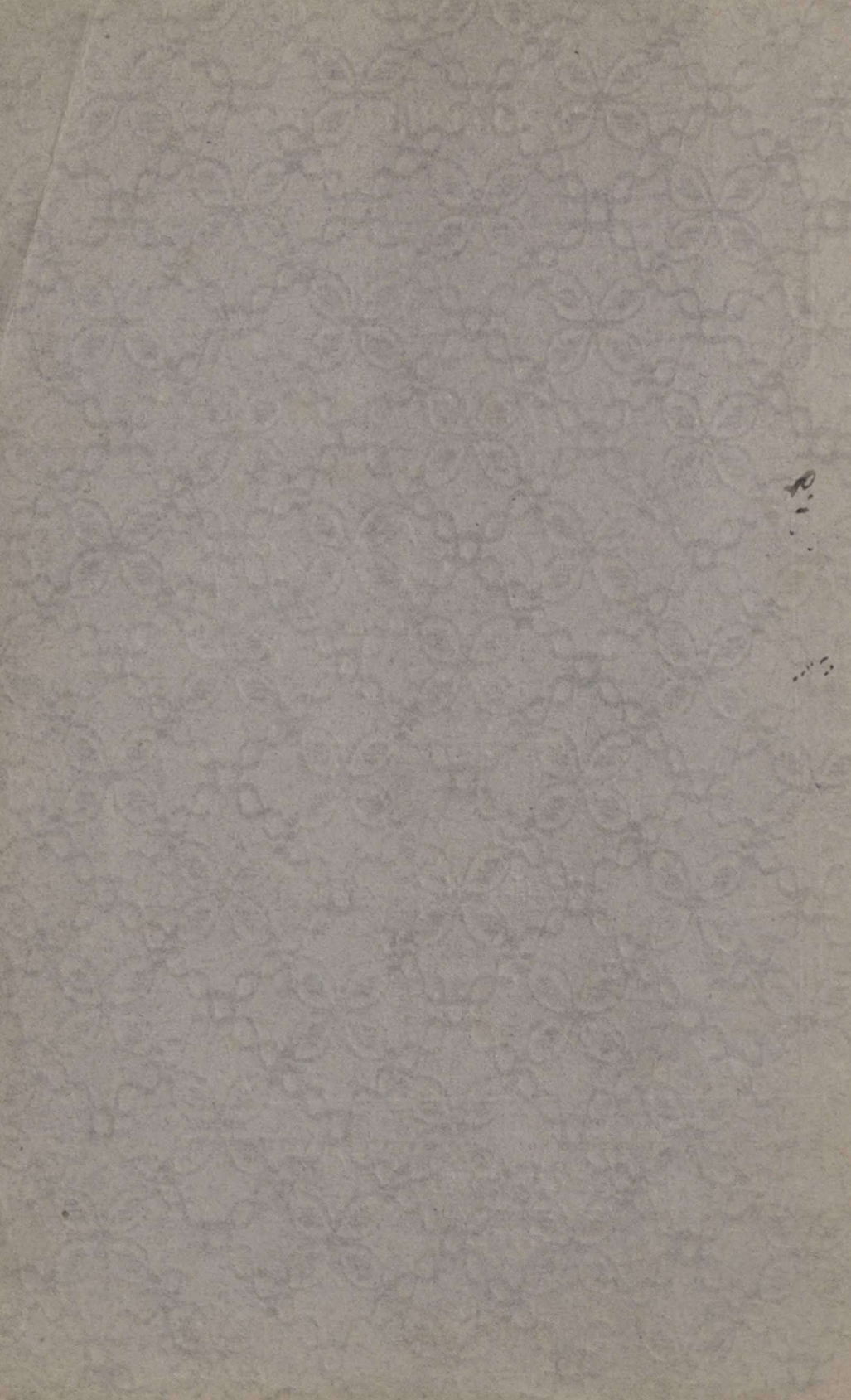
САРАТОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ «САРАТОВСКАГО ДНЕВНИКА».

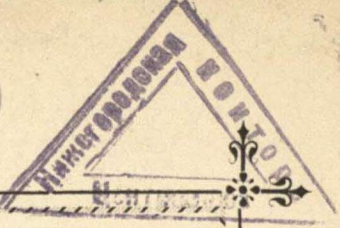
1905.

68358

58

281.9 + 9 (47)

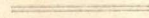

И. ЖИЛКИНЪ,

**Старообрядцы
на Волгѣ.**

Издание В. К. Самсонова.

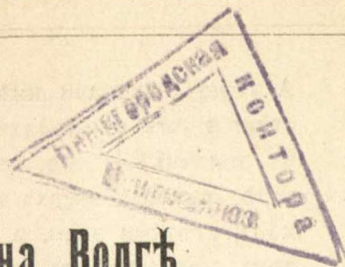

САРАТОВЪ.
ТИПОГРАФІЯ «САРАТОВСКАГО ДНЕВНИКА».
1905 г.

683589

07

Дозволено цензурою. Саратовъ, 22 марта 1905 г.

Старообрядцы на Волгѣ.

I.

Въ пяти верстахъ отъ Хвалынска есть интересный уголокъ. Здѣсь столпились каменные холмы и горы, но какъ будто чудодѣйственный жезлъ Моисея ударилъ по каменнымъ ребрамъ горъ, и вездѣ забились, заструились сотни родниковъ, ручейковъ. Эта поистинѣ живая вода опоясала весь Хвалынскъ знаменитыми по всей Волгѣ фруктовыми садами (особенно раньше: «милліонъ пудовъ одного яблока вывозили», —со вздохомъ говорили мнѣ хвалынцы). Тутъ-же, по склонамъ горъ разбѣгаются густыя рощи молодого лѣса. А въ самой глуши, среди воды, лѣса, садовъ и горъ, прячется Черемшанъ. Черемшанъ—это послѣдній, грустный, замирающій вздохъ «древняго благочестія»... Это—старообрядческій монастырь, послѣдній заброшенный сюда осколокъ иргизскихъ скитовъ, широкая, хотя и давно погашенная, духовная жизнь которыхъ жива до сихъ поръ въ памяти средняго Поволжья. Странно и грустно видѣть въ этомъ живописномъ, брызжущемъ жизнью мѣстѣ такое застарѣлое, сугубое отрицаніе жизни. Потому что, если вообще монастырскій обиходъ удаляетъ отъ міра, то старообрядческій монастырь дѣлаетъ это суровѣе, непреклоннѣе, аскетичнѣе. Пришлось мнѣ здѣсь увидѣть даже и современнаго старообрядческаго подвижника. И, что еще страннѣе, я зналъ этого подвижника лѣтъ десять назадъ простымъ, строгимъ старикомъ, ходившимъ въ Вольскѣ въ большомъ картузѣ, изъ-подъ котораго выбивались густые, сѣдые кудри.

А теперъ, сказали мнѣ, ужъ лѣтъ восемь какъ постригся онъ въ монахи и живетъ отдѣльно, въ горѣ, въ землянкѣ... Подошли мы со спутникомъ къ этой горѣ, которая вверху и внизу обливалась, словно плакала, струями воды, а потомъ темнымъ, узкимъ ходомъ спустились въ затхлую, мрачную каморку. Жалкій, маленькій, сгорбившійся старичекъ всталъ и глядѣлъ на насъ. Угасшее, землисто-восковое лицо, припухшіе покраснѣвшіе глаза, скуфейка съ крестами на головѣ, а изъ подъ скуфейки желтоватія, прилипшія косички волосъ... Жалость ударила по сердцу при видѣ этого похоронившаго себя человѣка. А за стѣнами глухо шуршала вода, сыростью дышали темные углы. На столѣ лежала большая старопечатная книга, передъ почернѣвшими образами тускло теплилась лампадка. И мнѣ сразу ярко вспомнилось то жуткое, давящее чувство, съ которымъ я ходилъ по безконечнымъ, извилистымъ кievскимъ пещерамъ, отъ гробницы къ гробницѣ, въ которыхъ лежали останки подгижниковъ, выказавшихъ изумительную силу духа и гигантскую настойчивость... Удалиться отъ жизни, шагъ за шагомъ прокопать на десятки сажень каменную гору и въ темныхъ нѣдрахъ горы похоронить себя для молитвенныхъ подвиговъ и ожиданія будущей жизни. Но, вѣдь, то было почти тысячу лѣтъ назадъ! И вотъ, словно исторія остановила тутъ свой маятникъ. Въ сырой горѣ, почти безвыходно, какъ мнѣ рассказали, живетъ старикъ, питаясь хлѣбомъ, все читая старопечатную книгу и кладя псклоны по лѣстовкѣ. Тяжело и грустно было глядѣть на его погасшее, мертвенно-равнодушное лицо. Разговора у насъ не вышло. Меня онъ не припомнилъ, но съ напряженіемъ вспомнилъ мою фамилію и спросилъ о моемъ отцѣ, медленно, безучастно. «Зачѣмъ это?»— хотѣлось спросить, глядя на его замученное голодомъ, старчествомъ, темнотой и сыростью тѣло. И

мой спутникъ, молодой, крѣпкій, жизнерадостный старообрядческій уставщикъ, смотрѣлъ на старика съ любопытствомъ, но безъ почтительнаго сочувствія.

Страхъ настоящей жизни и страхъ предъ будущей загробной жизнью такъ понятенъ въ обстановкѣ за тысячу лѣтъ назадъ, но какая бездонная, непроницаемая психологическая глубина—видѣть это теперь, при блескѣ и грохотѣ нашей жизни...

Мы съ уставщикомъ переходили черезъ гору, сквозь чащу деревьевъ, отъ женскаго монастыря къ мужскому.

— Вотъ здѣсь,—сказалъ уставщикъ, останавливаясь на вершинѣ холма, среди маленькой полянки,— вотъ здѣсь мы разъ съ нашимъ батюшкой цѣлу ночь продрожали.

— Зачѣмъ?

— Вышло этакъ. Вечеромъ прискакалъ, сломя голову, верхомъ парень изъ Хвалынска съ ямскаго двора. У насъ тогда, по одной причинѣ, моленна не въ городѣ была, а вотъ тутъ, подъ горой. Прискакалъ: «скорѣе,—говорить,—прячьте батюшку! Исправникъ потребовалъ лошадей; навѣрно, сюда ловить прїѣдетъ». То-есть, значитъ, насчетъ бѣглаго священника. Ну... куда ночью дѣваться? Выбѣжали, я да батюшка, на это мѣсто вотъ, да и стояли до утра. Въ сентябрѣ было дѣло, дождичкомъ поливало, а мы изъ подъ дерева всю ночь въ ту вонъ сторону на дорогу глядѣли.

— Ну, что-же, прїѣхалъ?

— Исправникъ-то? И не думалъ! Въ Елшанку утопленника что-ли глядѣть ѣздиль.

А они глядѣли и дрожали... Такимъ-же глядящимъ впередъ и дрожащимъ представилось мнѣ и все старообрядчество. Легче теперь, мягче стало, и можно бы не пугаться такъ; но эта дрожь—дрожь стараго, жестокаго, многовѣковаго испуга. Исключительная до-

ля выпала старообрядчеству—дрожать изъ поколѣнія въ поколѣніе за свою вѣру и спокойствіе. А страхъ не способствуетъ любви и довѣрію къ жизни. Страхъ разгонялъ ихъ когда-то по лѣсамъ болотамъ, дикимъ горамъ, далекимъ окраинамъ. Теперь нѣтъ прежнихъ гоненій, но сердце все еще дрожитъ, глаза смотрятъ съ пугливымъ недоувѣріемъ, и все хоронятся люди по темнымъ угламъ, забываясь отъ всякаго окрика все глубже и дальше. И хочется вѣрить, что не придется имъ вновь бѣжать поспѣшно въ темные углы и дичать отброшенными отъ людей, раздробляя религиозное чувство на сотни узкихъ, нетерпимыхъ сектъ. Тяжелыя послѣдствія многолѣтняго испуга могутъ исчезнуть лишь при долговременной терпимости и мягкости.

II.

Первый ударъ при Никонѣ расколлъ русскую церковь на двѣ части. Поспѣшнымъ примиреніемъ, мягкостью, взаимнымъ снисхожденіемъ, можетъ быть, возможно было спаять надколъ; но по краямъ зіявшей, какъ пропасть, трещины встали двѣ желѣзныхъ, непреклонныхъ личности—Никонъ и протопопъ Аввакумъ, а за ними толпились съ воспаленными фанатизмомъ глазами другія кремневая фигуры, и щель все расплзлась шире и шире...

Но все-же тутъ было только два враждебныхъ лагеря, и останься дѣло въ такомъ положеніи, можетъ быть, у насъ было-бы до сихъ поръ только двѣ церкви—старая и новая. Но на непокорную, отпавшую половину посыпался градъ ударовъ. Кремневое упорство, гранитный фанатизмъ надумали смягчить напоромъ, силой, ударами. Съ самаго начала былъ избранъ ложный путь страха и злобы. И получился уже не расколъ, а раздробленіе. Какъ у сказочнаго богатыря, который срубитъ противнику голову—вырастаютъ двѣ, срубитъ двѣ—вырастаютъ четыре, такъ

и старообрядчество, вначалѣ цѣльное, отъ каждаго удара колелось, дробилось, разбѣгалось во всѣ стороны, и скоро вся страна была усыпана этими многочисленными осколками вѣры—сектами, толками, кривотолками. Система страха была истинной матерью всего нашего раскола или раздробленія церкви, и другого результата она не могла имѣть.

Широкая, далекая Волга послужила для старообрядцевъ съ самаго начала надежнымъ приютомъ. Привольный край, богатый лѣсами, звѣрьемъ, рыбой, водой и, главное, далекій отъ власти, привлекалъ не однихъ старообрядцевъ. Всѣ, кто страдалъ отъ поборовъ, гоненій, давленій или, попросту, отъ зачмодавцевъ, которые грозили правожемъ и вѣковымъ холопствомъ, бѣжали во влажныя объятія Волги. Даже пословица на Руси тогда сложилась: «Нечѣмъ платить долгу, такъ пойду на Волгу».

Старообрядцы тысячами усѣяли берега Волги. Но это было пугливое, раздробленное стадо. Общей церкви не существовало, и старообрядцы, прижимая къ груди старопечатныя книги и прячась по лѣсамъ отъ начальства, подозрительно глядѣли уже и другъ на друга. Страхъ начиналъ дробить ихъ на секты. Темнота сгущалась надъ ихъ головами, помрачала разумъ и кривила, уродовала религіозное чувство..

Но, вотъ, «засіяло ведро благочестія». При Екатеринѣ II является манифестъ 7 декабря 1762 года. Призываются бѣжавшіе за границу старообрядцы и отводятся имъ въ Саратовскомъ краѣ, за Волгой, по рѣкѣ Иргизу, болѣе 70,000 десятинъ хорошей, богатой земли для свободнаго проживанія.

Бѣглецы изъ-за границы, воспрянувъ духомъ, толпами возвращались на родину. Но не въ этомъ была главная благодать для старообрядчества. Словно вспрыснутая живой водой, возстановлялась разсыпавшаяся на куски старая церковь. О сліяніи съ право-

славемъ пока еще нельзя было и думать, но лучъ свободы согрѣлъ, оживилъ и повлекъ къ единенію разбросанныхъ повсюду старообрядцевъ. На Иргизѣ быстро, одинъ за другимъ, стали возникать скиты (наиболѣе извѣстные: Аврааміеъ, Пахоміеъ, Исаакіеъ, Маргаритинъ и Анфисинъ). «Благочестіе процвѣтало купно съ благолѣпіемъ». Явились здѣсь у старообрядцевъ вновь свои храмы, священники, іеромонахи и прочій чинъ церковный. И неудивительно, что со всѣхъ сторонъ потянулись сюда какъ въ землю обѣтованную, тысячи старообрядцевъ. Жажда религіозная утолялась уже не изъ мелкихъ, мутныхъ и случайныхъ ручейковъ, а изъ общаго широкаго потока. Крестьяне-старообрядцы селились по близости монастырей на Иргизѣ, а горожане—въ Саратовѣ, Вольскѣ и Хвалынскѣ.

«Старая вѣра» разливалась широкой, свободной волной. Главари старообрядчества занялись горячей проповѣдью и пропагандой. Всѣ села и деревни средняго Поволжья въ короткое время были захвачены во власть настойчивыхъ и убѣжденныхъ въ своей правотѣ проповѣдниковъ старой вѣры. И даже—странное дѣло—не только русскія села, но и чувашскія и мордовскія, которыя еще не разстались съ идолопоклонствомъ и съ большимъ трудомъ переводились въ православіе, даже и эти инородческія села почти поголовно переходили въ старообрядчество. Было еще разъ на дѣлѣ доказано, что въ вопросахъ религіи и вѣры самый прямой путь—горячее слово убѣжденія. Даже узкій фанатизмъ ближе къ сердцу, чѣмъ суровая репрессія.

Но этотъ широкій размахъ старообрядчества принесъ для него много новаго горя и страха. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія вновь туча поднялась надъ иргизскимъ и поволжскимъ старообрядчествомъ. Широкая пропаганда старой вѣры встрево-

жила и свѣтское, и духовное начальство. Пензенскій архіерей Ириной призналъ иргизскіе скиты «гнѣздилищами разврата раскольническаго», а саратовскій губернаторъ князь Голицынъ представилъ въ 1828 году въ министерство докладъ, въ которомъ указывалось, что «иргизскіе монастыри суть убѣжища праздности и разврата и разсадники раскола, а потому необходимо уничтожить ихъ» *)

Такимъ образомъ для религіозной борьбы вновь вернулись къ системѣ страха, и результаты получились прежніе: отъ крутыхъ мѣръ старообрядцы разбѣгались изъ скитовъ въ разныя стороны. Власти желали перевести скиты въ единовѣріе. Наиболѣе непослушныхъ монаховъ выселяли, малодушные или хитроумные сами бѣжали, съ остальными-же упрямыми много было хлопотъ.

Вотъ, на примѣръ, картина «взятія взбунтовавшагося Никольскаго монастыря». Это было въ 1837 году, при саратовскомъ губернаторѣ Степановѣ. Бунтъ состоялъ въ томъ, что старообрядцы не хотѣли переходить въ единовѣріе и не желали выходить изъ монастыря, а легли посреди двора и сцѣпились руками, чтобы ихъ не могли по одиночкѣ вытаскать. «Степановъ скомандовалъ: «пли!» Началась стрѣльба холостыми зарядами. Въ то-же время начали качать воду на бунтовщиковъ. Понятые и солдаты бросились на смутившихся и растерявшихся старообрядцевъ и начали ихъ вязать и вытаскивать изъ монастыря. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ шла работа, пока всѣ 1049 человекъ были удалены за ограду».

Въ томъ же году былъ упраздненъ и послѣдній Верхне-Преображенскій монастырь. Официально мо-

*) Эти историческія свѣдѣнія о старообрядчествѣ взяты изъ книги Н. С. Соколова „Расколъ въ Саратовскомъ краѣ.“

настыри сдѣлались единовѣрческими. Но въ нихъ оказалось всего по нѣсколько человѣкъ. Сами официальные документы признаютъ, что старообрядчество не было приближено къ православію. Г. Соколовъ въ своей книгѣ говоритъ: «Мечемъ свѣтской власти напрасно хотѣли разрубить узелъ, завязавшійся на почвѣ духовно-религіознаго свойства; религіи мира и любви напрасно навязали столь чуждый ей характеръ гонительства. Кромѣ зла, ничего не могло выйдти изъ этой системы, и если, въ порывахъ ревности и увлеченія, дѣятели того времени не въ состояніи были понять этого, то исторія спокойно и холодно оцѣнивающая дѣла давно минувшихъ дней, должна отмѣтить фактъ такого прискорбнаго ослѣпленія, какъ судъ прошедшему и какъ урокъ для будущаго».

Но уроки живой жизни и мудрой исторіи входятъ въ сознаніе общества не скоро. Только въ послѣдніе годы система страха для старообрядчества ослабла въ своихъ основаніяхъ, и предъ глазами старообрядцевъ блеснулъ на горизонтѣ краешекъ голубого неба.

III.

Черная туча съ каменнымъ дождемъ суровыхъ наказаній и преслѣдованій, разгромившая начисто иргизскіе скиты, съ той-же безпощадностью обрушилась и на старообрядческій центръ Поволжья - городъ Вольскъ.

Необходимо отмѣтить важную черту. Подъ градомъ ударовъ со стороны ближайшаго начальства старообрядцы никогда,—ни прежде, ни теперь,—не считали инициаторомъ своего преслѣдованія высшее правительство. И въ этомъ они были значительно правы. Не говоря уже о царствованіи Екатерины II и Александра I, старообрядцы и при Императорѣ Николаѣ I долгое время не чувствовали стѣсненій

отъ петербургской власти. Главная суть въ то время, очевидно, была въ ближайшемъ начальствѣ, которое, воспалась близорукимъ рвеніемъ, счумѣло убѣдить и высшее правительство въ крайней необходимости суровыхъ мѣръ для искорененія раскола. Все дѣло было въ мѣстныхъ губернаторахъ и архіереяхъ. Въ 1831—35 году былъ, на примѣръ, саратовскимъ губернаторомъ Переверзевъ. Про него говорили, что онъ разрѣшилъ подавать ему прошенія «о зачисленіи въ какую угодно секту». Но свобода имѣетъ свои животворные законы: какъ разъ при ней-то старообрядцы и не чувствовали стремленія распаться на секты. Ихъ влекло къ единенію, къ плотно сомкнутой организаціи. Ихъ мечта была имѣть свои храмы съ крестами и колоколами и своихъ священниковъ. И пока они безпрепятственно воздвигали храмы и безпрепятственно брали себѣ священниковъ изъ православія, ядро старообрядчества становилось все цѣльнѣе и плотнѣе. Но пугаться этого ревнителямъ православія совсѣмъ не должно было. Въ это, именно, время старообрядчество стало нечувствительно и безсознательно приближаться къ православію. Священниковъ приходилось брать изъ православія и, хотя они шли изъ корысти и хотя ихъ «исправляли», все же они вносили въ старообрядчество значительную дозу духа господствующей церкви, и чѣмъ больше ихъ переходило, тѣмъ больше невидимыхъ, но цѣпкихъ нитей набрасывалось на старообрядчество. Пойди исторія и дальше такимъ мирнымъ ходомъ, православіе безъ всякой борьбы увидѣло бы крупные для себя результаты. И еще знаменательное явленіе: въ самый расцвѣтъ иргизскаго и вольскаго старообрядчества, въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, когда торжественно гремѣли колокола на старообрядческихъ храмахъ и когда священники изъ православія съ полной свободой шли «на исправленіе» и службу къ богатѣвшему

и расцвѣтавшему старообрядчеству, въ средѣ старообрядцевъ сама собой зародилась мысль объ единовѣрїи. За полтора ста лѣтъ повальной вражды и ожесточеннаго фанатизма это была первая свѣтлая мысль о примиренїи, первая попытка взглянуть трезвыми глазами на обрядность, изъ-за малѣйшаго искаженія которой тысячи людей губили другъ друга. Во главѣ этого свѣжаго движенія встали главари старообрядчества: иргизскій наставникъ инокъ Сергій, вольскій миллионеръ Злобинъ, гремѣвшій не только по всей Волгѣ, но извѣстный въ Петербургѣ и чуть-ли не во всей Россїи, вольскіе купцы—Волковойновъ, Сапожниковъ, Епифановъ и другіе. Рука примиренія уже тянулась отъ старообрядчества къ протянутой рукѣ православія. Конечно, огромное большинство старообрядцевъ грозно заволновалось и стѣной встало на защиту «истиннаго православія». Но въ маленькой кучкѣ реформаторовъ были вожди, сильные духомъ, деньгами и положеніемъ. При мирнсмъ, естественномъ ходѣ вещей единовѣрїю предстояла блестящая будущность. Случилось-же иное. Протянутая къ старообрядчеству рука вскорѣ стала дрожать отъ нетерпѣнїя и раздраженія. Полуторавѣкою испугъ, вражда и недоувѣріе темной массы не были поняты и прощены. Нетерпѣливо захотѣлось поскорѣе разбить закоренѣлое упорство, и для дѣла примиренія властная рука вооружилась плетью, прикладами, пожарными насосами. Въ результатѣ побѣды—опустѣвшіе монастыри и опустошенныя церкви. Они достались единовѣрїю. Но «церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ»,—говорятъ старообрядцы. Люди разбѣжались, старообрядчество осталось такимъ-же въ числѣ, и побѣды, въ сущности никакой не было.

Въ 1826 году въ Вольскѣ былъ деревянный старообрядческій храмъ, съ крестами и колоколами, (Львовская часовня), и въ томъ-же году былъ достро-

ень разрѣшенный старообрядцамъ высшей властью каменный обширный храмъ. Онъ стоилъ около 100 тыс. рублей и былъ для скромнаго Вольска грандіознымъ сооружеіемъ. Но сердца старообрядцевъ ликовали преждевременно. Съ этого года померкло свѣтлое небо надъ ними. Святить новую церковь не дозволили. Губернаторъ Голицынъ рѣшилъ взяться желѣзной рукой за старообрядцевъ. Въ 1826 г. онъ велѣлъ снять кресты со стараго храма въ Вольскѣ. Львовская часовня была обезглавлена, и это былъ первый тяжкій ударъ для вольскихъ старообрядцевъ. Въ то-же время губернаторъ хлопоталъ въ Петербургѣ, добиваясь разрѣшенія принять рѣшительныя мѣры. Ему дѣятельно помогалъ пензенскій преосвященный Ириней. Въ 1830 году было рѣшено допустить богослуженіе въ новомъ храмѣ, но снять съ него кресты и колокола. Кресты и колокола сняли при громадной толпѣ рыдавшихъ старообрядцевъ. «Это была,—говоритъ Соколовъ въ своей книгѣ,—одна изъ побѣдъ православія, которая, по своимъ послѣдствіямъ, стоила ему дороже пораженія». Не сіялъ больше крестъ надъ старообрядчествомъ, и не гудѣли призывно колокола. Онѣмѣла запуганная старая церковь и находится въ этой нѣмотѣ до сихъ поръ.

Когда я былъ въ Хвалынскомъ старообрядческомъ монастырѣ Черемшанѣ, настоятель его, Феодосій, встрѣтилъ меня сурово, непривѣтливо. Съ неподвижнымъ лицомъ, исподлобья оглядывалъ онъ меня подозрительными глазами и молчалъ. Смущенно молчалъ и я, не зная, какъ пробить естественный ледъ недоуѣрія. Передъ часовней я увидѣлъ висѣвшую на веревкѣ чугунную доску.

— Это для чего?—спросилъ я.

Настоятель молча взялъ висѣвшую тутъ-же деревянную колотушку и съ силой ударилъ по доскѣ. Въ воздухъ понесся глухой, дребезжащій звонъ.

— Словно колоколь!—похвалилъ я.

И совсѣмъ неожиданно для меня неподвижное лицо настоятеля потеплѣло и размягчилось.

— Въ городѣ, за четыре версты слыхать!—сказаль онъ съ дѣтской хвастливостью и довѣрчиво улыбаясь мнѣ,—и то лѣтось исправникъ говорить: «это что у васъ, въ колоколь звоните?»—«Какой, говорю, колоколь, ваше благородіе! въ било бьемъ!»—«То-то, смотрите, говорить, у меня»...

И настоятель съ колотушкой въ рукѣ нѣжно глядѣлъ на чугунную доску. Съ новымъ чувствомъ посмотрѣлъ на нее и я.

Да, словно глухо-нѣмой, издаетъ она глухіе и дикіе звуки, но все-же они похожи на колокольный звонъ, все-же церковь не молчитъ, а зоветъ къ себѣ громкимъ голосомъ и къ обѣднѣ, и къ вечернѣ, и къ утрени... Остальное старообрядчество лишено и этого. Въ православныхъ храмахъ гремитъ торжественный благовѣстъ, въ нѣмецкихъ церквахъ гудить колоколь, даже въ татарскихъ мечетяхъ раздается съ верхушки минарета призывной голосъ муэдзина. Одни старообрядцы при мертвомъ молчаніи бредутъ въ свои молчаливыя «моленные». Нужно быть старообрядцемъ, чтобы почувствовать, какая печаль для сердца въ этой безсильной нѣмотѣ церкви...

Все это понялъ я, когда настоятель Θεодосій за одно сравненіе чугунной доски съ колоколомъ простилъ мнѣ мое бритое, еретическое лицо, показаль свой храмъ и разсказаль, что могъ.

Естественно, что снятіе крестоу и колоколоу не содѣйствовало успѣху единовѣрія. Между тѣмъ, начальство упорно шло по этому пути.

Съ 1835 года саратовскимъ губернаторомъ былъ Степановъ. Для пользы церкви онъ дѣйствовалъ круто и прямолинейно.

«Ваше Величество, — докладываль онъ свой

взглядъ на старообрядцевъ Императсру Николаю I, — я приведу ихъ къ одному знаменателю». И, вѣроятно, старообрядчеству было-бы еще горше, если-бы излишне рьяному ревнителю православія не было разъяснено императоромъ: *«Безъ строгихъ мѣръ; надо дѣйствовать осторожно и не раздражая»*. Можетъ быть Степановъ искренно полагалъ, что онъ дѣйствуетъ не строго, осторожно и не раздражая, когда съ казаками и солдатами, нагайками и насосами изгонялъ старообрядцевъ изъ монастырей...

Съ 1841 года губернаторомъ былъ Фаддеевъ. Онъ докончилъ разгромъ старособрядчества. Да ужъ и доканчивать почти нечего было: у всѣхъ поволжскихъ старообрядцевъ оставался въ Вольскѣ единственный священникъ Прохоръ Любимовъ. Въ 1844 году Львовская часовня была заперта и опечатана, а Прохоръ арестованъ. Ему настойчиво предложили перейти въ единовѣріе. Онъ далъ въ этомъ подписку, но въ то-же время попросилъ отпустить его заштатъ и снять съ него санъ. Старообрядцы остались безъ священства, но въ единовѣріе не шли. Въ 1845 году вольскій каменный храмъ переданъ въ единовѣріе. Съ нимъ перешло 30 человѣкъ, къ которымъ потомъ прибавилось еще нѣсколько старообрядцевъ. А заколоченная и запечатанная Львовская часовня все еще имѣла вокругъ себя около 10 тысячъ старособрядцевъ.

И вотъ съ тѣхъ поръ прошло шестьдесятъ лѣтъ. Львовская часовня все еще стоитъ пустая и заколоченная. Почернѣвшая, обветшавшая, обезглавленная, съ продавленными зияющими окнами стоитъ она предъ смѣняющимися поколѣніями молчаливымъ укоромъ. А въ каменномъ храмѣ молятся единовѣрцы. Подъ большіе праздники, Пасху, Рождество, когда пятисотпудовый колоколъ единовѣрческой церкви сотрясаетъ ночную тьму мощными ударами, тысячи старообрядцевъ во всѣхъ концахъ города поднимаются и идутъ...

въ свои молчаливыя «моленные». Въ низкихъ, тѣсныхъ помѣщеніяхъ тысячная толпа задыхается въ давкѣ и духотѣ, а подѣ высокими сводами единовѣрческой церкви гулко раздаются шаги немногихъ прихожанъ.

Единовѣрцевъ считается въ городѣ нѣсколько сотъ; старообрядцевъ также, какъ и прежде, не менѣе десяти тысячъ. Мнѣ самому приходилось видѣть стариковъ старообрядцевъ, которые указывая на единовѣрческой храмъ, говорили: «наша церковь»,—но молиться шли въ моленную.

Съ опытомъ единовѣрія еще разъ было доказано, что система страха производитъ глубокое и на многіе годы впечатлѣніе, да только въ совершенно другомъ направленіи.

IV.

Старая церковь была сломана, расколота и раздроблена. Настало тяжелое, смутное время. Какъ овцы, внезапно распугнутыя въ глухую ночь среди рытвинъ и овраговъ незнакомаго поля, старообрядцы бѣжали въ разныя стороны, прятались по угламъ и съ испуга не признавали одинъ другого. Съ этого времени пошло быстрое дробленіе старой вѣры на поповцевъ, беспоповцевъ, австрійцевъ, бѣглопоповцевъ, поморцевъ, едосеевцевъ, средниковъ, перекрещенцевъ и десятки другихъ толковъ. Потомъ, когда вновь повѣяло свѣжимъ вѣтромъ свободной жизни, изъ разбитыхъ кусковъ старой церкви создались двѣ крупныя церковныя организациі—австрійская и бѣглопоповская. Но множество мелкихъ осколковъ вѣры упали на самое дно жизни и здѣсь въ темнотѣ, безъ воздуха и свѣта, выпустили уродливыя и жалостныя ростки.

Мнѣ въ Вольскѣ пришлось долгое время жить въ такомъ кварталѣ, который, по странной случай-

ности, весь состоялъ изъ представителей различныхъ сектъ. Нужно замѣтить, что дѣленіе на секты и толки дѣлается только потому, что всегда человѣку хочется дать каждой вещи названіе. И названіе сектамъ, по большей части, даютъ посторонніе наблюдатели, а сами старообрядцы-одиночки затрудняются опредѣлить свое вѣроисповѣданіе. «Такъ, дома молимся... Нѣтъ нынче нигдѣ истинной церкви». Сброшенные на низъ жизни, они ошупью, съ мучительнымъ напряженіемъ затемненнаго мозга ищутъ святой жизни, истинной церкви и, не видя ея вокругъ себя, молятся въ своихъ кельяхъ въ одиночку или маленькими кучками. Многіе притомъ не только молятся, но и всю свою жизнь ломаютъ и перестраиваютъ по выработанному вѣроученію.

Съ того двора, гдѣ я жилъ, каждую субботу, лишь только въ единовѣрческой церкви раздастся первый ударъ тяжелаго колокола, выходилъ строгій, высокій старикъ, въ длинномъ, широкомъ халатѣ стариннаго покроя, съ волосами, остриженными «въ кружалю», смазанными деревяннымъ масломъ и причесанными прямымъ проборомъ. И картузь на немъ сидитъ строго и прямо, и походка его сосредоточенно-строгая. За нимъ вскорѣ выходитъ жена его, въ платкѣ, низко надвинутомъ на глаза, и лицо ея, по чистотѣ и строгости выраженія, близко напоминаетъ темные лики старыхъ иконъ, которымъ она неустанно молится. Они идугъ ко вѣнощной въ бѣглоповскую «новиковскую моленную».

Они принадлежатъ къ большой, многотысячной старой церкви, и жизнь ихъ, при всей религіозной суровости, носитъ печать спокойной, удовлетворенной и увѣренной въ себѣ старой культуры.

Рядомъ живутъ едосеевцы-безбрачники. Ихъ двое: мужъ и жена. Живутъ они, какъ братъ съ сестрой. Оба тихіе, скромные, одѣты заботливо и оп-

685889

ратно, и въ комнатахъ у нихъ необыкновенно чисто и опрятно. Но почему-то отъ всего и отъ нихъ самихъ ибѣтъ неуловимой печалью, какъ будто здѣсь завяла и погасла жизнь, и впереди для нихъ не чувствуется ничего, кромѣ темной пустоты... Наканунѣ праздниковъ у нихъ дома свѣтятся лампадки, слышенъ голосъ хозяина, нараспѣвъ, съ характерными, тоскливыми повышеніями и пониженіями, читающаго по старой книгѣ вечернюю службу, и видны частые земные и поясные поклоны предъ иконами... Въ праздникъ хозяинъ, въ опрятномъ картузѣ и кафтанѣ, ходитъ, постукивая палочкой, по своему вычищенному двору; и все почему-то сердце щемитъ, когда видишь его печальные глаза и блѣдное лицо.

По другую сторону живутъ двѣ старыя дѣвицы. У нихъ «своя» вѣра. Наканунѣ праздниковъ, къ нимъ приходитъ нѣсколько старухъ и женщинъ, и онѣ поютъ и читаютъ «вечерню». Утромъ въ праздники онѣ служатъ «часы», и протяжное ихъ пѣніе, унылое и слегка гнусавое, раздается по всему кварталу. Кромѣ того, онѣ—«мастерицы», т. е. обучаютъ дѣтей азбуку и «псалтирю». По буднямъ на ихъ «галдарейкѣ» звенять и надрываются съ утра до вечера дѣтскіе голоса, складывающіе: «буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва, глаголь-азъ—га»... А проходящіе старшіи курсъ съ плачущимъ напряженіемъ, по слогамъ, выкрикиваютъ: «блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ несчастивыхъ и на пути грѣшниковъ не стоя».. Слышится по временамъ грозный крикъ мастерицы, щелканье ременной «двухвостки» и захлебывающійся плачь воспитанника.

Въ слѣдующемъ домѣ—старикъ и старушка неизвѣстнаго толка; молятся дома. Старикъ долго, съ большимъ усердіемъ выстукивалъ топоромъ, занимаясь плотничествомъ, а потомъ внезапно бросилъ свою старуху и скрылся. Послѣ уже открылось, что гдѣ-то

на Уралѣ онъ постригся въ монахи и живетъ отшельникомъ.

Рядомъ съ ними обитаетъ старуха съ сыномъ. Ее причисляютъ къ сектѣ перекрещенцевъ, но никому ничего о внутренней ея жизни неизвѣстно. Она занимается тѣмъ, что «припускаетъ пиявки». Кто-бы чѣмъ ни былъ боленъ: чахотка, катарръ желудка, кашель, ломота,—она всѣмъ совѣтуетъ «припустить пиявокъ», чтобы выбросить «дурную кровь». Пациентовъ у нея всегда очень много. Дома она всегда накрѣпко запирается и закрывается ставнями. Всегда низко кланяется, говорить убитымъ, елейнымъ тономъ. Ея сынъ, забитый и несуразный мальчонка, котораго уличные товарищи называютъ «шалапутнымъ», выбѣгаетъ на улицу съ зеленой лампадкой въ карманѣ, чтобы не «обмірщиться». Этой лампадкой приказано ему, когда захочетъ, пить воду изъ бассейна, но отнюдь не притрогиваться къ «мірскимъ» «опоганенымъ» чашкамъ.

Впрочемъ, въ скоромъ времени товарищи торжественно разбили вдребезги его зеленую лампадку и тѣмъ пріобщили его къ міру: сначала съ ужасомъ, а потомъ съ восторгомъ онъ научился пить и ѣсть изъ «мірской» посуды.

Не «мірщиться»—это тяжелый и грустный результатъ изуродованной и загнанной религіозной мысли. Къ нему невѣдомыми путями приходятъ всѣ эти одиночки-отщепенцы и представители малочисленныхъ сектъ. Если міръ загналъ и отбросилъ ихъ, то и они отбрасываютъ его, и отбрасываютъ совершенно искренно за его «еретичество» и «опоганенность». Такой сектантъ никому не дастъ пить и ѣсть изъ своей чашки и самъ нигдѣ не притронется къ чужой посудѣ. Случается даже такъ, что въ одномъ домѣ мужъ съ женой, отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью ѣдятъ изъ разныхъ чашекъ, боясь опоганиться. И

когда видишь это вблизи, на живыхъ людяхъ, гнетущая мысль не выходитъ изъ головы: какъ же нужно было ухать, травить и угнетать людей въ теченіе многихъ поколѣній, чтобы такъ перекривить ихъ сознание, изуродовать религіозное чувство и язычника-славянина, съ широкой, открытой, гостепріимной душой, превратить при посредствѣ христіанской религіи, проповѣдывающей широчайшую, всечеловѣческую любовь, въ одичавшаго фанатика-человѣконенавистника?

Если-же спуститься еще ниже, въ глубину жизни, почти недоступную для наблюденія, то плоды религіозной мысли, при взаимномъ воздѣйствіи давленія и невѣжества, являются поистинѣ потрясающими.

Тамъ назрѣваютъ и подготавливаются событія, въ родѣ тираспольскаго, когда люди зарываютъ себя живыми въ землю, сжигаютъ въ огнѣ, умерщвляютъ голодомъ... Невольно приходитъ въ голову такое сравненіе: на снимкахъ изображаютъ жизнь на днѣ моря; подъ колоссальной тяжестью мутно-зеленой толщи, въ вѣчномъ сумракѣ плаваютъ осклизлыя, безконечно тягучія водоросли, безформенныя губчатыя массы, а изъ-за нихъ медленно выползаетъ безобразное чудище, съ круглыми, неподвижными глазами, съ клейкими щупальцами... Жутко и отвратительно смотрѣть на этотъ безформенно-осклизлый міръ и хочется поскорѣе обратить взглядъ на наружную свѣтлую жизнь, зеленую, веселую, съ тонкими, изящно-законченными формами растительнаго и животнаго міра. Страшно сказать, но почти такая-же оторопь и жуть охватываетъ, когда на самомъ низу жизни встрѣчаешься лицомъ къ лицу съ фанатикомъ—одиначкой и сектантомъ. Ничего не можешь понять и увидѣть въ его помрачнѣвшей душѣ, но чувствуешь, что мысли его ползутъ и свиваются, словно странныя, безконечныя, безформенныя водо-

росли, а свѣтлое религіозное чувство изломалось, изуродовалось и превратилось въ чудище, которое цѣпкими щупальцами полубезумныхъ суевѣрій обзирало вокругъ разума сектанта и тянетъ его все глубже въ омутъ жизни, дальше отъ солнца, отъ людей...

Какъ-то я былъ въ книжной лавкѣ въ Вольскѣ. Въ магазинъ вошелъ, нерѣшительно озираясь, молодой мужикъ съ блѣдными, подтянутыми щеками и странно мерцающими глазами. Онъ всталъ и молчалъ, тревожно и пытливо бѣгая глазами по нашимъ лицамъ, по книжнымъ полкамъ.

— Ну, что вамъ угодно?—спросилъ приказчикъ.

Мужикъ шагнулъ къ нему ближе и вытянулъ худую шею.

— Мнѣ-бы такую книгу,—запинаясь заговорилъ онъ,—съ молитвами... насчетъ драконовъ и бѣсовъ...

Магазинный мальчикъ громко фыркнулъ. Приказчикъ, уставшій отъ возни съ покупателями, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ:

— Какіе тамъ еще драконы... Нѣтъ у насъ такихъ книгъ.

Мужикъ тревожно дернулся, втянулъ шею въ плечи и повернулъ ко мнѣ лицо. На меня глядѣли расширенными зрачками глаза, полные такого мистическаго ужаса и отчаянія, что я почувствовалъ себя словно на краю притягивающей къ себѣ бездны.

— Противъ какихъ драконовъ нужны вамъ молитвы?—постарался я спросить, насколько могъ, мягче и участливѣе.

Мужикъ быстро вытянулъ ко мнѣ голову на тонкой шеѣ.

— Кажню ночь... Драконы, змѣи огнедышщи... бѣсы съ красными языками. . Прыгаютъ, хватаютъ... Ташугъ...—торопливо и съ ужасомъ проговорилъ онъ.

— Вы женаты?—спросилъ я его.

Онъ слегка отшатнулся, быстрымъ, пронизыва-

ющимъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня и неохотно, отрывисто произнесъ:

— Нѣту, не женатъ.

— А живете гдѣ?—осторожно и мягко спросилъ я.

Онъ съ подозрительнымъ испугомъ метнулъ на меня глазами, быстро потупился и, надѣвая картузъ, забормоталъ:

— Нѣтъ ужъ... Чего ужъ... Христось съ вами.. Коль книги нѣтъ, такъ ужъ... Простите, Христа ради ..—И быстрой, убѣгающей походкой онъ вышелъ изъ магазина.

Это былъ безбрачникъ-аскетъ изъ заволжскихъ хуторовъ.

Драконы загнали его въ магазинъ, и онъ, съ отчаянія и ужаса, приподнялъ предъ нами уголокъ завѣсы надъ бездной своей души.

Но вся цѣликомъ жизнь такихъ людей, сколько ни вглядывайся въ нее, безнадежно непонятна. Она даже кажется безумной, хотя имѣетъ глубокія и почти святая причины. Вѣдь это современное подвижничество, съ удаленіемъ отъ всѣхъ людей, самоистязаніемъ, голодовкой, изнуреніемъ на молитвѣ, совершается въ подражаніе древнимъ образцамъ. Но древніе подвижники, хотя не рѣдко тоже страдали отъ распаленнаго воображенія съ налетающими драконами, умѣли достигать высокаго душевнаго равновѣсія. Теперь—не то.

Блескъ и шумъ волнующейся вокругъ жизни не даютъ ищущей душѣ успокоити ся на подвигахъ умерщвления тѣла.

Въ томъ же книжномъ магазинѣ я нѣсколько разъ встрѣчалъ другого сектанта-самостязателя. Онъ ушелъ отъ отца и братьевъ, жилъ въ отдѣльной конурѣ, не ѣлъ мяса, не пилъ чаю; хлѣбъ, вода, молитва,—вотъ къ чему свелась его жизнь. Но никако-

го душевнаго удовлетвоенія онъ не чувствовалъ. Въ книжный магазинъ онъ ходилъ разспрашивать о старинныхъ книгахъ. Онъ былъ твердо увѣренъ, что святая истина скрывается въ старинныхъ книгахъ. Ихъ онъ читалъ, изучалъ, покупалъ и выписывалъ на послѣднія деньги. Много разъ я говорилъ съ нимъ, но совершенно не могъ понять, на чемъ зиждется его религіозное міровоззрѣніе. Отрицательная часть у него была разработана превосходно. Многочисленными выдержками изъ библіи и разныхъ старинныхъ книгъ онъ убѣдительно доказывалъ, что теперь на землѣ не существуетъ ни истинной церкви, ни священства; но въ чемъ заключалась его собственная истинная церковь, онъ не могъ или не желалъ объяснить. И когда я слушалъ его длинныя, горячія, но совершенно темныя рѣчи, мнѣ тяжело было глядѣть на этого умнаго мужика. Куда пошла его безцѣнная желѣзная энергія, его широкая душа и безграничное стремленіе къ святой жизни! Развѣ не трагедія души—искать Бога не вверху, а внизу? Съ отчаяніемъ и упорствомъ забивается онъ все глубже на мутное дно жизни, ошупываетъ въ темнотѣ корявые отбросы отжившихъ мыслей и бѣжитъ отъ всѣхъ людей, какъ отъ заклятыхъ враговъ. И невольно думаешь, наблюдая этихъ людей: вотъ что значитъ запугать человѣка и отогнать его отъ общей жизни.

V.

Безцѣнное свойство человѣка—вѣчное творческое исканіе общ ственныхъ формъ—сплотило старообрядцевъ. Какъ въ разшвырнутомъ ногой муравейникѣ сейчасъ-же начинается неутомимая, горячая работа для возстановленія сводовъ зданія, такъ и старообрядцы по бревнышку лѣпили снова разрушенную старую церковь... Но трудно было. Изъ православія священники, боясь суровыхъ наказаній, не шли. А

безъ пастыря какъ и куда поведешь темное стадо? Главари старообрядчества замѣчали, что много ужъ овецъ отбилося отъ общей кучи и заблудилося въ непролазной чащѣ отдѣльныхъ толковъ, сектъ и разногласій. Нужно было спѣшить. И тутъ ярко выплыла мысль, которая давно уже заманчиво мерещилась отдѣльнымъ старообрядцамъ. Нужно искать не священника, а епископа, и пусть онъ будетъ первоначальникомъ старообрядческой іерархіи: отъ него-же, какъ отъ плодovитой лозы, неизсякаемо пойдутъ преемственно всѣ церковныя чины—діаконы, священники, епископы. Въ 1846 году эта мечта, послѣ многихъ поисковъ, осуществилась. Амвросій—епископъ босно-сараевской епархіи, отставленный константинопольскимъ патріархомъ, согласился принять главенство въ старообрядческой церкви. Его «исправили» и поселили въ Бѣлой Криницѣ, за австрійской границей. Сейчасъ-же его заставили рукоположить себѣ преемника—Кирилла. И поэтому, хотя черезъ годъ Амвросій былъ отправленъ въ ссылку, старая церковь оказалась вновь и прочно воздвигнутой. Конечно, многія тысячи глазъ хмуро и недоувѣрчиво глядѣли на это новенькое, но скоропоспѣшное зданіе: истинная-ли эта церковь? И сохранилась-ли у Амвросія при переходѣ отъ никоніанъ благодать хиротоніи? Огромная часть старообрядцевъ такъ и не пошла, оставшись при бѣглыхъ полахъ, многіе рѣшили и совсѣмъ безъ поповъ обходиться, такъ какъ истинное священство уже погасло на землѣ. Но значительное число старообрядцевъ съ восторгомъ пошло въ свою новую «австрійскую» церковь. Конечно, говоря по правдѣ, и здѣсь облако сомнѣнія у многихъ нерѣдко омрачало радость, но распаленному жаждой путнику некогда всматриваться въ свѣжесть источника, который неожиданно блеснулъ предъ истомленными глазами.

Православное духовенство не признавало и до сихъ поръ не признаетъ «австрійской» церкви. Не признають ее до сихъ поръ и многіе старообрядцы. А непризнанная церковь все росла и созидалась за истекшія шестьдесятъ лѣтъ, и теперь ее нельзя ужъ не замѣчать: она стоитъ во главѣ старообрядчества со своими многочисленными молельнями, съ золотыми иконостасами и массивными паникадилами, епископами, священниками, діаконами и все растущимъ числомъ прихожанъ. Не достаетъ лишь крестовъ на куполахъ и колоколовъ, чтобы старая церковь ожива въ прежнемъ благолѣпіи. На старообрядцевъ разныхъ толковъ вѣтъ отъ австрійской церкви плѣнительнымъ воздухомъ вѣры предковъ, воскресившей прежнюю стройную организацію, и немудрено, что многіе ожесточенные противники «австрійщины» смягчаются и, склонивъ покорную голову, вступаютъ членами въ гостепріимную церковь. Этотъ растущій успѣхъ заставляетъ все мрачнѣе смотрѣть на «австрійцевъ» какъ непреклонныхъ старообрядцевъ другихъ толковъ, такъ и православное духовенство. Спокойному зрителю со стороны странно и грустно видѣть эту близорукую вражду. Чадъ и жаръ борьбы мѣшаютъ православнымъ разглядѣть, что австрійская церковь, умножаясь и прихватывая на пути отставшихъ, почти одичавшихъ старовѣровъ, широкими шагами идетъ не отъ православія, а къ православію. Это сближеніе дѣлается, если не будетъ препятствій, все неизбѣжнѣе. А еще цѣннѣе—австрійская церковь ведетъ своихъ членовъ, забѣжавшихъ отъ общей жизни въ непроглядную темноту, снова къ свѣтлой жизни всего современнаго общества. Одиночекъ сектантовъ, съ ихъ самоистязаніемъ и огненными драконами, отдѣляетъ отъ насъ почти тысяча лѣтъ. Они все еще переживаютъ пещерный періодъ, получая отъ религіи не радостное просвѣтлѣніе, а тягостный ужасъ темнаго

ума, запутавшагося въ неразрѣшимыхъ противорѣчiяхъ. Австрiйскую церковь, если даже она «полнѣе желаетъ сохранить до-никоновскiй духъ, отдѣляются отъ насъ всего двѣсти-триста лѣтъ. Какъ переходный этапъ, ея роль и теперь значительна, и еще значительнѣе она будетъ, если дать этой церкви свободный просторъ. Подхватывая на пути пещерныхъ и другихъ, отставшихъ отъ общей жизни старовѣровъ, она сразу придвигаетъ ихъ къ намъ на нѣсколько столѣтiй. И въ то-же время сама она неуклонно стремится все къ большей близости съ современнымъ обществомъ. Мѣшаютъ этому перегородки, въ которыя загнали старообрядцевъ двѣсти лѣтъ назадъ и которыя до сихъ поръ не разгораживаются. Съ самаго начала была избрана ложная система: отогнали людей отъ общей жизни, загородились отъ нихъ стѣной и потомъ изъ этой кучи напуганныхъ, раздраженныхъ отщепенцевъ старались, путемъ угрозъ и запугиваний, выхватывать по одному. И это называлось «обращениемъ»! Между тѣмъ, стоитъ только отбросить перегородки,—враждующiя стороны окажутся лицомъ къ лицу, и при ясномъ свѣтѣ общей жизни онѣ скоро разглядятъ, насколько странна и дика вражда, ядовитымъ туманомъ, поднимающаяся изъ зараженного источника вѣчнаго мира и любви...

Въ этихъ перегородкахъ всякихъ ограниченiй, въ этой тѣсной клѣткѣ толпятся старообрядцы и теперь. Кругомъ гудитъ веселый мiръ, а старообрядцы хмуро глядятъ на него изъ своего отгороженного угла и жмутся подъ насмѣшливыми взглядами проходящей мимо, свободной толпы.

Особенно тягостно для старообрядцевъ презрѣнiе и глумленiе надъ ихъ церквью.

Народъ русскiй весь, вообще, сверху до низу, необыкновенно терпимъ, а главное—деликатенъ къ чужой вѣрѣ. Нѣмецкая кирка, мечеть, костелъ, ев-

рейская молельня въ общей массѣ нашего народа всегда вызываютъ почтеніе, какъ чужая, непонятная, но несомнѣнная святыня. Старообрядцевъ-же преслѣдуютъ колючими насмѣшками на каждомъ шагѣ.

Мрачный взглядъ изъ-подлобья явился у старообрядцевъ какъ неизбѣжный результатъ долгодѣтняго уханья и травли. Причиной послужило то, что старообрядцы съ самаго начала отброшены отъ закона.

Евреи, нѣмцы, татары—«еретики» и «басурмане», но у нихъ оставленъ ихъ «законъ», собственная вѣра. У старообрядцевъ нѣтъ признанной вѣры. Они—отступники, бунтовщики. Ихъ вѣра—уродство, суевѣріе. Такой печатью заклеили ихъ два съ половиной вѣка назадъ, и это клеймо до сихъ поръ вызываетъ въ народѣ брань и насмѣшки надъ старообрядцами. «Австрійцы» имѣютъ теперь епископовъ, священниковъ, діаконѣвъ, но законъ и православіе совершенно не признаютъ ихъ, и всѣ православные относятся къ нимъ поэтому съ глумленіемъ. Это—самая больная и все еще свѣжая рана старообрядцевъ. Религіозное чувство въ народѣ всегда стояло выше всего, а здѣсь его унижаютъ и гонять...

Не признается закономъ и церковное общество старообрядцевъ. Поэтому молельни и всякаго рода церковныя недвижимости старообрядцы принуждены пріобрѣтать на имя отдѣльныхъ лицъ. А это, какъ и всякое «беззаконіе», влечетъ весьма часто неприятныя послѣдствія. Года четыре назадъ въ Вольскѣ произошелъ, на примѣръ, такой случай. На имя «австрійскаго» діакона былъ обществомъ купленъ домъ, который долженъ былъ, по словесному уговору, оставаться церковной собственностью. Діаконъ обладалъ превосходнымъ баритономъ. Мнѣ нѣсколько разъ довелось послушать его артистическое служеніе. За это искусство діаконъ свои-же старообрядцы переманили въ Москву, а діаконъ при отъѣздѣ спо-

койнымъ образомъ продалъ церковный домъ. И старообрядцы ничего не могли подѣлать: «бумага» была сдѣлана на него. Извѣстные черемшанскіе старообрядческіе мужской и женскій монастыри близъ Хвалынска тоже не признаются закономъ. По закону, «на бумагѣ», никакихъ монастырей не существуетъ, а есть только богадѣлни, принадлежащія хвалынскимъ обывателямъ—Шикину, Абакумову, Кашееву и другимъ («австрійская духовная консисторія», какъ ихъ называютъ здѣсь) Эта юридическая ненормальность вызываетъ въ Черемшанѣ крупныя столкновенья, а три года назадъ вышелъ даже цѣлый «бунтъ»: монахи взбунтовались противъ своей «консисторіи» и дѣло дошло до полиціи, тюрьмы и суда. Обширная, обставленная, какъ церковь, австрійская молельня въ Вольскѣ также принадлежитъ юридически не обществу: «бумага сдѣлана» на десять лицъ (бр. Парфеновыхъ, Вилкова и другихъ), и это, конечно, также грозитъ, въ случаѣ ссоры и самолюбія заправиль, всякими неприятностями для многотысячнаго общества молящихся. Такая-же зависимость старообрядческихъ обществъ отъ богатыхъ заправиль установлена закономъ и во всѣхъ остальныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Притомъ открытіе молеленъ и при такихъ условіяхъ разрѣшалось чрезвычайно неохотно (теперь стало легче). Вольская молельня строилась, якобы, подъ рогожное заведеніе и только впоследствии было исключотано разрѣшеніе на молитву. Эти кривые по темнымъ закоулкамъ обходы закона породили новое обидное названіе для вольскихъ старообрядцевъ: кромѣ обычныхъ прозвищъ «колугурь», «калуханъ», здѣсь старообрядцевъ еще обзываютъ: «Эй ты, изъ рогожнаго заведенія!..», «Ну, ужъ ты, рогожной вѣры!..». «Рогожной вѣры», «Дуниной вѣры», «колугурь», «калуханъ»—все это клейма отверженности старообрядцевъ отъ общей жизни и закона. Нѣтъ

признанной церкви, а есть только унижительная кличка...

Еще тяжелѣе и запутаннѣе положеніе старообрядцевъ въ области брака. Нѣтъ законнаго брака, нѣтъ законныхъ дѣтей. Правда, введенъ облегчительный законъ 19 апрѣля 1874 года для записи старообрядческихъ браковъ въ полицейскія метрическія книги. Этотъ законъ устанавливаетъ что то вродѣ гражданскаго брака, и видимой либеральности его могутъ даже позавидовать всѣ православные: стоитъ только старообрядцу, любого толка, подать прошеніе, привести свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что брачующіеся обвѣнчаны по своему обряду (къмъ угодно), и бракъ узаконяется. Но эта широкая свобода влечетъ множество печальныхъ послѣдствій. Во-первыхъ, горькая обида для старообрядцевъ, что совершенно отменяется церковное начало брака: запись полицейской книги ставится выше таинства, въ которое глубоко вѣруютъ старообрядцы. Поэтому всѣ крайне неохотно обращаются въ полицію, всячески оттягивая срокъ записи. Во-вторыхъ, большинство старообрядцевъ, въ простодушномъ незнаніи вообще законовъ, не подозреваютъ и о существованіи этихъ записей. Обвѣнчались, значитъ—дѣло крѣпко, «обзаконились»,—убѣждены они. И для нихъ, дѣйствительно, крѣпко, потому что они нерушимо чтутъ святость брака. Но при первой встрѣчѣ съ закономъ, въ случаяхъ наслѣдства, дѣлежей, судьбищъ и т. д., положеніе такой «незаконной» семьи, съ незаконными супругами и дѣтьми, оказывается чрезвычайно беспомощнымъ. Много и злоупотребленій совершается на этой почвѣ. Иной молодецъ превосходно знаетъ о полицейскихъ метрическихъ книгахъ, но не говоритъ объ этомъ молодой, ничего не вѣдающей женѣ. «Надо-ѣсть—брошу, женюсь на другой»,—размышляетъ такой законовѣдъ. И весьма часто такъ и бываетъ:

молодая женская испорченная жизнь отбрасывается въ сторону, и беззащитная рука протягивается къ другой доверчивой душѣ. Законъ-же здѣсь безсиленъ, потому что онъ остался въ сторонѣ.

Для австрійцевъ наблюдать такія семейныя драмы особенно грустно, потому что они давно уже завели у себя метрическія книги, куда аккуратно записываются и браки, и рожденія, и крещеніе. Но для закона всѣ эти записи—пустая бумага. Гдѣ нѣтъ церкви и священства, тамъ не можетъ быть и записей церковныхъ таинствъ.

Въ послѣднее время высшія судебныя учрежденія стали обращать вниманіе на отверженность старообрядцевъ отъ общаго закона. Наиболѣе интересно рѣшеніе Сената осенью 1902 года по дѣлу Снѣтковой: Сенатъ опредѣлилъ, что бракъ, совершенный по старообрядческому вѣроисповѣданію и незаписанный въ полицейскія метрическія книги, не можетъ быть расторгнутъ самолично однимъ изъ повѣнчанныхъ. При этомъ сдѣлано драгоцѣнное поясненіе: «старообрядцы, приѣмлющіе священство, безспорно, принадлежатъ къ числу христіанскихъ вѣроисповѣданій». Такимъ образомъ Сенатъ призналъ старообрядческой бракъ церковно христіанскимъ и нерасторжимымъ. Но если такъ, то что-же мѣшаетъ признать законность существованія всей старой церкви? Сенатское рѣшеніе извѣстно одному изъ милліона старообрядцевъ. Воспользоваться имъ можно только черезъ судъ, доказывая свидѣтелями наличность брака.

А если бракъ совершенъ тридцать-сорокъ лѣтъ назадъ? Если одинъ изъ супруговъ давно умеръ? Гдѣ искать свидѣтелей, и повѣрить-ли имъ судъ? Между тѣмъ, по простой логикѣ, если церковный бракъ законенъ, то законны и тѣ метрики, въ которыхъ онъ записанъ, а также законны священники, совершившіе его, и законна вся церковь. Совершенно непонятны

причины, мѣшающія свободному вздоху десятковъ и сотенъ тысячъ людей. Уже сто лѣтъ тому назадъ православная церковь сдѣлала прекрасную попытку примиренія со старообрядчествомъ: учредивъ единовѣріе, она простила и освятила всѣ старые обряды. Единовѣрцы теперь совершенно ничѣмъ по обрядамъ не отличаются отъ всѣхъ прочихъ старообрядцевъ, только священники ихъ ставятся православнымъ епископомъ. Но почему-же при тѣхъ-же самыхъ обрядахъ одни—единовѣрцы, а другіе—раскольники и отверженцы?

Давно пора заключить поспѣшный и мирный союзъ, давно пора забыть двухъ-вѣковую ссору. Она дѣлитъ русскихъ людей на враждебные лагеря, вызываетъ ненужную взаимную злобу и безмѣрное количество понапрасну затраченной силы. Даже всѣ богословскіе вопросы давнымъ-давно были-бы дружелюбно разрѣшены, не будь страннаго раздѣленія на притѣсняемыхъ и притѣснителей. Только при равныхъ законныхъ и свободныхъ условіяхъ возможно прочное единеніе. Русская жизнь, безусловно, заиграетъ свѣтлыми, свѣжими красками, если рухнетъ стѣна, загораживающая старообрядцевъ въ темномъ углу. Какъ зарытая въ землю кубышка, старообрядчество хранить богатый непочатый кладъ здороваго народнаго духа, который вольется въ общій потокъ уже замутившейся жизни мощной и свѣжей струей.

VI.

Вмѣстѣ съ обломками и мусоромъ суевѣрій старая церковь донесла до насъ изъ темной глубины вѣковъ кое-что цѣнное и безусловно хорошее. Во главѣ нужно поставить выборное начало. Церковь есть собраніе или общество вѣрующихъ. Всякое общество только тогда жизнеспособно и дѣйствительно, когда оно имѣетъ общіе интересы и цѣли и когда оно само

1

достигаетъ этихъ цѣлей, выбирая себѣ руководителей и исполнителей. Такъ это въ жизни и бываетъ. Общества приказчиковъ, сельскаго хозяйства, потребителей, земство, думы руководятъ сами общимъ направлениемъ дѣла, выбирая для техники текущаго дѣла и для разработки проектовъ совѣты, управленія, комиссіи, предсѣдателей, членовъ и т. д. Устрани прямое воздѣйствіе общества на свои дѣла, лиши его права выбирать себѣ исполнителей и руководителей, назначай послѣднихъ посторонней властью, и, очевидно, само общество въ дѣйствительности не будетъ существовать; останутся только приказывающіе и исполняющіе. Если чрезвычайно важно имѣть выборъ и довѣріе въ мелкихъ житейскихъ дѣлахъ, то еще цѣннѣе такая организація въ главныхъ запросахъ духа и вѣры. Въ австрійской церкви эта область разработана и обезпечена превосходно. Епископы, священники, діаконы тщательно выбираютъ самимъ обществомъ изъ наиболѣе достойныхъ и соответствующихъ дѣлу одновѣрцевъ, которые затѣмъ уже возводятся въ санъ. Естественно, что общество, выбравъ, на примѣръ, священника, устанавливаетъ съ нимъ дружеское общеніе и взаимное довѣріе. Священникъ же чувствуетъ благодарность къ обществу за лестное и доходное пастырское мѣсто. Взаимнымъ хорошимъ отношеніямъ трудно испортиться и дальше. Общество остается главнымъ хозяиномъ дѣла, и если-бы священникъ развилъ въ себѣ гордыню, или чрезвычайно ожаднѣлъ, или вообще какимъ-нибудь крупнымъ порокомъ началъ омрачать свой санъ и раздражать прихожанъ, то у общества имѣется право просить и требовать для такого священника перевода въ другой приходъ. Если же іерей настолько опорочилъ и обезславилъ себя, что никакой приходъ, даже самый бѣдный, не желаетъ брать его, то ему остается только выйти за штатъ или скоротать остальные дни

своей скорбной жизни въ старообрядческомъ монастырѣ. Такой порядокъ защищаетъ прежде всего самое больное мѣсто въ отношеніяхъ пастыря къ паствѣ: плату за требы. Вѣра вѣрой, а деньги въ организмъ современнаго общества представляютъ такіе тонкіе и болѣзненные нервы, что грубая рука, неосторожно дергающая за нихъ, тотчасъ-же помрачаетъ умы и вызываетъ демона вражды и озлобленія.

Это грустное явленіе особенно замѣтно въ православныхъ приходахъ. Здѣсь оно обостряется повальной бѣдностью сельскаго населенія. Молодой батюшка пріѣзжаетъ въ чужое для него село съ молодой женой и значительными культурными привычками, которыя стоятъ не дешево. Ломать, принижать, упрощать свою жизнь тяжело, почти невозможно, а для устройства уютнаго хозяйства необходимо дѣлать энергичные и тоже довольно тяжелые сборы съ этихъ сѣрыхъ, покривившихся избъ, которыя прижались къ выпаханной, истощенной землѣ. Чѣмъ бѣднѣе село, тѣмъ тягостнѣе взаимныя отношенія священника и прихожанъ. Главная суть въ томъ, что священникомъ устанавливается, обыкновенно, извѣстная, одинаковая для всѣхъ плата за требы, и эта плата, нетрудная для плечъ богатаго крестьянина становится тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ плечи, выдерживающія ее, бѣднѣе. Десять рублей за свадьбу, напри- мѣръ,—вещь пустая для зажиточнаго мужика, но для бѣднаго крестьянина это весьма часто полный разгромъ хозяйства, въ родѣ стихійнаго бѣдствія—града, побившаго полосу хлѣба, или пожара, спалившаго послѣднюю избу. Въ нѣкоторыхъ селахъ для разрѣшенія этого больного вопроса вырабатываютъ на сходѣ таксу за требы или пспросту назначаютъ жалованье духовенству. Но желанная цѣль не достигается: все равно, приходится разлагать расходъ одинаковыми частями «на души», и опять богатая душа пере-

носить обложеніе легко, а бѣдная—груститъ и жа-
луется.

Австрійцы весьма мудро обошли острый денеж-
ный вопросъ: у нихъ установилось нѣчто въ родѣ
естественнаго «подходнаго налога». При молельняхъ
устроена особая кружка. Никакой предварительной
ряды не существуетъ; священникъ дѣлаетъ, что нуж-
но, а затѣмъ прихожанинъ опускаетъ плату, сколь-
ко пожелаетъ, въ кружку. Бываетъ и такъ, что пла-
та передается прямо, въ руки священника, но опять-
таки послѣ исполненія требы, безъ предварительной
ряды, и дается, кто сколько можетъ и желаетъ. Ре-
зультаты такой простой системы получаются удиви-
тельные. Сами старообрядцы, привыкшіе къ своей ор-
ганизаци, удивляются инымъ фактамъ. Въ Вольскѣ
одинъ австріецъ передавалъ мнѣ такой случай: свя-
щенникъ совершалъ отпѣваніе, которое длилось 1¹/₂
часа; прихожанинъ далъ священнику и всему причту
за трудъ одинъ только калачъ, и священникъ «даже
вида не подалъ, что такую ничтожную лепту приш-
лось получить за довольно длинную службу».

— Еслибъ этотъ случай былъ не при мнѣ,—до-
бавилъ старообрядецъ,—я усумнился-бы повѣрить.

— Но страннаго въ такихъ фактахъ ничего
нѣтъ: они вытекаютъ изъ самой системы. И не нуж-
но думать, что австрійскіе священники получаютъ ни-
щенскій доходъ. Прежде всего, тутъ особая психоло-
гія. Русскому человѣку въ особенности присуща одна
общечеловѣческая черта: обратиться къ сердцу людей,
и хлынуть сокрушительный потокъ пожертвованій;
но сдѣлай взносы на самое благое дѣло обязатель-
ными, и каждая копѣйка будетъ выниматься съ болью
и раздраженіемъ. Какъ ни бѣденъ православный на-
родъ, города и села украшены многочисленными хра-
мами, богато обставленные лавры и монастыри имѣ-
ютъ миллионные капиталы, и народныя пожертвованія

неустанной волной все текутъ и текутъ къ нимъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, народъ сохраняетъ къ религии и храмамъ неизмѣнно благоговѣйное чувство. А рядомъ съ этимъ, въ селахъ сплошное неудовольствіе у духовенства съ прихожанами изъ-за платы за требы, и народъ вездѣ настроенъ враждебно къ пастырямъ церкви. Жертва незамѣтна, обязательство тягостно. Въ силу этой психологіи австрійскому священству платятъ скудно только тѣ, кто дѣйствительно не можетъ.

Чѣмъ богаче прихожанинъ, тѣмъ больше плата сама собой, повышается, и устанавливается естественный «подходный налогъ». Кромѣ того, если прихожане сами выбрали священника, то, естественно, они чтутъ и уважаютъ его, а потому стыдятся давать ему мало. Священникъ-же, зная, что богатые всегда воздадутъ за скудость бѣдныхъ, безтрепетной рукой принимаетъ за длинную службу калачъ и не смущается духомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ помнитъ, что каждый прихожанинъ, какъ членъ церкви,—его хозяинъ, и, если онъ будетъ выпускать когти жадности, то можетъ лишиться доходнаго мѣста или очутиться въ уныломъ монастырѣ. Въ концѣ концовъ, миръ и согласіе царятъ въ церкви, а въ дому священника—благоденствіе. Въ Вольскѣ, напримѣръ, два австрійскихъ священника зарабатываютъ около пяти тысячъ рублей въ годъ. При дешевой уѣздной жизни, при церковной квартирѣ и при вещественныхъ приношеніяхъ прихожанъ такой заработокъ обезпечиваетъ уютное и свѣтлое существованіе.

Финансовая система австрійцевъ оказываетъ могущественное вліяніе на старообрядцевъ бѣглопоповскаго толка. Бѣглые православные священники идутъ къ старообрядцамъ, конечно, исключительно изъ-за денегъ. Поэтому они берутъ за требы чрезвычайно высокія цѣны, и никакая бѣдность не принимается во вниманіе. Въ результатѣ—неудовольство, раздраженіе.

Вѣрующему старообрядцу горько и грустно, что ради таинства крещенія или брака приходится ожесточенно торговаться съ уставщикомъ и священникомъ; ставить на первый планъ копѣчные расчеты и терпѣть униженія, разыскивая нужную сумму. И естественно, глаза невольно обращаются къ австрійской церкви, гдѣ изгнана унизительная торговля таинствами и царитъ плѣнительная тишина. Австрійская церковь растетъ и крѣпнетъ. Бѣгутъ въ нее не только бѣглопоповцы, но и представители другихъ толковъ. Слишкомъ ужъ для нихъ стройно и благолѣпно въ ней: епископы, священники, діаконы,—дружная церковная община, весь возрожденный укладъ старой церкви, по которой такъ изголодались старообрядцы. Австрійская церковь стала во главѣ старообрядчества и вышла на старую проторенную дорогу, съ которой старообрядцевъ согнали двѣсти пятьдесятъ лѣтъ назадъ и разогнали по лѣсамъ. И вотъ теперь высокой важности историческій моментъ: если старой церкви будетъ данъ свободный просторъ, она широкими шагами начнетъ догонять ушедшую на два вѣка впередъ жизнь и въ недалекомъ будущемъ неминуемо сольется съ современнымъ обществомъ, подкрѣпивъ его здоровой струей старо-русскаго духа; если-же старую церковь снова постигнетъ жестокий рокъ (чего, конечно, трудно ожидать), то вновь произойдетъ расколъ и раздробленіе и вновь тысячи людей уйдутъ отъ насъ вглубь вѣковъ, порождая десятки уродливыхъ сектъ.

Не рѣдко раздается глумленіе надъ священствомъ австрійской церкви. Станнымъ кажется, что у нихъ въ діаконы, священники и въ епископы посвящаются простые крестьяне, мѣщане и купцы, иногда не твердые даже въ грамотѣ. Забывается при этомъ, что и въ православіи не очень давно пошло священство съ семинарскимъ и академическимъ образованіемъ. Двѣ-

сти, триста лѣтъ назадъ и православная церковь имѣла въ селахъ сплошь полуграмотныхъ и даже со-всѣмъ неграмотныхъ священниковъ, да и городское духовенство не отличалось высотой образованія. Нужно снисходительно признать, что старая церковь въ смыслѣ образованія отстала отъ насъ на двѣсти лѣтъ и нужно ей помочь догнать насъ. Австрійцы прилагаютъ къ этому энергичныя усилія. Всякаго начитаннаго или даровитаго человѣка изъ своей среды они настойчиво толкаютъ впередъ и дѣлаютъ церковнымъ рук оводителемъ. Позапрошлымъ лѣтомъ вольскій купецъ Парѣеновъ по секрету мнѣ сообщилъ: «Вотъ кого намъ хочется въ епископы, да не упростишь его... Вы его знаете?»—и онъ назвалъ одного изъ гласныхъ губернскаго земства. Оказывается, этотъ бойкій ораторъ, энергичный дѣлецъ и богатый землевладѣлецъ принадлежитъ къ австрійской церкви, и одновѣрцы, плѣненные его ораторскимъ талантомъ, настойчиво соблазняютъ его архіерейскимъ саномъ. Конечно, онъ не соглашается и не согласится, но характерна эта особенность австрійской общины выдвигать впередъ таланты. Не очень давно въ вольскомъ реальномъ училищѣ однимъ изъ первыхъ кончилъ курсъ старообрядецъ-австріецъ, Владиміръ Макаровъ. Онъ пожелалъ остаться въ старообрядчествѣ и чѣмъ-нибудь послужить ему. Для него нашлось превосходное дѣло: онъ теперь учителемъ въ нижегородскомъ старообрядческомъ училищѣ, основанномъ купцомъ Бугровымъ, и получаетъ жалованье 100 рублей въ мѣсяцъ. При встрѣчѣ съ нимъ я долго всматривался въ его умное, симпатичное и застѣнчивое лицо и не удержался, спросилъ: «а скоро вы будете епископомъ?» Онъ сконфузился и махнулъ рукой: «какой я епископъ»... Но, несомнѣнно, если онъ пожелаетъ, то будетъ епископомъ очень скоро. Хотя его искреннее отношеніе къ старообрядчеству внѣ всякаго подозрѣнія, но его

и теперь обезопасили отъ соблазновъ міра сторублевымъ жалованьемъ. Для учителя начальной школы такое вознагражденіе въ Россіи вещь неслыханная, и старообрядцы показываютъ примѣръ, какъ нужно дорожить необходимыми людьми. Для нихъ человѣкъ съ среднимъ образованіемъ, посвятившій себя старой церкви, явленіе пока не совсѣмъ обычное, и такому человѣку они спѣшатъ дать дорогу. Интересна и постановка нижегородской старообрядческой школы. Въ ней учатся около 150 человѣкъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи. Живутъ они на полномъ пансіонѣ и совершенно бесплатно. Программа школы вполне соотвѣтствуетъ программѣ земской школы и учебники тѣ-же, за исключеніемъ Закона Божія, который преподается въ старообрядческомъ духѣ. Школа была разрѣшена съ большимъ трудомъ и съ еще большимъ трудомъ разрѣшена вторая такая школа въ Рязанской, кажется, губерніи. Арстрійцы, между тѣмъ, усиленно хлопочутъ о разрѣшеніи подобныхъ школъ, и нельзя имъ въ этомъ не сочувствовать. Въ сущности, дѣти всѣхъ богатыхъ и зажиточныхъ старообрядцевъ учатся въ обычныхъ училищахъ и многіе получаютъ даже высшее образованіе. Свои-же школы нужны для тѣхъ старообрядцевъ, которые упорно отвергаютъ православныя училища, оставаясь безграмотными или обучаясь у старухъ и стариковъ. Очевидно, какую громадную роль сыграетъ въ жизни этихъ закоснѣлыхъ старовѣровъ собственная старообрядческая школа. Отъ старухи, проповѣдывающей трехъ китовъ, огненныхъ драконовъ, и обросшей, какъ мхомъ, тысячелѣтними суевѣріями, свѣжая дѣтская душа перейдетъ къ учителю съ среднимъ образованіемъ, воспитанному на Гоголѣ, Тургеневѣ, Толстомъ, Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ. Куда поведетъ воспитанниковъ такой учитель, какъ не къ сближенію съ обществомъ, отъ котораго онъ самъ получилъ неискоренимую закваску просвѣ-

щенія? Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья православнаго священника, который доказываетъ, что чрезвычайно полезно разрѣшать старообрядцамъ не только обычныя школы, но и собственныя семинаріи. Взглядъ—симпатичный и глубоко вѣрный. Никакой совершенно опасности нельзя усмотрѣть въ разрѣшеніи старообрядцамъ учреждать всякія школы, какія они желаютъ. Забывается простая вещь, что у старообрядцевъ нѣтъ ни собственной науки, ни искусствъ, ни литературы, ни наконецъ, своей особенной религіи. Два съ половиной вѣка они бережно хоронятъ въ темныхъ тайникахъ души вѣру въ неприкосновенную святость старыхъ обрядовъ, но дайте имъ выйдти на свѣтъ, и они разглядятъ то, что такъ бережно хранили, и сами разсудятъ, стоило-ли изъ-за этого отречься отъ всей жизни, выносить отверженіе и муки. Собственныя школы, которыхъ они такъ горячо добиваются, сдѣлаютъ это дѣло быстро и окончательно. Наука и литература, свѣтская и духовная, помогутъ имъ ясно взглянуть вообще на сущность и значеніе обряда, и религія предстанетъ передъ ними въ новомъ, неожиданно-яркомъ свѣтѣ, какъ чистый источникъ всеобщей любви и братскаго единенія.

VII.

Бѣглоповцы составляли и составляютъ самый большой кусокъ расколовшейся старой церкви, и этому большому тѣлу было особенно тяжело извиваться и хорониться отъ неустанно сыпавшихся преслѣдованій. Но за то въ послѣдніе годы эта часть старообрядчества перевела свободно духъ: ее признали близкой къ православію, и всякія прямыя преслѣдованія совершенно прекратились. Сердце русское отходчиво, и бѣглоповцы теперь съ большимъ благодушіемъ вспоминаютъ о недавней черной полосѣ сво-

ей жизни. А вспоминать есть что. Сколько тратилось желѣзной энергіи несломаннаго упорства, сколько сыпалось денегъ, принималось униженій и страданій, чтобы отстоять уголокъ своей вѣры! Безъ священника нельзя было,—а какъ его достанешь, когда все православное духовенство застрашено суровымъ тюремнымъ заключеніемъ за переходъ къ старообрядцамъ? Для поисковъ духовнаго пастыря снаряжались цѣлыя экспедиціи. Опытные вербовщики безшумно и тайно проникали въ самыя глухія селенія и здѣсь развѣтывали предъ заголодавшимъ, отягощеннымъ семьей священникомъ соблазнительныя картины тысячныхъ доходовъ въ старообрядческой церкви. И если соблазнъ дѣйствовалъ на обнищавшаго или мздолюбящаго священника, то его поспѣшно хватали, переодѣвали, закутывали въ шубы и мчали безъ передышки скорѣе куда-нибудь подальше въ глухое мѣсто. Главное, не успѣли-бы его поймать и разстричь и чтобы «ставленная» сохранилась при немъ. Священника «перемазывали», «исправляли», и онъ, отрехшись отъ «никоновскихъ ересей», дѣлался пастыремъ старой церкви. Но такой священникъ отравлялъ всю свою жизнь: онъ постоянно чувствовалъ себя въ положеніи затравленнаго зайца, стрѣляющаго, приложивъ уши, отъ каждаго звука по кустамъ. Нужно было ежеминутно дрожать всѣмъ тѣломъ, скакать изъ села въ село, изъ города въ городъ, прятаться, переодѣваться, выскакивать потайными выходами, откупаться, лгать, унижаться, потому, что все время по пятамъ гнались преслѣдователи. Такая нечеловѣческая жизнь приносила губительныя послѣдствія. Десятки тысячъ, дѣйствительно, наживались, но за то священникъ развинчивался, раздражался, жаднѣлъ и начиналъ сильно, безобразно пить. Большинство загнанныхъ священниковъ кончало запоемъ. Старообрядцы видѣли, что таинства крещенія, брака,

и другія у нихъ есть, но не могли закрывать глаза и на неизлѣчимыя язвы своей церкви. Пастырь пилъ, грубилъ, дичалъ, и многіе изъ паствы тяжело задумывались: «да нуженъ-ли намъ такой пастырь? Не больше-ли съ нимъ грѣха?» Шли внутреннія несогласія, раздоры, попрехи, отпаденія. Однако, большинство съ отчаяннымъ упорствомъ держалось и за такихъ священниковъ. Что-же дѣлать: безъ іерея нѣтъ спасенія, а онъ, какой-бы ни былъ, все-же имѣетъ благодать. Плоть его немощна и грѣшна, но санъ на немъ священный и спасительный.

Такъ какъ раскиданные по разнымъ городамъ и селамъ старообрядцы не могли за тысячи верстъ всѣ ѣздить за таинствами къ священнику, то пастырю приходилось постоянно разъѣзжать повсемѣстно: въ самарскія и уральскія степи, по всѣмъ приголжскимъ городамъ, въ донскія станицы и т. д. Въ этомъ и была наибольшая опасность. Всюду пастырь чувствовалъ себя, какъ волкъ въ лѣсу, наполненномъ охотниками. Притомъ, чѣмъ бѣднѣе былъ старообрядческой приходъ, тѣмъ тучи висѣли чернѣе и грознѣе. Въ богатомъ приходѣ атмосфера постоянно умягчалась умѣлыми и обильными жертвоприношеніями. Поэтому въ бѣдныхъ приходяхъ главную надежду возлагали на потайные ходы, секретные подвалы, на неусыпную осторожность и сноровку. Въ Хвалынскѣ, напримѣръ, приспособили не только въ городѣ надежные тайники, но хитроумно организовано было для укрывательства еще сосѣднее село Маза. Какъ только разражалось гоненіе, священника мчали сюда, прятали, и онъ смирно сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока грозовыя тучи не проплывали мимо. Иногда внезапная погоня настигала въ самомъ Хвалынскѣ, и тогда пускалась въ ходъ вся изворотливость и накопленная въ постоянныхъ травляхъ опытность. Одинъ хвалынецъ, которому не рѣдко приходилось прятать и прово-

жать свихъ поповъ въ завѣтныя мѣста, рассказы-
валь мнѣ объ одномъ случаѣ, — рассказываль съ ве-
сельемъ оживленіемъ и блескомъ въ глазахъ, какъ
будто рѣчь шла объ интересной охотѣ на хитраго
звѣря и какъ будто онъ даже жалѣлъ, что былое
тревожное и острое время прошло безвозвратно...

Дѣло было приблизительно въ 1893 г. Въ Хвалын-
скѣ проживаль старообрядческій священникъ Михаилъ
Смирновъ. Официально онъ числился мѣщаниномъ,
но это не спасало его отъ преслѣдованій. Въ одинъ
зловѣщій день прибѣжалъ, зацыхавшись, глашатай и
крикнулъ о. Михаилу: «батюшка! ловить идутъ!
Прячься скорѣе!..» Священникъ тотчасъ же скрылся
въ домъ одного изъ прихожанъ. Но и полиція не
дремала. Былъ уже вечеръ. Полиція знала, что во
всемъ старообрядческомъ кварталѣ изъ двора во
дворъ шли тайные ходы, и потому изъ боязни упу-
стить священника не рискнула дѣлать обыскъ ночью.
Весь кварталъ былъ окруженъ понятными и полиціей.
Ждали свѣтозарнаго свѣтила, чтобы раннимъ утромъ
немедленно и навѣрняка накрыть жертву. А старо-
обрядцы держали ночью военный совѣтъ. Утромъ,
какъ только золотая заря растаяла въ небѣ и брыз-
нуло лучами солнце, ворота одного дома раствори-
лись и изъ нихъ, не спѣша, выѣхали бѣговья санки,
запряженные породистымъ рысакомъ. Въ санкахъ си-
дѣлъ и правилъ человекъ въ костюмѣ наѣздника, а
рядомъ съ нимъ помѣщался хозяинъ дома, весьма
уважаемый въ Хвалынскѣ и жителями, и полиціей
за хорошее достояніе. Санки медленно, шагомъ про-
ѣхали улицей и спустились на Волгу. Здѣсь стоялъ
возокъ съ тройкой лошадей. Наѣздникъ облобызался
со своимъ спутникомъ, сѣлъ въ возокъ, и тройка,
звеня бубенчиками, помчалась внизъ по ледяному
простору. Это былъ священникъ Михаилъ Смирновъ.

Въ богатыхъ приходахъ жилось нѣсколько спо-

койнѣ. Въ этомъ отношеніи особенно выдавался Вольскъ, насчитывающій до 5,000 старообрядцевъ бѣглопоповцевъ. Здѣсь имѣлись тысячныя средства для охраны священника, и потому здѣсь была его постоянная резиденція: сюда совершалось массовое паломничество изъ мѣстностей, лишенныхъ благодати священства. Дѣло прошлое, и я никого не обижу, если расскажу нѣсколько фактовъ изъ вольской жизни. А дать легкой набросокъ этой полосы старообрядческой исторіи необходимо: на ней наглядно выясняется, какъ система притѣсненій и гоненій, не достигая своей прямой цѣли, порожидала лицемѣріе, взятки и развращала ту и другую стороны. Теперь уже, къ счастью, этого почти нѣтъ, теперь это—«исторія», и можно говорить спокойнымъ повѣствовательнымъ тономъ.

Въ Вольскѣ, при самыхъ гонительныхъ временахъ, бѣглый священникъ постоянно жилъ, постоянно служилъ, въ моленную стекались тысячныя массы прихожанъ, но начальство, а также православное духовенство этого какъ будто не замѣчали. Даже наблюдалось нѣкоторое дружеское сочувствіе. Въ большіе праздники—на Рождество, на Пасху, на Троицу—старообрядцы снаряжали своихъ стариковъ. Тѣ шли сначала къ благочинному.

— Здравствуйте, батюшка! Съ преддверіемъ святого праздника васъ!—говорили и кланялись они,—ужь извините, подарочекъ наше общество послало вамъ... Примите, не обезсудьте, сто рубликовъ. Хотимъ помолиться, и обѣденка будетъ, а вы ужь не взыщите...

— Помолитесь, помолитесь!—привѣтливо говорилъ хозяинъ,—дѣло доброе. Заблуждаетесь вы, ну да теплая молитва. . Насчетъ меня не сомнѣвайтесь... Что ужь, конечно... Всякъ по себѣ. Надо жить пососѣдски.

Потомъ старики шли къ полицеймейстеру. И здѣсь ихъ встрѣчали добрымъ словомъ. Взаимное уваженіе скрѣплялось друмя-тремя стами рублей.

— Будьте спокойны,—проводжалъ ихъ хозяинъ,—отъ меня стѣсненій не будетъ. Только лишняго не позволяйте.

Затѣмъ происходилъ дружескій разговоръ съ приставомъ и помощникомъ его. Ихъ праздничный бюджетъ тоже пріятно освѣжался. Не забывались и прикосновенные къ дѣлу городовые. Одинъ изъ городскихыхъ стоялъ на постоянномъ посту при моленной и дружески раскланивался съ молящимися.

Его значеніе было довольно серьезное. Если бы случайно пріѣзжій чиновникъ или иной какой ревизоръ вздумалъ внезапно нагрянуть въ моленную, городской долженъ былъ подать условный сигналъ и пока у калитки возились и кряхтѣли надъ непослушнымъ засовомъ, который долго не поддавался усиліямъ усерднаго сторожа, въ моленной происходила волшебная перемѣна; священникъ сбрасывалъ ризы и скрывался въ тайной глубинѣ одного изъ близлежащихъ домовъ, всѣ священническія принадлежности быстро запирались въ сундуки, царскія двери въ иконостасѣ заставлялись широкими старинными иконами, а на середину амвона выходилъ тихій и кроткій старичекъ Лаврентій Ефимычъ, который благолѣпно «замолитвовалъ» и читалъ все, что полагается наставнику. Ревизоръ наглядно убѣждался, что никакого бѣглаго священника здѣсь и слѣдовъ нѣтъ, и отправлялся во-свояси, причемъ, если выражалъ нѣкоторый намекъ, то получалъ здѣсь же на мѣстѣ единовременную прибавку къ жалованью. Иногда для поддержанія болѣе близкаго знакомства блюститель, который покрупнѣе, заходилъ на квартиру къ полечителю моленной.

— Не знаю, какъ быть,—озабоченно гворилъ

онъ,—что-то у васъ въ моленной не совсѣмъ ладно. Слухи вы пускаете. Получилъ я одну бумагу. Не вышло бы чего...—И потомъ мимоходомъ, глядя въ сторону, прибавлялъ разсѣянно,—хлопотъ полночь ротъ: дома все расходы; придется, должно быть, заѣхать къ однимъ знакомымъ, занять рублей двѣсти-триста.

Попечитель сочувственно вздыхалъ и развертывая бумажникъ, говорилъ: «ужь дозвольте вамъ довѣрить! Чего же ѣздить утруждаться? Триста рублей не бо-знать что: завсегда могёмъ. Отдадите когда деньги скопятся»...

Долги подобнаго рода списывались на счетъ расходовъ моленной. Такая система обезпечивала существованіе священника, но нисколько не способствовала спокойствію его духа. Ему отнюдь нельзя было открыто показываться въ городѣ. Поэтому, когда приходилось ѣздить по домамъ со святой водой, славить Христа или христосоваться, то священникъ, замотавшись и закутавшись, трясся въ экипажѣ съ такимъ чувствомъ, словно онъ ѣхалъ по осажденному городу, на улицахъ котораго свистѣли пули и лопались бѣмбы. Вдругъ увидятъ, схватятъ!.. Тюрьма, монастырь, стыдъ, срамота...

Только сидя въ своемъ запертомъ со всѣхъ сторонъ домѣ, священникъ чувствовалъ себя до нѣкоторой степени свободнымъ. Сюда къ нему пробраться было трудно. Я помню, у меня былъ для этого законный предлогъ: во время всенародной переписи въ 1897 г. мнѣ, какъ переписчику, достался районъ, въ которомъ находилась бѣглоповская моленная со всей примыкающей къ ней колоніей. Предварительные списки домовъ были подготовлены полиціей. Въ моемъ громадномъ участкѣ, который тянулся отъ Волги по Знаменской улицѣ до другого конца города, не было пропущено въ спискахъ ни

одной лачуги. Но когда я вошелъ на широкій, пустынный дворъ новиковской молельни, мнѣ бросился въ глаза высокій, обширный домъ, съ плотно притворенными дверями и полузакрытыми ставнями. Я заглянулъ въ полицейскій списокъ: домъ не значился въ немъ. Подойдя къ двери, я сталъ стучать, сначала деликатно, а потомъ крѣпко и настойчиво. Домъ молчалъ. Я отошелъ и заглянулъ въ темныя стекла. Потомъ взялъ съ земли палку и постучалъ въ раму. Домъ глядѣлъ на меня мертвыми, безучастными окнами. Тутъ я припомнилъ то, что мнѣ хорошо было извѣстно: въ этомъ домѣ жилъ бѣглый священникъ. Но форму нужно было соблюсти. Оглядываясь во всѣ стороны, я замѣтилъ, что въ одной изъ келій на дворѣ меня молча и мрачно наблюдалъ изъ-за косяка сѣнной двери какой-то мужчина. Я направился къ нему. Онъ вышелъ на новенькое крыльцо и сумрачно изподлобья глядѣлъ на мой портфель.

— Кто живетъ въ этомъ домѣ?—спросилъ я его.

— Никого нѣту. Пустой,—отвѣтилъ онъ, темными глазами безъ всякаго выраженія посматривая на меня.

У меня не было никакого желанія производить розыскъ, да притомъ по инструкціи переписчикъ обязанъ былъ вѣрить словеснымъ заявленіямъ опрашиваемыхъ лицъ, а потому я отмѣтилъ таинственный домъ нежилымъ. Такъ священникъ старообрядцевъ и не попалъ въ перепись! Но за то я побывалъ во всѣхъ примыкающихъ къ моленной домахъ и кельяхъ, гдѣ жили уставщики, пѣвчіе, «сиротскія старушки» и другія лица старообрядческаго міра.

Въ этихъ домахъ и дворахъ во время Великаго поста и въ свадебный мясоѣдъ набивалось множество народа. Ъхали къ батюшкѣ не только изъ ближнихъ

мѣсть, но за тысячи версть: съ Дону, изъ-за Волги, изъ Астрахани, изъ Сибири. Въ тѣсной моленной Великимъ постомъ распахивались всѣ двери, столбами валилъ оттуда парь, чадъ свѣчей и кадильный дымъ, а тысячная толпа плечо въ плечо, задыхаясь въ жару и давкѣ, биткомъ набивала всю моленную, заполняла крыльцо и отбрасывала толпу ожидающихъ очереди на дворъ, гдѣ люди сидѣли на заваленкахъ и стояли кучками вокругъ всего зданія. Въ свадебный сезонъ ѣхали отовсюду молодья пары. Вѣнчать по одной парѣ было, конечно, немисливо, и священникъ за одинъ разъ вѣнчалъ по тридцати, по сорока паръ. Ихъ всѣхъ ставили въ рядъ и надъ головами держали не вѣнцы, которыхъ было всего двѣ-три пары, а подходящія иконы. Это была наиболѣе доходная статья для священника: самая бѣдная свадьба стоила не менѣе пяти рублей, и священникъ за одинъ приемъ зарабатывалъ полтора-двадцати рублей. Задавленъ былъ священникъ точно также исповѣдниками и причастниками, которыхъ въ иную недѣлю сразу говѣло болѣе тысячи, и крестинами. Служить и хлопотать въ такую горячую пору приходилось, не покладая рукъ. И хотя непрерывный денежный потокъ значительно смягчалъ настроеніе священника, но все же такая постоянная смѣна невольнаго заточенія съ тяжелымъ, напряженнымъ трудомъ сильно расшатывала нервную систему іерея. Случалось, что священника «прорывало». Онъ забрасывалъ все дѣло и начиналъ сильно пить. Это вносило большое смятеніе и смуту въ среду старообрядцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы ни былъ грубъ, жаденъ и черяшливъ въ водкопитіи священникъ, приходилось беречь его, словно рѣдкую жемчужину: гдѣ же было искать другого? И скоро-ли найдешь его?

Въ Вольскѣ уже около пятнадцати лѣтъ живеть бѣглый священникъ Георгій Гумилевскій (отецъ

Егорій, какъ его зовутъ старообрядцы). Отягченный обширной семьей и затомившійся отъ невылазной бѣдности въ скудномъ православномъ приходѣ, онъ теперь подъ сѣнью старой церкви превратился въ солиднаго капиталиста. Помимо десятковъ тысячъ рублей, помѣщенныхъ въ надежныхъ мѣстахъ, онъ соорудилъ себѣ въ Вольскѣ превосходный домъ, который оцѣнивается, по меньшей мѣрѣ, тысячъ въ тридцать. Но какой тяжелой цѣной все это куплено! Цѣлые годы скрываться, дрожать, попадаться, унижительно просить и откупаться, тосковать въ добровольномъ одиночномъ заключеніи и видѣть только хриплыхъ уставщиковъ, которые почтительно, но, какъ неусыпные тюремщики, слѣдятъ за каждымъ шагомъ своего пастыря... И какъ болѣло сердце истинныхъ старообрядцевъ, которые видѣли грязный туманъ, нависшій надъ старой церковью! Священникъ тоскуетъ, грубитъ или пьетъ, вокругъ ходятъ и стерегутъ стаями жадныя ищейки, прихожане разоряются на непомѣрно высокую цѣну за требы, касса общества непрерывно опустошается на экстренныя мѣры для охраны священника,—все это смущало и ожесточало сердца старообрядцевъ, и многіе изъ нихъ, не вынося лжи и униженія, переходили въ безпоповскія секты или, отчаявшись найти чистую, свѣтлую церковь, дѣлались одиночками-сектантами. Но за то какъ сразу просвѣтлѣло и просвѣжлѣло въ бѣглопоповской церкви, когда было сдѣлано первое послабленіе. Лѣтъ восемь-десять назадъ преслѣдованія бѣглыхъ священниковъ прекратились. Было только,—какъ говорятъ старообрядцы,—ограничено число такихъ священниковъ пятью. Но теперь ихъ имѣется гораздо больше: когда старообрядцы стали перечислять ихъ по именамъ находящихся у нихъ іереевъ, то оказалось болѣе десяти. Самое же главное, священники на полныхъ правахъ могутъ

свободно разъѣзжать и показываться вездѣ и жить «какъ люди», а не какъ затравленные зайцы.

Первый лучъ свободы безслѣдно смелъ и уничтожилъ нѣкоторые грязные лишай, выросшіе во тьмѣ на старой церкви. Отпали, прежде всего, унижительные подкупы и взятки. Не оставалось больше причинъ для соблазна блюстителей прежняго порядка, и новые чиновники, сталкивающиеся со старообрядцами, уже глядятъ на нихъ, какъ на равноправныхъ гражданъ. Облегчилась также и жизнь старообрядческаго священника, а старообрядцы могли уже къ порокамъ и причудамъ пастыря примѣнять строгія требованія, потому что было уже не трудно замѣнить его новымъ іереемъ. Недавно одинъ старообрядецъ писалъ мнѣ изъ Вольска: «отца Егорія въ декабрѣ присудили на два мѣсяца въ острогъ. Обвѣнчалъ онъ, будто бы, крещеную въ церкви невѣсту. Навѣрно, не сядетъ: будетъ судиться дальше.» Въ этомъ письмѣ сквозитъ непонятное для православныхъ обывателей удовольствіе. Духовное лицо сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ въ окружномъ судѣ, но судятъ его не за то, что онъ—старообрядческій священникъ, а за отдѣльный проступокъ, судятъ по закону, «какъ всѣхъ», и онъ защищается по закону и будетъ «судиться дальше». Въ томъ-то и мечта старообрядцевъ, чтобы ихъ подвели подъ общій законъ. Жить, какъ всѣ равноправные граждане, отвѣчать только за дѣйствительные незаконные проступки,—какъ это просто и какъ это все еще недоступно въ полной мѣрѣ для старообрядцевъ ..

VIII.

Бѣглоповцы переживаютъ въ настоящее время чрезвычайно интересный періодъ творческаго броженія. Полоса полицейскаго гнета и гроза прямыхъ гоненій, слава Богу, скрылись въ туманахъ исторіи;

бѣглопоповцы мало-по-малу оправляются отъ разгрома, организуются и залѣчиваютъ раны старой церкви. Но темный, долгими годами гоненій затравленный умъ работаеъ пока туго, и туманъ вѣкового испуга все еще застилаетъ глаза старообрядцамъ.

Оглядываясь кругомъ, они, въ числѣ оставшихся препятствій, намѣтили главнаго врага: «австрійскую» церковь. Темный сумбуръ въ головѣ мѣшаетъ имъ разглядѣть, что эта церковь—ближайшая, родная сестра ихъ церкви, и они всю энергію направляютъ теперь для борьбы съ ней... Стройная организація австрійской церкви съ полной іерархіей—епископами, священниками, діаконами, съ точнымъ исполненіемъ старыхъ обрядовъ и благолѣпіемъ молитвенныхъ домовъ, а главное—съ чрезвычайной дешевой въ платѣ за требы (кто сколько можетъ), неудержимо влечетъ къ себѣ многихъ старообрядцевъ, и всего сильнѣе изъ среды бѣглопоповцевъ, которыхъ измучила безурядица въ собственныхъ моленыхъ. Такая грозная конкуренція настолько встревожила главарей бѣглопоповскаго толка, что въ 1903 году въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ былъ созванъ «вселенскій соборъ». Происходилъ онъ три дня—10, 11 и 12 мая,—и стеклись на него, дѣйствительно, со всѣхъ концовъ старообрядческой вселенной: изъ Саратова, Астрахани, Вольска, Хвалынска, Москвы, Нижняго-Новгорода, съ Урала, съ Дона и даже изъ Сибири. Всего собралось около 200 человекъ. На бурныхъ засѣданіяхъ собора австрійская церковь подверглась весьма энергичнымъ нападкамъ. Было постановлено считать австрійское священство ложнымъ, «самозваннымъ», и переходящихъ оттуда къ бѣглопоповцамъ перекрещивать. Этимъ суровымъ рѣшеніемъ главари надѣются отвратить глаза колеблющихся прихожанъ отъ «австрійщины». Необходимо замѣтить, что рѣшеніе перекрещивать—самая край-

няя и рискованная мѣра. Даже православное духовенство признаетъ дѣйствительнымъ крещеніе всѣхъ старообрядцевъ, какого бы толка они ни были и хотя бы крещеніе совершалъ простой старикъ или старуха. Присоединеніе къ православію совершается черезъ муропомазаніе. Слѣдовательно, главари бѣглопоповцевъ въ жару борьбы выказали къ австрійской церкви чрезмѣрное и опасное презрѣніе. Соборное постановленіе разослано по всѣмъ моленнымъ для строгаго руководства. Главари возлагаютъ на него большія надежды.

Но можно бояться обратнаго результата. И на самомъ соборѣ была группа старообрядцевъ, которая энергично осуждала крутую и вредную борьбу съ австрійцами; изъ числа же прихожанъ многіе съ явнымъ неудовольствіемъ отзываются о соборномъ постановленіи. «Перекрещива гь выдумали!—говорилъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ и, такъ сказать, либеральныхъ старообрядцевъ,—хуже всякихъ еретиковъ поставили австрійцевъ! А къ чему, на что? Отшибуть только еще больше отъ себя»... Но и сами главари понимаютъ, что однѣми угрозами «австрійщину» не побѣдишь, поэтому на томъ же соборѣ они выработали рядъ мѣръ для успѣшной конкуренціи съ австрійцами. Если въ австрійской церкви мирно, стройно и благолѣпно, то ясное дѣло, что для удержанія своей паствы и бѣглопоповцамъ необходимо ввести реформы въ Собственной церковной общинѣ. Главари обратили прежде всего суровый взглядъ на своихъ духовныхъ пастырей. При смягченныхъ порядкахъ священниковъ не особенно трудно стало доставать, а потому можно теперь передъ ними и за нихъ не дрожать. На соборѣ всѣмъ пастырямъ была сдѣлана строгая переборка и каждому внушено предостереженіе. Попу Ивану, который изъ любви къ конскимъ ристалищамъ переходилъ однажды въ наѣзники и потомъ

обратился вспять съ повинной, было рѣшительно заявлено: «Ты, вотъ что, батюшка: служить такъ служи и эти глупости оставь, а если опять въ наѣзники захочешь, то вотъ тебѣ послѣдній сказъ: къ намъ больше не являйся. Будетъ ужъ, хлопотали съ тобой довольно»... Съ отцомъ Александромъ тоже напрямки объяснились. Онъ, какъ вдовецъ, тайно повелъ негожую жизнь. Но тайное сдѣлалось для всѣхъ прихожанъ явнымъ, и ему на соборѣ строго-настрого заказали немедленно разстаться съ незаконной, хотя и весьма веселой женой. «Отъ тебя, батюшка, будемъ прямо говорить, грѣха да соблазна этого... одно смущенье только. Ужъ лучше въ этакоемъ разѣ и безъ священника Богъ простигъ. Не къ лицу, батюшка, оставь! А то въ случаѣ чего и отлучить придется окончательно. И за этимъ не постоимъ при такомъ озорствѣ»...

Отцу Михаилу и другому отцу Александру долго и сурово выговаривали за то, что они нѣсколько разъ переходили изъ старой вѣры въ православіе и обратно. Въ наказаніе имъ запретили на нѣкоторое время отлучаться изъ своихъ приходоу. Помимо этихъ мѣръ нравственнаго воздѣйствія, была затронута и главная пружина внутренней смуты бѣглоповской церкви—плата за требы. Въ силу чрезмѣрной нужды въ таинствахъ, необычайная, почти болѣзненная жадность священниковъ прежде была терпима; теперь пришелъ ей конецъ. Кромѣ суроваго выговора отцу Егорію и другимъ священникамъ за высокіе поборы (нѣкоторые зарабатывали болѣе десяти тысячъ рублей въ годъ), на соборѣ была выработана такса: за вѣнчанье положили брать 4 рубля, съ бѣдныхъ же и меньше, смотря по достатку, за крещенія и другія требы—кто сколько пожелаетъ.

Этой крупной реформой бѣглоповцы сразу поставили себя на правильный путь внутреннихъ улуч-

шений, и за образец все-таки пришлось взять все ту-же австрійскую церковь, борьба съ которой поставлена главарями основной цѣлью собора. Знаменательно, что всѣ эти реформы сдѣлались возможными, когда само общество взялось за управленіе внутренними дѣлами. Лишній и яркій примѣръ широкаго значенія для жизни начала общественности. Однако, крупныхъ реформъ въ бѣглопоповской церкви ждать нельзя, пока не повѣетъ сверху благодатнымъ вѣтромъ терпимости и свободы. Стало «полегче», но далеко не настолько, чтобы окончательно забыть черное прошлое и съ облегчительнымъ вздохомъ вступить въ новую полосу жизни. Старообрядцы такъ еще запуганы, что всякій новый шагъ дѣлаютъ съ большою оглядкой. Вселенскій соборъ, на примѣръ, посвященный безобиднѣйшимъ дѣламъ мирнаго внутренняго благоустройства, собирався въ большой тайнѣ. Крѣпко боялись, чтобы «начальство не узнало», хотя совершенно не знали, какъ смотреть начальство на ихъ безобидный соборъ. На самомъ соборѣ, послѣ всѣхъ рѣшеній постановленій, одинъ старообрядецъ въ простотѣ душевной провозгласилъ: «А теперь я думаю, старички, вотъ что: взять намъ да всѣ постановленія и отпечатать въ газетахъ. Большая польза выйдетъ: и наши всѣ узнаютъ, и австрійцы, и церковные». Старички онѣмѣли отъ испуга: «Эка, чего брякнулъ!—замахали они на оратора рукой,—пропиши въ газетахъ, а тебя начальство по головкѣ погладить... Не то, что печатать, и говорить-то поменьше надо». При такой заячьей храбрости, основанной, впрочемъ, на крѣпкихъ урокахъ недавней старины, бѣглопоповцы, конечно, далеко не уйдутъ въ своихъ преобразованіяхъ. Притомъ они, какъ и всѣ старообрядцы, связаны по рукамъ и ногамъ своимъ безправіемъ. Передъ закономъ они не составляютъ ни церкви, ни простого общества.

Такъ же, какъ и австрійцы, они принуждены свои моленныя «закрѣплять на бумагѣ» на частныхъ лицъ (обширная моленная въ Вольскѣ, напр., принадлежитъ по закону Аннѣ Федоровнѣ Мельниковой, хотя постройка производилась на общественныя деньги), такъ же мучаются они относительно браковъ, законности дѣтороженія, судопроизводства по дѣламъ наслѣдованія и т. д. Между тѣмъ, нѣтъ другой секты, которая была бы такъ близка къ православію, какъ бѣглопоповцы. Единовѣріе пользуется всѣми правами православія, а бѣглопоповцы, въ сущности, — тѣ же единовѣрцы: при полной тождественности всѣхъ обрядовъ, они, подобно единовѣрцамъ, и священниковъ берутъ отъ православной церкви. Вся разница только въ томъ, что для единовѣрцевъ, священники назначаются православнымъ епископомъ, а бѣглопоповцы берутъ самовольно. Но и эта причина сводится почти на нѣтъ при современной полутерпимости къ уходу священниковъ въ расколъ. И однако, единовѣрцы—родныя дѣти закона и отечества, а бѣглопоповцы—отверженные пасынки. Для однихъ старый обрядъ прощенъ, освѣщенъ и признанъ православною церковью, для другихъ—служить по прежнему причиною проклятія и отверженія. Это быющее въ глаза противорѣчіе требуетъ скорѣйшаго разрѣшенія, что бы исчезло, наконецъ, изъ русской жизни это странное вѣковое ослѣпленіе, раздѣляющее вѣрующихъ религіозныхъ людей на враждебные и злобные лагеря. Всѣ уродливыя послѣдствія раскола испарятся безъ слѣда, какъ только старый обрядъ получитъ полное законное право на свободное существованіе. Въ частности же, для бѣглопоповцевъ самъ собою напрашивается одинъ проектъ, который, тотчасъ по осуществленіи, долженъ вызвать прекрасные результаты.

Въ концѣ восемнадцатаго вѣка значительная часть старообрядцевъ, съ вождемъ Никодимомъ во главѣ,

шла на примиреніе съ православной церковью и просила себя отдѣльнаго епископа. Въмѣсто того, было дано единовѣріе, въ которомъ священство подчинено православнымъ архіереямъ. Эта полумѣра оттолкнула готовыхъ къ примиренію старообрядцевъ, и еще больше залугала ихъ крутая система насилія при административномъ присоединеніи къ единовѣрію.

Теперь—самая настоящая пора возвратиться къ старому уроку исторіи. Православію и старообрядчеству остается сдѣлать послѣдній примирительный шагъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣглоповцы, тайкомъ достающіе православныхъ священниковъ, будутъ необыкновенно счастливы, когда увидятъ возможность пріобрѣсти собственнаго «старообрядческаго епископа.» Трудно также сомнѣваться, чтобы въ православіи не нашлось отзывчивыхъ преосвященныхъ, которые согласились-бы войти въ старыя стѣны старообрядческой церкви и повести покинутое стадо на свѣтлую дорогу общенародной жизни. Но это обновленіе не должно быть, подобно единовѣрію, полумѣрой. Благодѣтельныхъ результатовъ можно ждать только въ томъ случаѣ, если старообрядцы, выбравъ по своей доброй волѣ епископа, сохранятъ потомъ полное право для выбора священства и общественнаго руководительства дѣлами церковнаго прихода. При выборномъ началѣ къ старообрядцамъ будутъ попадать не корыстные и жадные (какъ прежде) священники, а истинные добрые пастыри, которые внесутъ первый свѣтъ въ этотъ темный уголокъ народной жизни. Что такіе священники найдутся и пожелаютъ пойти въ старообрядчество, есть полное основаніе надѣяться. Даже темное старообрядческое прошлое уже видѣло подобные примѣры.

Достаточно вспомнить священника Люцернова, которому, какъ выдающейся личности, Глѣбъ Успенскій посвятилъ большую статью. Академикъ по об-

разованію, человекъ сильный духомъ, ученый и литераторъ, Люцерновъ пошелъ въ старообрядчество съ широкими намѣреніями. Но, къ сожалѣнію, сдѣлать ему пришлось очень мало. Было самое гонительное время. Подъ грозой гоненій старообрядцы не могли размышлять о внутреннихъ реформахъ, да и самому Люцернову приходилось прятаться, бѣгать, откупаться, отсиживать въ тюрьмахъ... Я встрѣчалъ Люцернова нѣсколько разъ у вольскихъ старообрядцевъ, но, къ сожалѣнію, былъ тогда слишкомъ юнъ, чтобы попристальнѣе взглядѣться въ эту исключительную личность. Помню только, что это былъ бодрый, энергичный человекъ, который много и охотно говорилъ съ старообрядцами, а старообрядцы, помню съ большимъ удовольствіемъ смотрѣли на своего батюшку. Теперь старообрядцы вспоминаютъ, что Люцерновъ много хлопоталъ, стараясь поселить среди нихъ единомыслие, новые улучшенные порядки. Умеръ онъ, не имѣя совершенно денегъ, и тѣмъ неопровержимо доказалъ, что пошелъ въ старообрядчество совсѣмъ не для наживанія капиталовъ.

То, что не удалось сдѣлать Люцернову при морозѣ и вьюгѣ на старообрядческой пашнѣ, сдѣлаютъ новые люди, если повѣетъ весной. Самымъ искреннимъ образомъ нужно посоветовать бѣглоповцамъ обдумать и возбудить ходатайство о собственномъ епископѣ отъ православія, и самымъ искреннимъ образомъ хочется вѣрить, что на этотъ шагъ не будетъ данъ, какъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, уклончивый отвѣтъ. Нельзя же все толкать и толкать старообрядцевъ на тотъ темный путь, гдѣ они доходятъ, подобно уральскимъ казакамъ, до фантастическихъ розысковъ истинной церкви и священства въ таинственной Бѣловодіи!

IX.

Люди разныхъ направлений привыкли за послѣдніе годы говорить, писать и думать, что во всей Россіи ползеть, ломается старый укладъ жизни. Оскудѣло, раздѣлилось дворянство, и нѣтъ ужъ болѣе былой культуры, зачахшей вмѣстѣ съ заглохшими усадьбами; обнищало крестьянство и не только хлѣбомъ, но и духомъ: вымираютъ пѣсни, старинные обряды, деревенская архитектура съ рѣзными коньками и карнизами, благообразные древніе костюмы... А на мѣсто скудной, но цѣлостной культуры, дерзко вламываются пиджакъ, монополька и визгливая гармоника. Зачадили громадныя фабричныя трубы, а деревня дала для нихъ наголодавшихъ работниковъ, и лица ихъ подъ грохотъ машинъ становятся все испитѣе, и въ глазахъ мелькаетъ недобрый, дерзкій огонекъ. По городамъ растетъ и крѣпнеть хулиганство. Очевидно, распаденіе коснулось также ремесленного и вообще мѣщанскаго класса. Вѣковыя формы жизни обветшали, а новыя еле рождаются съ натугой и болью. Время смутное, болное и тревожное...

Но среди расшатанныхъ и падающихъ зданій угрюмо и непоколебимо стоитъ старообрядчество. Какъ плотно закупоренный сосудъ, оно хранитъ въ цѣлостномъ видѣ древній русскій духъ, замѣшанный на крѣпкихъ византійскихъ дрожжахъ. Дѣло тутъ не въ одномъ старомъ обрядѣ: вся жизнь настоящей старообрядческой семьи, всѣ крупныя и мелкія поступки ея заключены въ непреклонную систему и желѣзную дисциплину. Когда явился въ Русь первый суровый византійскій монахъ, развернулъ предъ лѣснымъ челоукомъ-славяниномъ страшныя картины ада и рая и разъяснилъ, что надъ всѣмъ міромъ, надъ всѣми радостями жизни царствуетъ бѣсъ и что единственное

спасеніе отъ адскихъ мукъ за гробомъ—борьба съ соблазнами жизни, умерщвленіе плоти и служеніе Богу постомъ и молитвой, мысль и воображеніе славянина застыли отъ испуга на многіе вѣка. Встала предъ глазами огромная цѣль, которая заслоняла, уничтожала всякій иной смыслъ жизни. И потому наилучшіе, цѣльные славяне приняли самыя рѣшительныя мѣры для борьбы съ діаволомъ: одни уходили для подвиговъ духа въ сырыя подземелья и пещеры, въ лѣсные скиты, другіе, оставшіеся въ міру, обставили всю свою жизнь молитвенными обрядами, постами и лишеніями плоти, которыя со всѣхъ сторонъ загораживали доступъ въ ихъ жизни бѣсовскимъ соблазнамъ міра. Вся эта суровая, монашеская дисциплина цѣликомъ донесена старообрядцами до настоящаго времени. Сильна у нихъ вѣра въ Бога, но, кажется, еще сильнѣе боязнь діавола. Они твердо вѣрятъ, что коварный врагъ стережетъ каждый ихъ шагъ, каждое малѣйшее движеніе и нужна величайшая осторожность, чтобы постоянной молитвой избѣгать западни искушителя. Мать оберегаетъ ребенка прежде всего отъ невидимаго, но страшнаго врага человѣка. «Перекрестись! Перекрестись!»— испуганно кричитъ она, если ребенокъ схватилъ кружку съ водой, потому что, если напиться, не перекрестившись, то съ водой проскользнетъ бѣсъ и станетъ мучить человѣка. «Опять не покрылъ чашку!»—сердито кричитъ на мальчика отецъ или мать: въ непокрытую съ молитвой посуду съ ѣдой или питьемъ сейчасъ-же забирается діаволъ. «А ты ежели плюнешь или чихнешь,—заботливо говоритъ мать ребенку, —сотвори Иисову молитву, а то бѣсъ-то, онъ вѣдь только этого и ждетъ, соберетъ твою слюнку и всѣ твои мысли узнаетъ». И ребенокъ, напуганный постояннымъ присутствіемъ діавола, ежеминутно шепчетъ, когда плюнетъ, кашлянетъ или

чихнетъ; «Господи Исусе! Господи Исусе!»... Если же ему придется выйти одному въ темныя сѣни, на дворъ или идти одному ночью черезъ безлюдный мостъ, мимо рѣчки, темнымъ переулкомъ,—его трясеть ознобъ ужаса, все тѣло и мозгъ напряжены неодолимымъ страхомъ: со всѣхъ сторонъ крадется за нимъ темная сила, и онъ бѣжитъ, обливаясь потомъ, и задыхаясь бормочетъ: «Господи Исусе, Сыне Божій! . Господи Исусе!..» Взрослый старообрядецъ никогда не забудетъ перекреститься или сотворить молитву, если чихнетъ, плюнетъ, или предъ ѣдой и питьемъ. И если его ночью кошмаръ душитъ, то, задыхаясь, онъ шепчетъ воснѣ со стонами и страхомъ: «Господи Исусе; . Господи Исусе!.. Помилуй насъ грѣшныхъ...» Бѣсовскія козни особенно страшны для женщинъ, и особенно для тѣхъ, у которыхъ умеръ кто нибудь изъ близкихъ: мужъ, отецъ, мать, дочь, сынъ. Тогда ко многимъ изъ нихъ являются «летуны». Женщины часто ведутъ между собой такіе разговоры:

— Прочитала я нынче полуночицу,—разсказываетъ сѣна, у которой недвано умеръ мужъ,— прочитала да прилегла немножко на печку. Полежу, молъ, часокъ. Только лежу это да думаю: «не проспять-бы пироги-то, мѣсить надо вставать». Вдругъ это въ сѣняхъ кто-то шваркъ, дверь-то настезь, и вѣтромъ какъ будто на меня дунуло. Открыла я глаза: Царица Небесная! Стоитъ на порогѣ мой Степанъ Иванычъ, смотритъ прямо на меня и глаза этакъ ласково свѣтятся. «Ну, вотъ,—говорить,— я и пришелъ. Заждалась?» И говоритъ-то этакъ просто, кровно быдто онъ съ базару домой какъ живой пріѣхалъ. Говоритъ это, а самъ ко мнѣ, самъ ко мнѣ... И глазами меня своими всеѣ такъ и заморозилъ. Ужъ не знаю, руки, ноги не двигаются, языкъ занѣмѣлъ, ужъ и не знаю, какъ ужъ я..

Дернула рукой-то,—и рука-то кровно не своя, затекла, обмертвѣла!—перекрестилась, да бормочу: «Господи Исусе, Сыне Божій! Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его...» Онъ какъ это шваркнется отъ меня: «ага!—говорить,—догадалась!» Да въ дверь-то огненнымъ шаромъ, а въ сѣняхъ-то кровно разсыпался: затрещало, загремѣло...

— Отъ него, врага Христова, на всякъ часъ опасайся,—говорить съ сокрушеніемъ другая себе-сѣдница,—вотъ намеднись съ Оксиньюшкой кака бѣда чуть-чуть не вышла. Не слыхала? Все по матери плачетъ. Знамо дѣло, жалко, да вѣдь не вернешь. Ну, плачетъ и плачетъ. Только разъ ночью и выдь зачѣмъ-то на улицу. А онъ и тутъ. Идетъ, быдто, къ ней Матрена, мать-то то истъ, и этакъ быдто въ платочкѣ, въ синенькомъ, на лобикъ-то его надвинула, и сарафанчикъ-то какъ есть ея клѣтчатый. «Чего,—говорить, плачешь, глупенькая?» Да и давай, и давай ее заговаривать. Слова-то все ласковыя, любовныя. А этой, Оксиньюшкѣ-то, такъ съ горя да со слезъ замстило, обрадовалась, не чувствуетъ ничего и говоритъ съ ней, рассказываетъ ей про все. Идутъ это по улицѣ. Мѣсяцъ свѣтитъ, ясный, свѣтлый. Вдругъ,—знать, ужъ Богъ пожалѣлъ,—смотритъ Оксиньюшка: отъ нея-то отъ мѣсяца тѣнь, а отъ матери нѣтъ; такъ кровно быдто свѣтъ скрозь нее проходитъ. Тутъ она и догадалась, да поскорѣе: «да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его...» Смотритъ: Господи Исусе! ни города, ни улицы, а сидитъ она на краю оврага—страшеннѣйшей, глубоченный оврагъ,—еще-бы вотъ малость одна, и слетѣла-бы, только-бы ея душеньку и видѣли. А по полю отъ нея искры, искры! Да хохоть этакій, индо ее затрясло всеё. Вскочила да бѣжала, бѣжала... Ужъ и не помнитъ, какъ и дорогу домой нашла.

Невидимый врагъ, коварный, неутомимый, без-

пощадно, всегда летаетъ около старообрядцевъ, и борьба съ нимъ идетъ нешуточная. Для отца съ матерью она еще тѣмъ осложняется, что они несутъ страшную отвѣтственность за дѣтей: какъ бы ни была чиста жизнь самого отца или матери, но если сынъ или дочь поддались грѣхамъ, то на томъ свѣтѣ родители понесутъ тяжелую кару за свои попущенія и поблажки. Поэтому въ семьѣ каждодневно, ежечасно раздаются суровые окрики на легкомысленную молодежь.

«Сѣлъ, а лба перекрестить не надо? Татаринъ, что-ли?»—гнѣвно смотритъ отецъ на двадцатипятилѣтняго сына, который, по разсѣянности, взялъ ложку безъ крестнаго знаменія. «Не болтай ногой! Не болтай: грѣхъ!» — останавливаетъ мать подвижного мальчика, заскучавшаго на стулѣ: грѣхъ потому, что хитрый бѣсъ сейчасъ же садится на ногу и качается, насмѣхаясь надъ человѣкомъ. Если кто въ домѣ громко засмѣется или запоетъ, раздается гнѣвный окрикъ отца: «запѣлъ? Въ кабацѣ, что-ли, сидишь?» Съ большимъ неудовольствіемъ выслушивается, когда кто-нибудь изъ дѣтей начнетъ рвзсказывать что-нибудь интересное, длинное. Лицо отца дѣлается все мрачнѣе. «Ну будетъ! замололъ»,—перебиваетъ онъ. А мать добавляетъ печально: «праздному болтанію бѣсы радуются».

Суровое молчаніе, молитва и вѣчная настороженность чувствуются всегда въ настоящей, строгой старообрядческой семьѣ. Разговоры, смѣхъ, пѣсни, возня, бѣготня, всякія повышенныя чувства въ ней неумѣстны и глохнутъ сейчасъ-же, если нечаянно прорвутся. Врага человѣческаго рода здѣсь всегда ждутъ съ суровой, непреклонной рѣшительностью. Если-же на небѣ загремитъ гроза, заблестаютъ молніи, въ домѣ поднимается тревожная суэта: поспѣшно закрываютъ трубу, шепча молитву, запираютъ

двери, плотно притворяютъ окна. Во время грозы бѣсы, летающіе снаружи, страшно пугаются молній, которыя ихъ прожигаютъ, и опрометью бросаются въ первую попавшуюся трубу, раскрытую дверь или окно. Вотъ почему нужно всѣ отверстія въ домѣ во время грозы съ молитвой закрывать.

Но все это нетрудно: своевременной молитвой всѣ атаки и замыслы бѣса легко отбить. При жизни бѣсъ не очень опасенъ: страшенъ діаволь въ загробной жизни. Здѣшняя жизнь—одно мгновеніе, а тамъ жизнь вѣчная, безконечная, и какой страхъ, какой ужасъ попасть грѣшной душѣ на вѣчныя адскія муки въ неугасимый огонь, гдѣ надъ ней будутъ издѣваться торжествующіе мохнатые, рогатые бѣсы, съ огненной пастью и зелеными глазами!.. Ада же никто не минуетъ, если только не исполнены всѣ положенныя древними монашескими уставами требованія. На свою краткую земную жизнь старообрядецъ смотритъ, какъ на подготовку къ загробной жизни, и потому онъ мраченъ и суровъ, что чувствуетъ, какъ слабость человѣческая мѣшаетъ ему полностью и въ чистотѣ выполнить всѣ требованія устава. Кромѣ того, всегда гнететъ тяжелое сомнѣніе, угодилъ-ли Богу исполненіемъ всѣхъ обрядовъ, службъ, постовъ и правилъ, и можно-ли вполнѣ надѣяться на избавленіе отъ адскихъ мукъ? Въ виду великой цѣли всѣ дни и часы года тщательно распредѣлены для молитвы и соблюденія постовъ. Во-первыхъ, во время мясоѣдовъ соблюдаютъ всѣ пятницы и среды, а многіе старообрядцы еще и «понедѣльничаютъ», т. е. не ѣдятъ скоромнаго и въ понедѣльникъ (исключеніе для этихъ дней «всеѣдная» недѣли: святки, Пасха, недѣля предъ масланицей и недѣля послѣ Троицы). Обычныя службы въ моленныхъ на праздники и предъ праздниками: всеночная или утренняя, обѣдня и вечер-

ня. Но разнятся онѣ отъ православныхъ службъ тѣмъ, что продолжаются раза въ три дольше. Исполняется весь старый обрядъ безъ пропусковъ, и при томъ поютъ длинно и протяжно, а читаютъ отчетливо, тягуче и благолѣпно. Но самое характерное—отношеніе старообрядцевъ къ богослуженію. Передъ каждой службой «кладется началъ», т. е. читается рядъ молитвъ съ поясными и земными поклонами, и каждый изъ опоздавшихъ, войдя въ моленную, долженъ прежде всего положить началъ и поклониться всѣмъ на четыре стороны со словами «простите, Христа ради». И затѣмъ вся огромная толпа, неподвижно стоящая плечо въ плечо въ духотѣ и копоти свѣчъ (мужчины и женщины стоятъ отдѣльно: одни—впереди, другія—сзади) напряженно слушаетъ въ продолженіе шести часовъ пѣснопѣнія, псалмы, тропари, ирмосы и проч. Каждый знаетъ, когда нужно класть поясной, когда земной поклонъ, и внушительное; трогательное зрѣлище представляетъ эта громадная толпа суровыхъ, молитвенныхъ лицъ, то неподвижно глядящихъ впередъ на темныя иконы, то съ шелестомъ и всѣ вмѣстѣ осѣняющихся широкимъ крестомъ, то всей громадой со вздохами и молитвами кладущихъ земные поклоны.

Здѣсь всѣ—глубоковѣрующіе въ святую силу обряда, и это стихійное молитвенное настроеніе толпы производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе даже на посторонняго зрителя. Еще сильнѣе и строже молитва постомъ. Особенное значеніе имѣетъ Великій постъ. Эти семь недѣль—сплошной подвигъ и побѣда надъ плотью у старообрядцевъ.

Въ первую недѣлю, начиная съ «чистаго понедѣльника» и до субботы, нельзя ѣсть съ масломъ и горячее; питаются сухимъ хлѣбомъ, водой, картофелемъ (и его нѣкоторые сначала остудяютъ; горячій—грѣхъ), капусту, огурцы. Въ слѣдующія пять недѣль

можно ѣсть горячее, но безъ масла. Съ масломъ конопляннмъ, подсолнечнмъ) разрѣшается вкушать только по субботамъ и воскресеньямъ. На «Вербное воскресенье», однажды на весь постъ (если только не придется постомъ же Благовѣщеніе), разрѣшено яденіе рыбы. Страстная недѣля, которую старообрядцы называютъ «страшная»,—соблюдается гораздо суровѣе, чѣмъ первая. Въ это время вся жизнь въ старообрядческой семьѣ придавлена какъ будто глухимъ страхомъ и суровымъ аскетическимъ молчаніемъ; они какъ будто вявъ переживаютъ и ясно чувствуютъ всѣ страданія, закончившія жизнь Христа въ эти дни. За весь постъ (кромѣ субботъ и воскресеній) на всѣхъ службахъ и въ домашнихъ правилахъ и молитвахъ всѣ поясные поклоны замѣнены земными. А такъ какъ ихъ приходится весьма большое количество и на утреннюю молитву, и на вечернюю, и на церковныя службы, то для истомленныхъ голодомъ старообрядцевъ и особенно для стариковъ и старухъ эти обязательные земные поклоны являются не легкимъ дѣломъ, отнимая притомъ отъ обычнаго трудового дня не мало времени. За всѣ недѣли Великаго поста малѣйшій намекъ на пѣсню, попытка засмѣяться или —упаси Боже!—взять въ руки музыкальный инструментъ—считается чрезвычайнымъ грѣхомъ. Но истинными, совершенными подвижниками въ духѣ стараго благочестиваго времени, проявляютъ себя постомъ говѣльщики. Имъ приходится посѣщать ежедневно слѣдующія службы (съ многочисленными земными поклонами): утренняя отъ 2 часовъ ночи до 6 часовъ утра; часы съ вечерней съ 8 часовъ утра до 12 часовъ дня; павечерница и правильные каноны съ 3 часовъ дня до 7 часовъ вечера. Кромѣ того, между этимъ моленіемъ говѣльщикъ долженъ исполнить въ теченіе недѣли 70 лѣстовокъ, по 10 лѣстовокъ на день, которыя распредѣляются такимъ образомъ: три лѣс-

товки съ земными поклонами, три лѣстовки—поклоны въ поясъ и т.и—сидя, творя Иисову молитву; десятая же лѣстовка исполняется такъ: читается «Богороде, Дѣво, радуйся, обрадованная Марія»... и чрезъ каждый десятокъ этой молитвы произносится «Отче нашъ»; все это—съ земными поклонами. Говѣльщику разрѣшается въ эти дни только сухояденіе, т. е. единожды въ день хлѣбъ и вода (даже соленые огурцы, моченая яблоки и кислая капуста считаются лакомствомъ и къ воспринятію воспрещаются). Но и это послабленіе только для маломощныхъ: здоровымъ и сильнымъ говѣльщикамъ полагается вкушать по одному разу черезъ день. Въ пятницу послѣ исповѣди ѣсть и спать совсѣмъ воспрещается. Эта ночь проходитъ въ молитвѣ и бодрствованіи. Если же кто по малодушію соблазнится и напьется воды, тотъ долженъ выполнить сверхъ всего одну лѣстовку Иисовой молитвы. Въ пятницу въ 3 часа дня начинается всенощная, которая продолжается до 9 часовъ вечера; черезъ часъ читается поновленіе и причастные часы, продолжающіеся около четырехъ часовъ, а иногда и болѣе. Потомъ идутъ переодѣваться въ чистое бѣлье и во время отдыха слушаютъ божественное писаніе, а въ 5 часовъ начинается обѣдня, которая тянется, если много причастниковъ (иногда бываетъ въ большихъ моленныхъ болѣе тысячи), до 2 часовъ дня. Расходиться же говѣльщики не могутъ, потому что послѣ причастія читается отпускъ и дается благословеніе крестомъ отъ священника. Совершенно естественно, что къ концу такой подвижнической недѣли изможденные говѣльщики, съ воспаленными глазами и заострившимися мертвенными лицами напоминаютъ людей не отъ міра сего. Не рѣдко обезсиленный организмъ получаетъ тутъ же какую нибудь простудную или заразную болѣзнь. Но въ общемъ старообрядцы одерживаютъ рѣшительную побѣду надъ

плотью, и Пасха для нихъ является, дѣйствительно, «Свѣтлымъ праздникомъ». «Праздникъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ». Отблескъ торжества и свѣта мягко озаряетъ и смягчаетъ суровыя лица старообрядцевъ въ первые дни Пасхи. Въ это короткое время какъ будто пробивается истинный свѣтъ христіанской религіи—любовь и прощеніе. Старообрядцы не только читаютъ и поютъ, но и закрѣпляютъ глубоко въ душѣ въ эти часы слова пасхальныхъ пѣснопѣній: «Воскресенія день! Просвѣтимся, людїе!.. Рцемъ, братіе, и ненавидящимъ насъ: простимся воскресеніемъ и тако возопіемъ: Христось воскресе»!.. Счастливая усталость побѣды, тихая радость отдохновенія и мирное снисхожденіе къ людемъ слетаютъ въ старообрядческую семью. Но быстро протекаетъ Пасха, и опять жизнь замыкается въ суровыя, узкія, жесткія рамки. Опять желѣзная дисциплина, окрики на проявленіе свѣжей, молодой жизни и молитва, какъ главное и единственное оружіе для борьбы съ соблазнами врага человѣческаго рода.

Изъ ежедневныхъ домашнихъ правилъ и молитвъ большое значеніе имѣетъ у старообрядцевъ «полуночница» Состоитъ она изъ разныхъ молитвъ и пѣснопѣній. Каждую ночь необходимо вставать около полуночи и проходить эту службу. Какую нужно имѣть глубокую вѣру и настойчивую, непреклонную волю, чтобы трудовому человѣку, намаившемуся за длинный день и только что охваченному сномъ, непременно встать для молитвы въ полночь, и такъ дѣлать ежедневно въ теченіе всей жизни! Но чтеніе полуночницы имѣетъ чрезвычайно важное значеніе: второе пришествіе Христа для страшнаго суда ожидается ночью «внезапу». Въ полуночницѣ есть тропарь, въ которомъ говорится: «се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, его-же обрящетъ бдяша не достоинъ-же, его-же обрящетъ лѣнющагося; блюди;

убо, душе моя, да не сномъ отягчена будеши и не смерти предана будеши»... И вотъ, ожидая внезапнаго втораго пришествія, каждую полночь встрѣчаютъ старообрядцы въ бодрствованіи съ соотвѣтствующими молитвами и пѣснопѣніями.

Есть еще одна домашняя служба, которой старообрядцы придаютъ чрезвычайное значеніе. Нѣкоторые старики и начитанныя старушки убѣжденно и настойчиво утверждаютъ, что кто ежедневно въ теченіе всей своей жизни, не пропуская ни одного дня, исполнить эту службу, тотъ заслужитъ за гробомъ «вѣчную райскую пресвѣтлую жизнь». Эта служба заключаетъ въ себѣ двѣнадцать псалмовъ (такъ и книжка называется «дванадесать псалмовъ»), выбранныхъ изъ псалтири. «Сей чинъ принеси (говорится въ книжкѣ) отъ святой горы преподобный Досифей, архимандритъ печерскій». Это—келейное правило. Нужно ежедневно читать такъ: утромъ 6 псалмовъ и къ вечеру 6 псалмовъ, а ночью всѣ 12 псалмовъ. По преданію, эти псалмы пѣли преподобные отцы въ пустыняхъ. Старообрядцы для спасенія души искусственно стараются создать вокругъ себя пустыню, отменяя всѣ живыя чувства и загоразживаясь отъ всѣхъ вторженій бурлящей вокругъ нихъ жизни. Въ такой замѣчательной школѣ воспитывается и закаляется духъ старообрядца. Конечно много есть среди нихъ слабыхъ которые допускаютъ для себя не мало всяческихъ грѣховныхъ послабленій, но главное и все еще крѣпкое, большое ядро старообрядчества состоитъ изъ суровыхъ, стойкихъ, закаленныхъ людей, которые хмуρο и молча проходятъ мимо текущей жизни, готовя себя къ вѣчной загробной жизни. И когда видишь, сколько на это загробное подготовленіе уходитъ русской мощи, силъ, стальной энергии и духовныхъ богатствъ, то невольно думаешь: «если-бы всю эту силу повернуть на устройство Цар-

ства Божія на землѣ, на творческое созиданіе общей братской жизни въ духѣ истиннаго религіознаго пониманія!»... Старый обрядъ, какъ высокая каменная стѣна, загородилъ старообрядцевъ отъ всего широкаго, свѣтлаго міра и затемнилъ, приглушилъ всѣ побѣги свѣжихъ мыслей и чувствъ. Но уже ясно чувствуется, какъ эта громадная стѣна качается и клонится, летятъ кирпичи суевѣрія, сыплется мусоръ вѣковыхъ предразсудковъ, и побѣдные лучи ликующаго солнца скользятъ сквозь расщелины обреченной на гибель стѣны...

Х.

Когда я обходилъ притаившійся среди горъ и лѣса хвалынскій старообрядческій монастырь Черемшанъ, произошелъ маленькій случай, который мнѣ долго не забыть. Маленькая, печальная церковь безъ крестовъ, чугунное, черное било, висящее предъ ней на веревкѣ, суровыя мрачныя кельи и угрюмое молчанье загнанной въ это ущелье и застывшей древне-русской жизни невольно внушали робость и смущенье. Безлюдный дворъ и молчація зданія, казалось, съ пугливымъ недоумѣніемъ и настороженностью глядѣли на нежданнаго пришельца. Мнѣ хотѣлось увидѣть вблизи живыхъ обитателей этого мертвеннаго царства, и я, тихо бродилъ по монастырю.

За высокой стѣной изъ дровъ слышался громкій разговоръ. Старческіе голоса съ натугой и вперевки кричали что-то другъ другу. Я обогнулъ полѣнницу. На толстыхъ обрубкахъ сидѣло три ветхихъ, сгорбленныхъ, высохшихъ монаха. Въ черныхъ одѣянїяхъ, въ старенькихъ скуфейкахъ на желтоватобѣлыхъ волосахъ они пригнулись другъ къ другу и, не видя меня, продолжали громко о чемъ-то говорить. Но вдругъ, словно внезапно почувствовавъ присутствіе чужого человѣка, они всѣ сразу обернулись

и молча уставились на меня испуганно-тревожными глазами. Я смущенно стоялъ предъ ними и молчалъ. Одинъ изъ ветхихъ старичковъ, не спуская съ меня пугливаго взгляда, неожиданно прокричалъ натуженнымъ старческимъ голосомъ:

— Мы глухіе! Не слышимъ!

И опять они всѣ, не мигая, съ застывшимъ испугомъ глядѣли на меня. И такъ явно свѣтился въ ихъ слезливо старческомъ взглядѣ страхъ, какъ бы невѣдомый пришелецъ не подошелъ къ нимъ и не завелъ пугающую, еретическую бесѣду или соблазнительное глумленіе, что я сейчасъ-же повернулся и ушелъ.

«Глухіе! Не слышимъ!» Какъ больно бьетъ по сердцу этотъ возгласъ! Глухіе не одни эти бѣжавшіе отъ жизни старики,—плотно закрываетъ уши и угрюмо створачивается отъ тысячеголосой окружающей жизни все многолюдное старообрядчество. И много среди него такихъ, которые на всякую попытку живой жизни освѣжить ихъ застывшее сознание пугливо и раздраженно машутъ руками и глубже забиваются въ свой уголь сохранившейся многовѣковой тьмы. Они безнадежно глухіе, не слышатъ и никогда не пускаютъ въ свою душу волнующіе голоса новой жизни. Ихъ ужъ лучше оставить въ покоѣ доживать свой недолгій вѣкъ.

Но не мало среди старообрядцевъ и такихъ людей, которые за высокой стѣной стараго обряда съ тревожнымъ волненіемъ прислушиваются къ смутному гулу внѣшняго міра. И особенно замѣтно броженіе пытливой мысли во всемъ молодомъ поколѣніи. Все выше ходятъ волны житейскаго моря и все сильнѣе подмываются перегородки, разставленныя среди челоуѣчества неосмысленной взаимной враждой, все чаще летятъ брызги міровой жизни и черезъ стѣну стараго обряда, а внутри нея все бойчѣ бьютъ мо-

лодые ключи, неустанно подтачивающіе мрачную преграду къ общей жизни..

Интересно посмотрѣть, какія силы бьютъ и раскачиваютъ вѣковыя стѣны старой церкви. Наибольше организованная борьба ведется миссіонерствомъ. Здѣсь дѣйствуетъ опредѣленная система, расходуются крупныя суммы, работаетъ обширный штатъ подготовленныхъ людей и ведется подробная отчетность дѣлу. Однако, результаты получаются слабыя. Въ этомъ дѣлѣ замѣчаются крупныя изьяны, которые весьма замѣтны для посторонняго наблюдателя. Почему-то, во-первыхъ, для миссіонерской дѣятельности съ большой охотой принимаются бывшіе старообрядческіе начетчики. Въ Саратовской губ. мнѣ извѣстна дѣятельность трехъ миссіонеровъ: Климова, Шалкинскаго и Бѣляева. Всѣ трое были въ старообрядчествѣ, выступали долгое время на духовныхъ преніяхъ энергичными заступниками старообрядчества, а потомъ перешли въ православіе и стали дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Вѣроятно, предполагается, что бывшіе начетчики, зная слабыя мѣста своихъ бывшихъ собратьевъ, съ особеннымъ успѣхомъ могутъ защищать православіе. Но забывается одно, чрезвычайно цѣнное условіе: при всякой проповѣди на первомъ планѣ для ея успѣха должно стоять полное довѣріе слушателей къ искренности проповѣдника. Такого довѣрія старообрядцы совершенно не имѣютъ къ миссіонерамъ, вышедшимъ изъ ихъ среды. Они всегда склонны объяснять переходъ начетчика въ православіе выгоднымъ жалованьемъ, доходнымъ священническимъ мѣстомъ (обыкновенно такихъ лицъ посвящаютъ въ священники; перечисленные выше миссіонеры имѣютъ священническій санъ) и другими корыстными причинами. Поэтому старообрядцы гораздо охотнѣе дебатируютъ о вѣрѣ со священниками православно-семинарскаго образованія или съ

префессорами богословія. Но самая главная причина слабого успѣха миссіонерской проповѣди заключается въ узкой постановкѣ этого дѣла. Старому обряду противопоставляется новый обрядъ, и всѣ усилія направляются къ опроверженію перзаго. Духовно-церковная литература имѣетъ много разнорѣчивыхъ книгъ. Старообрядцы вооружаются книгами, явившимися на свѣтъ при патріархѣ Іосифѣ и до него; православные выставляютъ никоновскія исправленія. Та и другая сторона находятъ въ старыхъ книгахъ сотни доказательствъ для своей правоты. Слушатели-же, по большей части, малограмотный или совсѣмъ безграмотный народъ. По этому побѣждающій успѣхъ имѣютъ обыкновенно наиболѣе находчивый и талантливый ораторъ. Въ старообрядческой средѣ такіе блестящіе, начитанные спорщики имѣются и весьма цѣнятся. Особенно дорожатъ ими австрійцы. Православіе даетъ миссіонеру изъ старообрядческихъ начетчиковъ священнической санъ: австрійцы-же своихъ видныхъ ораторовъ взводятъ прямо въ епископы. Въ прошломъ году, напримѣръ, талантливый австрійскій начетчикъ Усовъ былъ сдѣланъ нижегородскимъ епископомъ. Сверхъ того, огромное большинство старообрядцевъ совершенно не интересуется спорами о новомъ и старомъ обрядѣ и относится къ нимъ пренебрежительно. Умъ ихъ крѣпко придавленъ вѣрой въ исключительную святость обряда. Религія для нихъ вся заключается въ обрядности, и притомъ, чѣмъ строже и тяжелѣе эти обряды, тѣмъ яснѣе они чувствуютъ близость Бога. Падать отъ изнеможенія и голода въ великій постъ, отбивать сотни земныхъ поклоновъ, выстаивать, дервенѣя отъ усталости, нескончаемыя службы въ моленной—вотъ главное служеніе Богу въ старой церкви. Поэтому вполне естественно, что православная церковь кажется старообрядцамъ слишкомъ легкой, свѣтлой, беззаботной.

— Ну что за моленье у васъ,—насмѣшливо укоряють старообрядцы православныхъ,—не успѣлъ до церкви дойти—хватъ ужъ шапочный разборъ. Начала никто не кладеть. Одинъ приходитъ, другой уходитъ. Который крестится, который такъ стоитъ, да вертится на всѣ стороны, ровно быдто не въ храмъ Божій пришли, а на веселое зрѣлище. Развѣ это моленье!

Въ народѣ смутно, но крѣпко царствуетъ убѣжденіе, что для Бога нужно подвижничество со стороны людей, обузданіе плоти, и когда вся религія сосредоточилась на обрядѣ; то послѣдовательно-вѣрующіе люди стремятся выполнить его въ самой тяжелой, подвижнической формѣ. Этимъ объясняются не только слабые результаты миссіонерско-православной проповѣди, но и тотъ успѣхъ, который имѣетъ старообрядчество въ темныхъ низахъ народа, привлекая къ себѣ изъ православія не малое число послѣдователей. Единымъ просвѣтительнымъ оружіемъ противъ желѣзной силы стараго обряда можетъ быть раскрытіе для старообрядцевъ истинной сущности христіанства, заключающагося въ дѣятельной и свѣтлой любви къ Богу и людямъ. И можно пожалѣть, что этимъ несокрушимымъ орудіемъ пока мало пользуются, выставляя противъ стараго обряда, главнымъ образомъ, новый обрядъ.

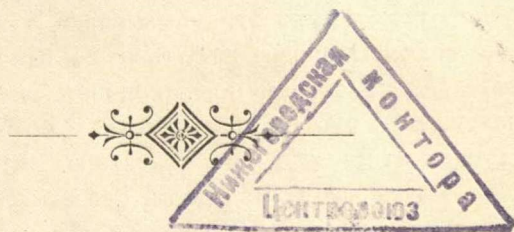
Между тѣмъ, живая жизнь незамѣтными, но мощными ударами уже раскачиваетъ вѣковые устои старой церкви. Здѣсь дѣло идетъ уже о критикѣ и отрицаніи всего застарѣлаго обряда, и противъ этихъ вѣяній старообрядничество стоитъ смущенно и растерянно.

Очень многіе изъ старообрядцевъ, повинувшись властному требованію жизни, проводятъ своихъ дѣтей черезъ среднія и высшія учебныя заведенія. А это ведетъ къ тому, что молодое поколѣніе совер-

шенно отбрасываетъ отъ себя поклоненіе обряду. Тутъ же рядомъ идетъ все расширяющееся вліяніе свѣтской литературы, которая пронизана тоской о Богѣ, наполнена исканіями святой жизни, но упраздняетъ или отодвигаетъ на второстепенный планъ обрядность. И вотъ во многихъ старообрядческихъ семьяхъ встрѣчаются лицомъ къ лицу представители двадцатаго столѣтія и сѣдой византійско-славянской старины. Идетъ нервная упорная борьба, кипятъ гнѣвные споры, молодая сила безжалостно ломаетъ закаменѣвшее міросозерцаніе своихъ отцовъ. Родители съ ужасомъ смотрятъ на «безбожниковъ» дѣтей, раздраженно отбрасываютъ отъ себя еретическія мысли, но шагъ за шагомъ неумолимая молодость дѣлаетъ свое дѣло и во многихъ семьяхъ суровое, аскетическое значеніе стараго обряда значительно подрывается. Много горя несутъ эти неслышныя, тяжелья семейныя драмы. Молодое поколѣніе побѣдно стоитъ на развалинахъ обряда, но, закончивъ энергично дѣло разрушенія, оно не приступаетъ и не желаетъ приступить къ религіозному созиданію. вмѣстѣ съ обрядомъ почти всегда молодость отбрасываетъ и всякій интересъ къ религіи. Освобожденный духъ бросается къ шумной суетной земной жизни. И это кладетъ непроходимую пропасть между молодымъ поколѣніемъ и старымъ, которое служеніе Богу продолжаетъ считать главной цѣлью своей жизни. Молодость вноситъ критику, насмѣшку, сомнѣніе въ старый укладъ жизни и оставляетъ стариковъ въ безпомощномъ смущеніи предъ непосильной задачей перестройки всего религіознаго міросозерцанія. Этотъ смутный переломъ, это тяжкое раздумье надъ обрядомъ, какъ главнымъ основаніемъ служенія Богу, замѣчается въ настоящую пору весьма сильно въ глубокихъ слояхъ народа.

Исканіе Бога и жажда святой жизни не уга-

сають, но старый путь началъ казаться темнымъ и узкимъ. Ощупью, съ мучительными усилями вѣками затемненнаго ума передовые религіозные люди въ низахъ народа пробуютъ выработать новыя формы служенія Богу, отодвигая обрядъ на второй планъ или совсѣмъ устрняя его. Возникаютъ новыя секты, ищущія во мракѣ потерянный свѣтъ христіанства. И многіе изъ поколебленныхъ старообрядцевъ подходятъ все ближе къ сектанству, пытливо вглядываясь въ новыхъ искателей божеской жизни. Стѣны старой церкви раздвигаются, все больше изъ нея выходитъ смущенныхъ растерянныхъ людей, а кругомъ мракъ, черныя тучи невѣжества, тина грязной жизни, и только вдали что-то мерцаетъ свѣтлое, чистое, влекущее..

Цѣна 35 коп.

68

И. ЖИЛКИНЪ.

Старообрядцы
на Волгѣ

Издание В. К. Самсонова.

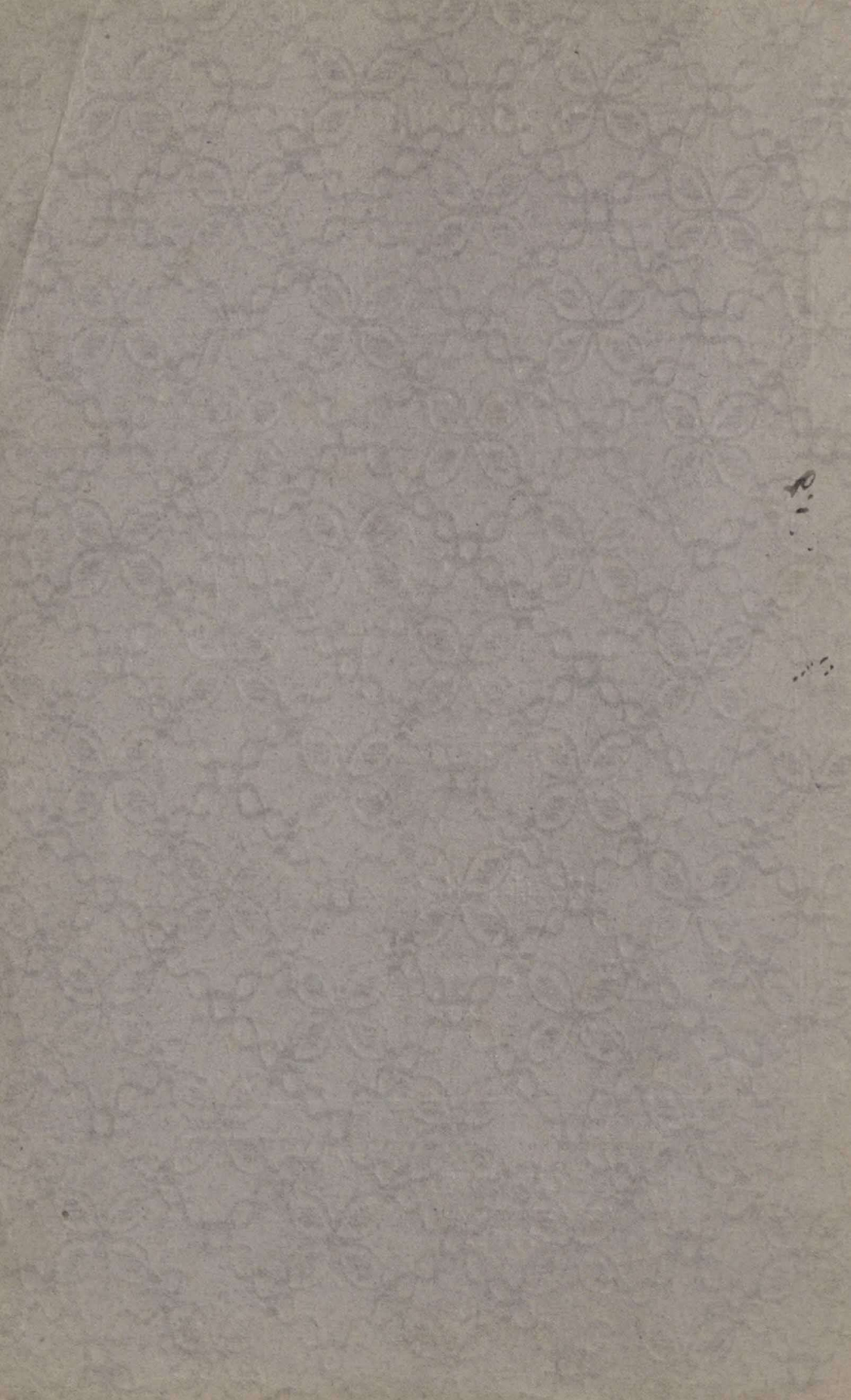
САРАТОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ «САРАТОВСКАГО ДНЕВНИКА».

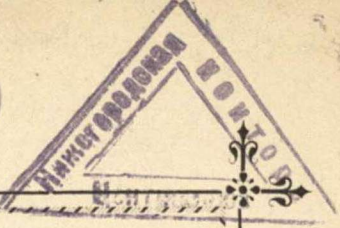
1905.

68358

58

281.9 + 9 (47)

И. ЖИЛКИНЪ,

683589

Старообрядцы на Волгѣ.

Изданіе В. К. Самсонова.

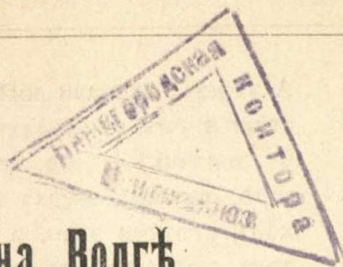
САРАТОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ «САРАТОВСКАГО ДНЕВНИКА».

1905 г.

07

Дозволено цензурою. Саратовъ, 22 марта 1905 г.

Старообрядцы на Волгѣ.

I.

Въ пяти верстахъ отъ Хвалынска есть интересный уголокъ. Здѣсь столпились каменистые холмы и горы, но какъ будто чудодѣйственный жезлъ Моисея ударилъ по каменнымъ ребрамъ горъ, и вездѣ забились, заструились сотни родниковъ, ручейковъ. Эта поистинѣ живая вода опоясала весь Хвалынскъ знаменитыми по всей Волгѣ фруктовыми садами (особенно раньше: «милліонъ пудовъ одного яблока вывозили», —со вздохомъ говорили мнѣ хвалынцы). Тутъ-же, по склонамъ горъ разбѣгаются густыя рощи молодого лѣса. А въ самой глуши, среди воды, лѣса, садовъ и горъ, прячется Черемшань. Черемшань—это послѣдній, грустный, замирающій вздохъ «древняго благочестія»... Это—старообрядческій монастырь, послѣдній заброшенный сюда осколокъ иргизскихъ скитовъ, широкая, хотя и давно погашенная, духовная жизнь которыхъ жива до сихъ поръ въ памяти средняго Поволжья. Странно и грустно видѣть въ этомъ живописномъ, брызжущемъ жизнью мѣстѣ такое застарѣлое, сугубое отрицаніе жизни. Потому что, если вообще монастырскій обиходъ удаляетъ отъ міра, то старообрядческій монастырь дѣлаетъ это суровѣе, непреклоннѣе, аскетичнѣе. Пришлось мнѣ здѣсь увидѣть даже и современнаго старообрядческаго подвижника. И, что еще страннѣе, я зналъ этого подвижника лѣтъ десять назадъ простымъ, строгимъ старикомъ, ходившимъ въ Вольскѣ въ большомъ картузѣ, изъ-подъ котораго выбивались густые, сѣдые кудри.

А теперъ, сказали мнѣ, ужъ лѣтъ восемь какъ по-стригся онъ въ монахи и живетъ отдѣльно, въ горѣ, въ землянкѣ... Подошли мы со спутникомъ къ этой горѣ, которая вверху и внизу обливалась, словно плакала, струями воды, а потомъ темнымъ, узкимъ ходомъ спустились въ затхлую, мрачную каморку. Жалкій, маленькій, сгорбившійся старичекъ всталъ и глядѣлъ на насъ. Угасшее, землисто-восковое лицо, припухшіе покраснѣвшіе глаза, скуфейка съ крестами на головѣ, а изъ подъ скуфейки желтоватія, прилипшія косички волосъ... Жалость ударила по сердцу при видѣ этого похоронившаго себя человѣка. А за стѣнами глухо шуршала вода, сыростью дышали темные углы. На столѣ лежала большая старопечатная книга, передъ почернѣвшими образами тускло теплилась лампадка. И мнѣ сразу ярко вспомнилось то жуткое, давящее чувство, съ которымъ я ходилъ по безконечнымъ, извилистымъ кievскимъ пещерамъ, отъ гробницы къ гробницѣ, въ которыхъ лежали останки подгижниковъ, выказавшихъ изумительную силу духа и гигантскую настойчивость... Удалиться отъ жизни, шагъ за шагомъ прокопать на десятки сажень каменную гору и въ темныхъ нѣдрахъ горы похоронить себя для молитвенныхъ подвиговъ и ожиданія будущей жизни. Но, вѣдь, то было почти тысячу лѣтъ назадъ! И вотъ, словно исторія остановила тутъ свой маятникъ. Въ сырой горѣ, почти безвыходно, какъ мнѣ рассказали, живетъ старикъ, питаясь хлѣбомъ, все читая старопечатную книгу и кладя псклоны по лѣстовкѣ. Тяжело и грустно было глядѣть на его погасшее, мертвенно-равнодушное лицо. Разговора у насъ не вышло. Меня онъ не припомнилъ, но съ напряженіемъ вспомнилъ мою фамилію и спросилъ о моемъ отцѣ, медленно, безучастно. «Зачѣмъ это?»— хотѣлось спросить, глядя на его замученное голодомъ, старчествомъ, темнотой и сыростью тѣло. И

мой спутникъ, молодой, крѣпкій, жизнерадостный старообрядческій уставщикъ, смотрѣлъ на старика съ любопытствомъ, но безъ почтительнаго сочувствія.

Страхъ настоящей жизни и страхъ предъ будущей загробной жизнью такъ понятенъ въ обстановкѣ за тысячу лѣтъ назадъ, но какая бездонная, непроницаемая психологическая глубина—видѣть это теперь, при блескѣ и грохотѣ нашей жизни...

Мы съ уставщикомъ переходили черезъ гору, сквозь чащу деревьевъ, отъ женскаго монастыря къ мужскому.

— Вотъ здѣсь,—сказалъ уставщикъ, останавливаясь на вершинѣ холма, среди маленькой полянки,— вотъ здѣсь мы разъ съ нашимъ батюшкой цѣлу ночь продрожали.

— Зачѣмъ?

— Вышло этакъ. Вечеромъ прискакалъ, сломя голову, верхомъ парень изъ Хвалынска съ ямскаго двора. У насъ тогда, по одной причинѣ, моленна не въ городѣ была, а вотъ тутъ, подъ горой. Прискакалъ: «скорѣе,—говорить,—прячьте батюшку! Исправникъ потребовалъ лошадей; навѣрно, сюда ловить прїѣдетъ». То-есть, значитъ, насчетъ бѣглаго священника. Ну... куда ночью дѣваться? Выбѣжали, я да батюшка, на это мѣсто вотъ, да и стояли до утра. Въ сентябрѣ было дѣло, дождичкомъ поливало, а мы изъ подъ дерева всю ночь въ ту вонъ сторону на дорогу глядѣли.

— Ну, что-же, прїѣхалъ?

— Исправникъ-то? И не думалъ! Въ Елшанку утопленника что-ли глядѣть ѣздилъ.

А они глядѣли и дрожали... Такимъ-же глядящимъ впередъ и дрожащимъ представилось мнѣ и все старообрядчество. Легче теперь, мягче стало, и можно бы не пугаться такъ; но эта дрожь—дрожь стараго, жестокаго, многовѣковаго испуга. Исключительная до-

ля выпала старообрядчеству—дрожать изъ поколѣнія въ поколѣніе за свою вѣру и спокойствіе. А страхъ не способствуетъ любви и довѣрію къ жизни. Страхъ разгонялъ ихъ когда-то по лѣсамъ болотамъ, дикимъ горамъ, далекимъ окраинамъ. Теперь нѣтъ прежнихъ гоненій, но сердце все еще дрожитъ, глаза смотрятъ съ пугливымъ недоувѣріемъ, и все хоронятся люди по темнымъ угламъ, забываясь отъ всякаго окрика все глубже и дальше. И хочется вѣрить, что не придется имъ вновь бѣжать поспѣшно въ темные углы и дичать отброшенными отъ людей, раздробляя религиозное чувство на сотни узкихъ, нетерпимыхъ сектъ. Тяжелыя послѣдствія многолѣтняго испуга могутъ исчезнуть лишь при долговременной терпимости и мягкости.

II.

Первый ударъ при Никонѣ расколлъ русскую церковь на двѣ части. Поспѣшнымъ примиреніемъ, мягкостью, взаимнымъ снисхожденіемъ, можетъ быть, возможно было спаять надколъ; но по краямъ зіявшей, какъ пропасть, трещины встали двѣ желѣзныхъ, непреклонныхъ личности—Никонъ и протопопъ Аввакумъ, а за ними толпились съ воспаленными фанатизмомъ глазами другія кремневая фигуры, и щель все расплзлась шире и шире...

Но все-же тутъ было только два враждебныхъ лагеря, и останься дѣло въ такомъ положеніи, можетъ быть, у насъ было-бы до сихъ поръ только двѣ церкви—старая и новая. Но на непокорную, отпавшую половину посыпался градъ ударовъ. Кремневое упорство, гранитный фанатизмъ надумали смягчить напоромъ, силой, ударами. Съ самаго начала былъ избранъ ложный путь страха и злобы. И получился уже не расколъ, а раздробленіе. Какъ у сказочнаго богатыря, который срубитъ противнику голову—вырастаютъ двѣ, срубитъ двѣ—вырастаютъ четыре, такъ

и старообрядчество, вначалѣ цѣльное, отъ каждаго удара колосось, дробилось, разбѣгалось во всѣ стороны, и скоро вся страна была усыпана этими многочисленными осколками вѣры—сектами, толками, кривотолками. Система страха была истинной матерью всего нашего раскола или раздробленія церкви, и другого результата она не могла имѣть.

Широкая, далекая Волга послужила для старообрядцевъ съ самаго начала надежнымъ пріютомъ. Привольный край, богатый лѣсами, звѣрьемъ, рыбой, водой и, главное, далекій отъ власти, привлекалъ не однихъ старообрядцевъ. Всѣ, кто страдалъ отъ поборовъ, гоненій, давленій или, попросту, отъ зачмодавцевъ, которые грозили правежемъ и вѣковымъ холопствомъ, бѣжали во влажныя объятія Волги. Даже пословица на Руси тогда сложилась: «Нечѣмъ платить долгу, такъ пойду на Волгу»

Старообрядцы тысячами усѣяли берега Волги. Но это было пугливое, раздробленное стадо. Общей церкви не существовало, и старообрядцы, прижимая къ груди старопечатныя книги и прячась по лѣсамъ отъ начальства, подозрительно глядѣли уже и другъ на друга. Страхъ начиналъ дробить ихъ на секты. Темнота сгущалась надъ ихъ головами, помрачала разумъ и кривила, уродовала религіозное чувство..

Но, вотъ, «засіяло ведро благочестія». При Екатеринѣ II является манифестъ 7 декабря 1762 года. Призываются бѣжавшіе за границу старообрядцы и отводятся имъ въ Саратовскомъ краѣ, за Волгой, по рѣкѣ Иргизу, болѣе 70,000 десятинъ хорошей, богатой земли для свободнаго проживанія.

Бѣглецы изъ-за границы, воспрянувъ духомъ, толпами возвращались на родину. Но не въ этомъ была главная благодать для старообрядчества. Словно вспрыснутая живой водой, возстановлялась разсыпавшаяся на куски старая церковь. О сліяніи съ право-

славемъ пока еще нельзя было и думать, но лучъ свободы согрѣлъ, оживилъ и повлекъ къ единенію разбросанныхъ повсюду старообрядцевъ. На Иргизѣ быстро, одинъ за другимъ, стали возникать скиты (наиболѣе извѣстные: Аврааміеъ, Пахоміеъ, Исаакіеъ, Маргаритинъ и Анфисинъ). «Благочестіе процвѣтало купно съ благолѣпіемъ». Явились здѣсь у старообрядцевъ вновь свои храмы, священники, іеромонахи и прочій чинъ церковный. И неудивительно, что со всѣхъ сторонъ потянулись сюда какъ въ землю обѣтованную, тысячи старообрядцевъ. Жажда религіозная утолялась уже не изъ мелкихъ, мутныхъ и случайныхъ ручейковъ, а изъ общаго широкаго потока. Крестьяне-старообрядцы селились по близости монастырей на Иргизѣ, а горожане—въ Саратовѣ, Вольскѣ и Хвалынскѣ.

«Старая вѣра» разливалась широкой, свободной волной. Главари старообрядчества занялись горячей проповѣдью и пропагандой. Всѣ села и деревни средняго Поволжья въ короткое время были захвачены во власть настойчивыхъ и убѣжденныхъ въ своей правотѣ проповѣдниковъ старой вѣры. И даже—странное дѣло—не только русскія села, но и чувашскія и мордовскія, которыя еще не разстались съ идолопоклонствомъ и съ большимъ трудомъ переводились въ православіе, даже и эти инородческія села почти поголовно переходили въ старообрядчество. Было еще разъ на дѣлѣ доказано, что въ вопросахъ религіи и вѣры самый прямой путь—горячее слово убѣжденія. Даже узкій фанатизмъ ближе къ сердцу, чѣмъ суровая репрессія.

Но этотъ широкій размахъ старообрядчества принесъ для него много новаго горя и страха. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія вновь туча поднялась надъ иргизскимъ и поволжскимъ старообрядчествомъ. Широкая пропаганда старой вѣры встрево-

жила и свѣтское, и духовное начальство. Пензенскій архіерей Ириной призналъ иргизскіе скиты «гнѣздилищами разврата раскольническаго», а саратовскій губернаторъ князь Голицынъ представилъ въ 1828 году въ министерство докладъ, въ которомъ указывалось, что «иргизскіе монастыри суть убѣжища праздности и разврата и разсадники раскола, а потому необходимо уничтожить ихъ» *)

Такимъ образомъ для религіозной борьбы вновь вернулись къ системѣ страха, и результаты получились прежніе: отъ крутыхъ мѣръ старообрядцы разбѣгались изъ скитовъ въ разныя стороны. Власти желали перевести скиты въ единовѣріе. Наболѣе непослушныхъ монаховъ выселяли, малодушные или хитроумные сами бѣжали, съ остальными-же упрямями много было хлопотъ.

Вотъ, напримѣръ, картина «взятія взбунтовавшагося Никольскаго монастыря». Это было въ 1837 году, при саратовскомъ губернаторѣ Степановѣ. Бунтъ состоялъ въ томъ, что старообрядцы не хотѣли переходить въ единовѣріе и не желали выходить изъ монастыря, а легли посреди двора и сцѣпились руками, чтобы ихъ не могли по одиночкѣ вытаскать. «Степановъ скомандовалъ: «пли!» Началась стрѣльба холостыми зарядами. Въ то-же время начали качать воду на бунтовщиковъ. Понятые и солдаты бросились на смутившихся и растерявшихся старообрядцевъ и начали ихъ вязать и вытаскивать изъ монастыря. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ шла работа, пока всѣ 1049 человекъ были удалены за ограду».

Въ томъ же году былъ упраздненъ и послѣдній Верхне-Преображенскій монастырь. Официально мо-

*) Эти историческія свѣдѣнія о старообрядчествѣ взяты изъ книги Н. С. Соколова „Расколъ въ Саратовскомъ краѣ.“

настыри сдѣлались единовѣрческими. Но въ нихъ оказалось всего по нѣсколько человѣкъ. Сами официальные документы признаютъ, что старообрядчество не было приближено къ православію. Г. Соколовъ въ своей книгѣ говоритъ: «Мечемъ свѣтской власти напрасно хотѣли разрубить узелъ, завязавшійся на почвѣ духовно-религіознаго свойства; религіи мира и любви напрасно навязали столь чуждый ей характеръ гонительства. Кромѣ зла, ничего не могло выйдти изъ этой системы, и если, въ порывахъ ревности и увлеченія, дѣятели того времени не въ состояніи были понять этого, то исторія спокойно и холодно оцѣнивающая дѣла давно минувшихъ дней, должна отмѣтить фактъ такого прискорбнаго ослѣпленія, какъ судъ прошедшему и какъ урокъ для будущаго».

Но уроки живой жизни и мудрой исторіи входятъ въ сознаніе общества не скоро. Только въ послѣдніе годы система страха для старообрядчества ослабла въ своихъ основаніяхъ, и предъ глазами старообрядцевъ блеснулъ на горизонтѣ краешекъ голубого неба.

III.

Черная туча съ каменнымъ дождемъ суровыхъ наказаній и преслѣдованій, разгромившая начисто иргизскіе скиты, съ той-же безпощадностью обрушилась и на старообрядческій центръ Поволжья - городъ Вольскъ.

Необходимо отмѣтить важную черту. Подъ градомъ ударовъ со стороны ближайшаго начальства старообрядцы никогда,—ни прежде, ни теперь,—не считали инициаторомъ своего преслѣдованія высшее правительство. И въ этомъ они были значительно правы. Не говоря уже о царствованіи Екатерины II и Александра I, старообрядцы и при Императорѣ Николаѣ I долгое время не чувствовали стѣсненій

отъ петербургской власти. Главная суть въ то время, очевидно, была въ ближайшемъ начальствѣ, которое, воспалась близорукимъ рвеніемъ, счумѣло убѣдить и высшее правительство въ крайней необходимости суровыхъ мѣръ для искорененія раскола. Все дѣло было въ мѣстныхъ губернаторахъ и архіереяхъ. Въ 1831—35 году былъ, на примѣръ, саратовскимъ губернаторомъ Переверзевъ. Про него говорили, что онъ разрѣшилъ подавать ему прошенія «о зачисленіи въ какую угодно секту». Но свобода имѣетъ свои животворные законы: какъ разъ при ней-то старообрядцы и не чувствовали стремленія распаться на секты. Ихъ влекло къ единенію, къ плотно сомкнутой организаціи. Ихъ мечта была имѣть свои храмы съ крестами и колоколами и своихъ священниковъ. И пока они безпрепятственно воздвигали храмы и безпрепятственно брали себѣ священниковъ изъ православія, ядро старообрядчества становилось все цѣльнѣе и плотнѣе. Но пугаться этого ревнителямъ православія совсѣмъ не должно было. Въ это, именно, время старообрядчество стало нечувствительно и безсознательно приближаться къ православію. Священниковъ приходилось брать изъ православія и, хотя они шли изъ корысти и хотя ихъ «исправляли», все же они вносили въ старообрядчество значительную дозу духа господствующей церкви, и чѣмъ больше ихъ переходило, тѣмъ больше невидимыхъ, но цѣпкихъ нитей набрасывалось на старообрядчество. Пойди исторія и дальше такимъ мирнымъ ходомъ, православіе безъ всякой борьбы увидѣло бы крупные для себя результаты. И еще знаменательное явленіе: въ самый расцвѣтъ иргизскаго и вольскаго старообрядчества, въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, когда торжественно гремѣли колокола на старообрядческихъ храмахъ и когда священники изъ православія съ полной свободой шли «на исправленіе» и службу къ богатѣвшему

и расцвѣтавшему старообрядчеству, въ средѣ старообрядцевъ сама собой зародилась мысль объ единовѣрїи. За полтора ста лѣтъ повальной вражды и ожесточеннаго фанатизма это была первая свѣтлая мысль о примиренїи, первая попытка взглянуть трезвыми глазами на обрядность, изъ-за малѣйшаго искаженія которой тысячи людей губили другъ друга. Во главѣ этого свѣжаго движенія встали главари старообрядчества: иргизскій наставникъ инокъ Сергій, вольскій миллионеръ Злобинъ, гремѣвшій не только по всей Волгѣ, но извѣстный въ Петербургѣ и чуть-ли не во всей Россїи, вольскіе купцы—Волковойновъ, Сапожниковъ, Епифановъ и другіе. Рука примиренія уже тянулась отъ старообрядчества къ протянутой рукѣ православія. Конечно, огромное большинство старообрядцевъ грозно заволновалось и стѣной встало на защиту «истиннаго православія». Но въ маленькой кучкѣ реформаторовъ были вожди, сильные духомъ, деньгами и положеніемъ. При мирнсмъ, естественномъ ходѣ вещей единовѣрїю предстояла блестящая будущность. Случилось-же иное. Протянутая къ старообрядчеству рука вскорѣ стала дрожать отъ нетерпѣнія и раздраженія. Полуторавѣкою испугъ, вражда и недоувѣріе темной массы не были поняты и прощены. Нетерпѣливо захотѣлось поскорѣе разбить закоренѣлое упорство, и для дѣла примиренія властная рука вооружилась плетью, прикладами, пожарными насосами. Въ результатѣ побѣды—опустѣвшіе монастыри и опустошенныя церкви. Они достались единовѣрїю. Но «церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ»,—говорятъ старообрядцы. Люди разбѣжались, старообрядчество осталось такимъ-же въ числѣ, и побѣды, въ сущности никакой не было.

Въ 1826 году въ Вольскѣ былъ деревянный старообрядческій храмъ, съ крестами и колоколами, (Львовская часовня), и въ томъ-же году былъ достро-

енъ разрѣшенный старообрядцамъ высшей властью каменный обширный храмъ. Онъ стоилъ около 100 тыс. рублей и былъ для скромнаго Вольска грандіознымъ сооружеіемъ. Но сердца старообрядцевъ ликовали преждевременно. Съ этого года померкло свѣтлое небо надъ ними. Святить новую церковь не дозволили. Губернаторъ Голицынъ рѣшилъ взяться желѣзной рукой за старообрядцевъ. Въ 1826 г. онъ велѣлъ снять кресты со стараго храма въ Вольскѣ. Львовская часовня была обезглавлена, и это былъ первый тяжкій ударъ для вольскихъ старообрядцевъ. Въ то-же время губернаторъ хлопоталъ въ Петербургѣ, добиваясь разрѣшенія принять рѣшительныя мѣры. Ему дѣятельно помогалъ пензенскій преосвященный Ириней. Въ 1830 году было рѣшено допустить богослуженіе въ новомъ храмѣ, но снять съ него кресты и колокола. Кресты и колокола сняли при громадной толпѣ рыдавшихъ старообрядцевъ. «Это была,—говоритъ Соколовъ въ своей книгѣ,—одна изъ побѣдъ православія, которая, по своимъ послѣдствіямъ, стоила ему дороже пораженія». Не сіялъ больше крестъ надъ старообрядчествомъ, и не гудѣли призывно колокола. Онѣмѣла запуганная старая церковь и находится въ этой нѣмотѣ до сихъ поръ.

Когда я былъ въ Хвалынскомъ старообрядческомъ монастырѣ Черемшанѣ, настоятель его, Феодосій, встрѣтилъ меня сурово, непривѣтливо. Съ неподвижнымъ лицомъ, исподлобья оглядывалъ онъ меня подозрительными глазами и молчалъ. Смущенно молчалъ и я, не зная, какъ пробить естественный ледъ недоуѣрія. Передъ часовней я увидѣлъ висѣвшую на веревкѣ чугунную доску.

— Это для чего?—спросилъ я.

Настоятель молча взялъ висѣвшую тутъ-же деревянную колотушку и съ силой ударилъ по доскѣ. Въ воздухъ понесся глухой, дребезжащій звонъ.

— Словно колоколь!—похвалилъ я.

И совсѣмъ неожиданно для меня неподвижное лицо настоятеля потеплѣло и размягчилось.

— Въ городѣ, за четыре версты слыхать!—сказалъ онъ съ дѣтской хвастливостью и довѣрчиво улыбаясь мнѣ,—и то лѣтось исправникъ говорить: «это что у васъ, въ колоколь звоните?»—«Какой, говорю, колоколь, ваше благородіе! въ било бьемъ!»—«То-то, смотрите, говорить, у меня»...

И настоятель съ колотушкой въ рукѣ нѣжно глядѣлъ на чугунную доску. Съ новымъ чувствомъ посмотрѣлъ на нее и я.

Да, словно глухо-нѣмой, издаетъ она глухіе и дикіе звуки, но все-же они похожи на колокольный звонъ, все-же церковь не молчитъ, а зоветъ къ себѣ громкимъ голосомъ и къ обѣднѣ, и къ вечернѣ, и къ утренѣ... Остальное старообрядчество лишено и этого. Въ православныхъ храмахъ гремитъ торжественный благовѣстъ, въ нѣмецкихъ церквахъ гудитъ колоколь, даже въ татарскихъ мечетяхъ раздается съ верхушки минарета призывной голосъ муэдзина. Одни старообрядцы при мертвомъ молчаніи бредутъ въ свои молчаливыя «моленные». Нужно быть старообрядцемъ, чтобы почувствовать, какая печаль для сердца въ этой безсильной нѣмотѣ церкви...

Все это понялъ я, когда настоятель Θεодосій за одно сравненіе чугунной доски съ колоколомъ простилъ мнѣ мое бритое, еретическое лицо, показалъ свой храмъ и рассказалъ, что могъ.

Естественно, что снятіе крестоу и колоколу не содѣйствовало успѣху единовѣрія. Между тѣмъ, начальство упорно шло по этому пути.

Съ 1835 года саратовскимъ губернаторомъ былъ Степановъ. Для пользы церкви онъ дѣйствовалъ круто и прямолинейно.

«Ваше Величество, — докладывалъ онъ свой

взглядъ на старообрядцевъ Императсру Николаю I, — я приведу ихъ къ одному знаменателю». И, вѣроятно, старообрядчеству было-бы еще горше, если-бы излишне рьяному ревнителю православія не было разъяснено императоромъ: *«Безъ строгихъ мѣръ; надо дѣйствовать осторожно и не раздражая»*. Можетъ быть Степановъ искренно полагалъ, что онъ дѣйствуетъ не строго, осторожно и не раздражая, когда съ казаками и солдатами, нагайками и насосами изгонялъ старообрядцевъ изъ монастырей...

Съ 1841 года губернаторомъ былъ Фаддеевъ. Онъ докончилъ разгромъ старособрядчества. Да ужъ и доканчивать почти нечего было: у всѣхъ поволжскихъ старообрядцевъ оставался въ Вольскѣ единственный священникъ Прохоръ Любимовъ. Въ 1844 году Львовская часовня была заперта и опечатана, а Прохоръ арестованъ. Ему настойчиво предложили перейти въ единовѣріе. Онъ далъ въ этомъ подписку, но въ то-же время попросилъ отпустить его заштатъ и снять съ него санъ. Старообрядцы остались безъ священства, но въ единовѣріе не шли. Въ 1845 году вольскій каменный храмъ переданъ въ единовѣріе. Съ нимъ перешло 30 человѣкъ, къ которымъ потомъ прибавилось еще нѣсколько старообрядцевъ. А заколоченная и запечатанная Львовская часовня все еще имѣла вокругъ себя около 10 тысячъ старособрядцевъ.

И вотъ съ тѣхъ поръ прошло шестьдесятъ лѣтъ. Львовская часовня все еще стоитъ пустая и заколоченная. Почернѣвшая, обветшавшая, обезглавленная, съ продавленными зияющими окнами стоитъ она предъ смѣняющимися поколѣніями молчаливымъ укоромъ. А въ каменномъ храмѣ молятся единовѣрцы. Подъ большіе праздники, Пасху, Рождество, когда пятисотпудовый колоколъ единовѣрческой церкви сотрясаетъ ночную тьму мощными ударами, тысячи старообрядцевъ во всѣхъ концахъ города поднимаются и идутъ...

въ свои молчаливыя «моленные». Въ низкихъ, тѣсныхъ помѣщеніяхъ тысячная толпа задыхается въ давкѣ и духотѣ, а подѣ высокими сводами единовѣрческой церкви гулко раздаются шаги немногихъ прихожанъ.

Единовѣрцевъ считается въ городѣ нѣсколько сотъ; старообрядцевъ также, какъ и прежде, не мене десяти тысячъ. Мнѣ самому приходилось видѣть стариковъ старообрядцевъ, которые указывая на единовѣрческой храмъ, говорили: «наша церковь»,—но молиться шли въ моленную.

Съ опытомъ единовѣрія еще разъ было доказано, что система страха производитъ глубокое и на многіе годы впечатлѣніе, да только въ совершенно другомъ направленіи.

IV.

Старая церковь была сломана, расколота и раздроблена. Настало тяжелое, смутное время. Какъ овцы, внезапно распугнутыя въ глухую ночь среди рытвинъ и овраговъ незнакомаго поля, старообрядцы бѣжали въ разныя стороны, прятались по угламъ и съ испуга не признавали одинъ другого. Съ этого времени пошло быстрое дробленіе старой вѣры на поповцевъ, безпоповцевъ, австрійцевъ, бѣглопоповцевъ, поморцевъ, едосеевцевъ, средниковъ, перекрещенцевъ и десятки другихъ толковъ. Потомъ, когда вновь повѣяло свѣжимъ вѣтромъ свободной жизни, изъ разбитыхъ кусковъ старой церкви создались двѣ крупныя церковныя организациі—австрійская и бѣглопоповская. Но множество мелкихъ осколковъ вѣры упали на самое дно жизни и здѣсь въ темнотѣ, безъ воздуха и свѣта, выпустили уродливыя и жалостныя ростки.

Мнѣ въ Вольскѣ пришлось долгое время жить въ такомъ кварталѣ, который, по странной случай-

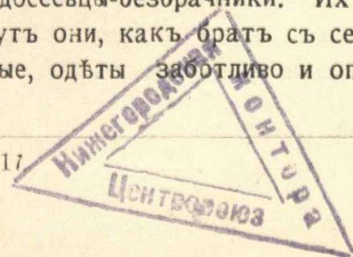
ности, весь состоялъ изъ представителей различныхъ сектъ. Нужно замѣтить, что дѣленіе на секты и толки дѣлается только потому, что всегда человѣку хочется дать каждой вещи названіе. И названіе сектамъ, по большей части, даютъ посторонніе наблюдатели, а сами старообрядцы-одиначки затрудняются опредѣлить свое вѣроисповѣданіе. «Такъ, дома молимся... Нѣтъ нынче нигдѣ истинной церкви». Сброшенные на низъ жизни, они ошупью, съ мучительнымъ напряженіемъ затемненнаго мозга ищутъ святой жизни, истинной церкви и, не видя ея вокругъ себя, молятся въ своихъ кельяхъ въ одиночку или маленькими кучками. Многіе притомъ не только молятся, но и всю свою жизнь ломаютъ и перестраиваютъ по выработанному вѣроученію.

Съ того двора, гдѣ я жилъ, каждую субботу, лишь только въ единовѣрческой церкви раздастся первый ударъ тяжелаго колокола, выходилъ строгій, высокій старикъ, въ длинномъ, широкомъ халатѣ стариннаго покроя, съ волосами, остриженными «въ кружалю», смазанными деревяннымъ масломъ и причесанными прямымъ проборомъ. И картузь на немъ сидитъ строго и прямо, и походка его сосредоточенно-строгая. За нимъ вскорѣ выходитъ жена его, въ платкѣ, низко надвинутомъ на глаза, и лицо ея, по чистотѣ и строгости выраженія, близко напоминаетъ темные лики старыхъ иконъ, которымъ она неустанно молится. Они идугъ ко вѣнощной въ бѣглоповскую «новиковскую моленную».

Они принадлежатъ къ большой, многотысячной старой церкви, и жизнь ихъ, при всей религіозной суровости, носитъ печать спокойной, удовлетворенной и увѣренной въ себѣ старой культуры.

Рядомъ живутъ едосеевцы-безбрачники. Ихъ двое: мужъ и жена. Живутъ они, какъ братъ съ сестрой. Оба тихіе, скромные, одѣты заботливо и оп-

685889

ратно, и въ комнатахъ у нихъ необыкновенно чисто и опрятно. Но почему-то отъ всего и отъ нихъ самихъ ибѣтъ неуловимой печалью, какъ будто здѣсь завяла и погасла жизнь, и впереди для нихъ не чувствуется ничего, кромѣ темной пустоты... Наканунѣ праздниковъ у нихъ дома свѣтятся лампадки, слышенъ голосъ хозяина, нараспѣвъ, съ характерными, тоскливыми повышеніями и пониженіями, читающаго по старой книгѣ вечернюю службу, и видны частые земные и поясные поклоны предъ иконами... Въ праздникъ хозяинъ, въ опрятномъ картузѣ и кафтанѣ, ходитъ, постукивая палочкой, по своему вычищенному двору; и все почему-то сердце щемитъ, когда видишь его печальные глаза и блѣдное лицо.

По другую сторону живутъ двѣ старыя дѣвицы. У нихъ «своя» вѣра. Наканунѣ праздниковъ, къ нимъ приходитъ нѣсколько старухъ и женщинъ, и онѣ поютъ и читаютъ «вечерню». Утромъ въ праздники онѣ служатъ «часы», и протяжное ихъ пѣніе, унылое и слегка гнусавое, раздается по всему кварталу. Кромѣ того, онѣ—«мастерицы», т. е. обучаютъ дѣтей азбуку и «псалтирю». По буднямъ на ихъ «галдарейкѣ» звенять и надрываются съ утра до вечера дѣтскіе голоса, складывающіе: «буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва, глаголь-азъ—га»... А проходящіе старшіи курсъ съ плачущимъ напряженіемъ, по слогамъ, выкрикиваютъ: «блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ несчастивыхъ и на пути грѣшниковъ не стоя».. Слышится по временамъ грозный крикъ мастерицы, щелканье ременной «двухвостки» и захлебывающійся плачь воспитанника.

Въ слѣдующемъ домѣ—старикъ и старушка неизвѣстнаго толка; молятся дома. Старикъ долго, съ большимъ усердіемъ выстукивалъ топоромъ, занимаясь плотничествомъ, а потомъ внезапно бросилъ свою старуху и скрылся. Послѣ уже открылось, что гдѣ-то

на Уралѣ онъ постригся въ монахи и живетъ отшельникомъ.

Рядомъ съ ними обитаетъ старуха съ сыномъ. Ее причисляютъ къ сектѣ перекрещенцевъ, но никому ничего о внутренней ея жизни неизвѣстно. Она занимается тѣмъ, что «припускаетъ пиявки». Кто-бы чѣмъ ни былъ боленъ: чахотка, катарръ желудка, кашель, ломота,—она всѣмъ совѣтуетъ «припустить пиявокъ», чтобы выбросить «дурную кровь». Пациентовъ у нея всегда очень много. Дома она всегда накрѣпко запирается и закрывается ставнями. Всегда низко кланяется, говоритъ убитымъ, елейнымъ тономъ. Ея сынъ, забитый и несуразный мальчонка, котораго уличные товарищи называютъ «шалапутнымъ», выбѣгаетъ на улицу съ зеленой лампадкой въ карманѣ, чтобы не «обмірщиться». Этой лампадкой приказано ему, когда захочетъ, пить воду изъ бассейна, но отнюдь не притрогиваться къ «мірскимъ» «опоганенымъ» чашкамъ.

Впрочемъ, въ скоромъ времени товарищи торжественно разбили вдребезги его зеленую лампадку и тѣмъ пріобщили его къ міру: сначала съ ужасомъ, а потомъ съ восторгомъ онъ научился пить и ѣсть изъ «мірской» посуды.

Не «мірщиться»—это тяжелый и грустный результатъ изуродованной и загнанной религіозной мысли. Къ нему невѣдомыми путями приходятъ всѣ эти одиночки-отщепенцы и представители малочисленныхъ сектъ. Если міръ загналъ и отбросилъ ихъ, то и они отбрасываютъ его, и отбрасываютъ совершенно искренно за его «еретичество» и «опоганенность». Такой сектантъ никому не дастъ пить и ѣсть изъ своей чашки и самъ нигдѣ не притронется къ чужой посудѣ. Случается даже такъ, что въ одномъ домѣ мужъ съ женой, отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью ѣдятъ изъ разныхъ чашекъ, боясь опоганиться. И

когда видишь это вблизи, на живыхъ людяхъ, гнетущая мысль не выходитъ изъ головы: какъ же нужно было ухать, травить и угнетать людей въ теченіе многихъ поколѣній, чтобы такъ перекривить ихъ сознание, изуродовать религиозное чувство и язычника-славянина, съ широкой, открытой, гостеприимной душой, превратить при посредствѣ христіанской религіи, проповѣдывающей широчайшую, всечеловѣческую любовь, въ одичавшаго фанатика-человѣконенавистника?

Если-же спуститься еще ниже, въ глубину жизни, почти недоступную для наблюденія, то плоды религиозной мысли, при взаимномъ воздѣйствіи давленія и невѣжества, являются поистинѣ потрясающими.

Тамъ назрѣваютъ и подготавливаются событія, въ родѣ тираспольскаго, когда люди зарываютъ себя живыми въ землю, сжигаютъ въ огнѣ, умерщвляютъ голодомъ... Невольно приходитъ въ голову такое сравненіе: на снимкахъ изображаютъ жизнь на днѣ моря; подъ колоссальной тяжестью мутно-зеленой толщи, въ вѣчномъ сумракѣ плаваютъ осклизлыя, безконечно тягучія водоросли, безформенныя губчатыя массы, а изъ-за нихъ медленно выползаетъ безобразное чудище, съ круглыми, неподвижными глазами, съ клейкими щупальцами... Жутко и отвратительно смотрѣть на этотъ безформенно-осклизлый міръ и хочется поскорѣе обратить взглядъ на наружную свѣтлую жизнь, зеленую, веселую, съ тонкими, изящно-законченными формами растительнаго и животнаго міра. Страшно сказать, но почти такая-же оторопь и жуть охватываетъ, когда на самомъ низу жизни встрѣчаешься лицомъ къ лицу съ фанатикомъ—одиначкой и сектантомъ. Ничего не можешь понять и увидѣть въ его помрачнѣвшей душѣ, но чувствуешь, что мысли его ползутъ и свиваются, словно странныя, безконечныя, безформенныя водо-

росли, а свѣтлое религіозное чувство изломалось, изуродовалось и превратилось въ чудище, которое цѣпкими щупальцами полубезумныхъ суевѣрій обзиралось вокругъ разума сектанта и тянетъ его все глубже въ омутъ жизни, дальше отъ солнца, отъ людей...

Какъ-то я былъ въ книжной лавкѣ въ Вольскѣ. Въ магазинъ вошелъ, нерѣшительно озираясь, молодой мужикъ съ блѣдными, подтянутыми щеками и странно мерцающими глазами. Онъ всталъ и молчалъ, тревожно и пытливо бѣгая глазами по нашимъ лицамъ, по книжнымъ полкамъ.

— Ну, что вамъ угодно?—спросилъ приказчикъ.

Мужикъ шагнулъ къ нему ближе и вытянулъ худую шею.

— Мнѣ-бы такую книгу,—запинаясь заговорилъ онъ,—съ молитвами... насчетъ драконовъ и бѣсовъ...

Магазинный мальчикъ громко фыркнулъ. Приказчикъ, уставшій отъ возни съ покупателями, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ:

— Какіе тамъ еще драконы... Нѣтъ у насъ такихъ книгъ.

Мужикъ тревожно дернулся, втянулъ шею въ плечи и повернулъ ко мнѣ лицо. На меня глядѣли расширенными зрачками глаза, полные такого мистическаго ужаса и отчаянія, что я почувствовалъ себя словно на краю притягивающей къ себѣ бездны.

— Противъ какихъ драконовъ нужны вамъ молитвы?—постарался я спросить, насколько могъ, мягче и участливѣе.

Мужикъ быстро вытянулъ ко мнѣ голову на тонкой шеѣ:

— Кажню ночь... Драконы, змѣи огнедышщи... бѣсы съ красными языками. . Прыгаютъ, хватаютъ... Ташугъ...—торопливо и съ ужасомъ проговорилъ онъ.

— Вы женаты?—спросилъ я его.

Онъ слегка отшатнулся, быстрымъ, пронизыва-

ющимъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня и неохотно, отрывисто произнесъ:

— Нѣту, не женатъ.

— А живете гдѣ?—осторожно и мягко спросилъ я.

Онъ съ подозрительнымъ испугомъ метнулъ на меня глазами, быстро потупился и, надѣвая картузъ, забормоталъ:

— Нѣтъ ужъ... Чего ужъ... Христось съ вами.. Коль книги нѣтъ, такъ ужъ... Простите, Христа ради ..—И быстрой, убѣгающей походкой онъ вышелъ изъ магазина.

Это былъ безбрачникъ-аскетъ изъ заволжскихъ хуторовъ.

Драконы загнали его въ магазинъ, и онъ, съ отчаянія и ужаса, приподнялъ предъ нами уголокъ завѣсы надъ бездной своей души.

Но вся цѣликомъ жизнь такихъ людей, сколько ни вглядывайся въ нее, безнадежно непонятна. Она даже кажется безумной, хотя имѣетъ глубокія и почти святая причины. Вѣдь это современное подвижничество, съ удаленіемъ отъ всѣхъ людей, самоистязаніемъ, голодовкой, изнуреніемъ на молитвѣ, совершается въ подражаніе древнимъ образцамъ. Но древніе подвижники, хотя не рѣдко тоже страдали отъ распаленнаго воображенія съ налетающими драконами, умѣли достигать высокаго душевнаго равновѣсія. Теперь—не то.

Блескъ и шумъ волнующейся вокругъ жизни не даютъ ищущей душѣ успокоити ся на подвигахъ умерщвления тѣла.

Въ томъ же книжномъ магазинѣ я нѣсколько разъ встрѣчалъ другого сектанта-самостязателя. Онъ ушелъ отъ отца и братьевъ, жилъ въ отдѣльной конурѣ, не ѣлъ мяса, не пилъ чаю; хлѣбъ, вода, молитва,—вотъ къ чему свелась его жизнь. Но никако-

го душевнаго удовлетвоенія онъ не чувствовалъ. Въ книжный магазинъ онъ ходилъ разспрашивать о старинныхъ книгахъ. Онъ былъ твердо увѣренъ, что святая истина скрывается въ старинныхъ книгахъ. Ихъ онъ читалъ, изучалъ, покупалъ и выписывалъ на послѣднія деньги. Много разъ я говорилъ съ нимъ, но совершенно не могъ понять, на чемъ зиждется его религіозное міровоззрѣніе. Отрицательная часть у него была разработана превосходно. Многочисленными выдержками изъ библіи и разныхъ старинныхъ книгъ онъ убѣдительно доказывалъ, что теперь на землѣ не существуетъ ни истинной церкви, ни священства; но въ чемъ заключалась его собственная истинная церковь, онъ не могъ или не желалъ объяснить. И когда я слушалъ его длинныя, горячія, но совершенно темныя рѣчи, мнѣ тяжело было глядѣть на этого умнаго мужика. Куда пошла его безцѣнная желѣзная энергія, его широкая душа и безграничное стремленіе къ святой жизни! Развѣ не трагедія души—искать Бога не вверху, а внизу? Съ отчаяніемъ и упорствомъ забивается онъ все глубже на мутное дно жизни, ошупываетъ въ темнотѣ корявые отбросы отжившихъ мыслей и бѣжитъ отъ всѣхъ людей, какъ отъ заклятыхъ враговъ. И невольно думаешь, наблюдая этихъ людей: вотъ что значитъ запугать человѣка и отогнать его отъ общей жизни.

V.

Безцѣнное свойство человѣка—вѣчное творческое исканіе общ ственныхъ формъ—сплотило старообрядцевъ. Какъ въ разшвырнутомъ ногой муравейникѣ сейчасъ-же начинается неутомимая, горячая работа для возстановленія сводовъ зданія, такъ и старообрядцы по бревнышку лѣпили снова разрушенную старую церковь... Но трудно было. Изъ православія священники, боясь суровыхъ наказаній, не шли. А

безъ пастыря какъ и куда поведешь темное стадо? Главари старообрядчества замѣчали, что много ужъ овецъ отбилося отъ общей кучи и заблудилось въ непролазной чащѣ отдѣльныхъ толковъ, сектъ и разногласій. Нужно было спѣшить. И тутъ ярко выплыла мысль, которая давно уже заманчиво мерещилась отдѣльнымъ старообрядцамъ. Нужно искать не священника, а епископа, и пусть онъ будетъ первоначальникомъ старообрядческой іерархіи: отъ него-же, какъ отъ плодovитой лозы, неизсякаемо пойдутъ преемственно всѣ церковные чины—діаконы, священники, епископы. Въ 1846 году эта мечта, послѣ многихъ поисковъ, осуществилась. Амвросій—епископъ босно-сараевской епархіи, отставленный константинопольскимъ патріархомъ, согласился принять главенство въ старообрядческой церкви. Его «исправили» и поселили въ Бѣлой Криницѣ, за австрійской границей. Сейчасъ-же его заставили рукоположить себѣ преемника—Кирилла. И поэтому, хотя черезъ годъ Амвросій былъ отправленъ въ ссылку, старая церковь оказалась вновь и прочно воздвигнутой. Конечно, многія тысячи глазъ хмуро и недоувѣрчиво глядѣли на это новенькое, но скоропоспѣшное зданіе: истинная-ли эта церковь? И сохранилась-ли у Амвросія при переходѣ отъ никоніанъ благодать хиротоніи? Огромная часть старообрядцевъ такъ и не пошла, оставшись при бѣглыхъ полахъ, многіе рѣшили и совсѣмъ безъ поповъ обходиться, такъ какъ истинное священство уже погасло на землѣ. Но значительное число старообрядцевъ съ восторгомъ пошло въ свою новую «австрійскую» церковь. Конечно, говоря по правдѣ, и здѣсь облако сомнѣнія у многихъ нерѣдко омрачало радость, но распаленному жаждой путнику некогда всматриваться въ свѣжесть источника, который неожиданно блеснулъ предъ истомленными глазами.

Православное духовенство не признавало и до сихъ поръ не признаетъ «австрійской» церкви. Не признають ее до сихъ поръ и многіе старообрядцы. А непризнанная церковь все росла и созидалась за истекшія шестьдесятъ лѣтъ, и теперь ее нельзя ужъ не замѣчать: она стоитъ во главѣ старообрядчества со своими многочисленными молельнями, съ золотыми иконостасами и массивными паникадилами, епископами, священниками, діаконами и все растущимъ числомъ прихожанъ. Не достаетъ лишь крестовъ на куполахъ и колоколовъ, чтобы старая церковь ожива въ прежнемъ благолѣпіи. На старообрядцевъ разныхъ толковъ вѣтъ отъ австрійской церкви плѣнительнымъ воздухомъ вѣры предковъ, воскресившей прежнюю стройную организацію, и немудрено, что многіе ожесточенные противники «австрійщины» смягчаются и, склонивъ покорную голову, вступаютъ членами въ гостепріимную церковь. Этотъ растущій успѣхъ заставляетъ все мрачнѣе смотрѣть на «австрійцевъ» какъ непреклонныхъ старообрядцевъ другихъ толковъ, такъ и православное духовенство. Спокойному зрителю со стороны странно и грустно видѣть эту близорукую вражду. Чадъ и жаръ борьбы мѣшаютъ православнымъ разглядѣть, что австрійская церковь, умножаясь и прихватывая на пути отставшихъ, почти одичавшихъ старовѣровъ, широкими шагами идетъ не отъ православія, а къ православію. Это сближеніе дѣлается, если не будетъ препятствій, все неизбѣжнѣе. А еще цѣннѣе—австрійская церковь ведетъ своихъ членовъ, забѣжавшихъ отъ общей жизни въ непроглядную темноту, снова къ свѣтлой жизни всего современнаго общества. Одиночекъ сектантовъ, съ ихъ самоистязаніемъ и огненными драконами, отдѣляетъ отъ насъ почти тысяча лѣтъ. Они все еще переживаютъ пещерный періодъ, получая отъ религіи не радостное просвѣтлѣніе, а тягостный ужасъ темнаго

ума, запутавшагося въ неразрѣшимыхъ противорѣчiяхъ. Австрiйскую церковь, если даже она «полнѣе желаетъ сохранить до-никоновскiй духъ, отдѣляются отъ насъ всего двѣсти-триста лѣтъ. Какъ переходный этапъ, ея роль и теперь значительна, и еще значительнѣе она будетъ, если дать этой церкви свободный просторъ. Подхватывая на пути пещерныхъ и другихъ, отставшихъ отъ общей жизни старовѣровъ, она сразу придвигаетъ ихъ къ намъ на нѣсколько столѣтiй. И въ то-же время сама она неуклонно стремится все къ большей близости съ современнымъ обществомъ. Мѣшаютъ этому перегородки, въ которыя загнали старообрядцевъ двѣсти лѣтъ назадъ и которыя до сихъ поръ не разгораживаются. Съ самаго начала была избрана ложная система: отогнали людей отъ общей жизни, загородились отъ нихъ стѣной и потомъ изъ этой кучи напуганныхъ, раздраженныхъ отщепенцевъ старались, путемъ угрозъ и запугиваний, выхватывать по одному. И это называлось «обращениемъ»! Между тѣмъ, стоитъ только отбросить перегородки,—враждующiя стороны окажутся лицомъ къ лицу, и при ясномъ свѣтѣ общей жизни онѣ скоро разглядятъ, насколько странна и дика вражда, ядовитымъ туманомъ, поднимающаяся изъ зараженного источника вѣчнаго мира и любви...

Въ этихъ перегородкахъ всякихъ ограниченiй, въ этой тѣсной клѣткѣ толпятся старообрядцы и теперь. Кругомъ гудитъ веселый мiръ, а старообрядцы хмуро глядятъ на него изъ своего отгороженного угла и жмутся подъ насмѣшливыми взглядами проходящей мимо, свободной толпы.

Особенно тягостно для старообрядцевъ презрѣнiе и глумленiе надъ ихъ церквью.

Народъ русскiй весь, вообще, сверху до низу, необыкновенно терпимъ, а главное—деликатенъ къ чужой вѣрѣ. Нѣмецкая кирка, мечеть, костелъ, ев-

рейская молельня въ общей массѣ нашего народа всегда вызываютъ почтеніе, какъ чужая, непонятная, но несомнѣнная святыня. Старообрядцевъ-же преслѣдуютъ колючими насмѣшками на каждомъ шагу.

Мрачный взглядъ изъ-подлобья явился у старообрядцевъ какъ неизбѣжный результатъ долгодѣтняго уханья и травли. Причиной послужило то, что старообрядцы съ самаго начала отброшены отъ закона.

Евреи, нѣмцы, татары—«еретики» и «басурмане», но у нихъ оставленъ ихъ «законъ», собственная вѣра. У старообрядцевъ нѣтъ признанной вѣры. Они—отступники, бунтовщики. Ихъ вѣра—уродство, суевѣріе. Такой печатью заклеили ихъ два съ половиной вѣка назадъ, и это клеймо до сихъ поръ вызываетъ въ народѣ брань и насмѣшки надъ старообрядцами. «Австрійцы» имѣютъ теперь епископовъ, священниковъ, діаконъ, но законъ и православіе совершенно не признаютъ ихъ, и всѣ православные относятся къ нимъ поэтому съ глумленіемъ. Это—самая больная и все еще свѣжая рана старообрядцевъ. Религіозное чувство въ народѣ всегда стояло выше всего, а здѣсь его унижаютъ и гонять...

Не признается закономъ и церковное общество старообрядцевъ. Поэтому молельни и всякаго рода церковныя недвижимости старообрядцы принуждены пріобрѣтать на имя отдѣльныхъ лицъ. А это, какъ и всякое «беззаконіе», влечетъ весьма часто неприятныя послѣдствія. Года четыре назадъ въ Вольскѣ произошелъ, на примѣръ, такой случай. На имя «австрійскаго» діакона былъ обществомъ купленъ домъ, который долженъ былъ, по словесному уговору, оставаться церковной собственностью. Діаконъ обладалъ превосходнымъ баритономъ. Мнѣ нѣсколько разъ довелось послушать его артистическое служеніе. За это искусство діаконъ свои-же старообрядцы переманили въ Москву, а діаконъ при отъѣздѣ спо-

койнымъ образомъ продалъ церковный домъ. И старообрядцы ничего не могли подѣлать: «бумага» была сдѣлана на него. Извѣстные черемшанскіе старообрядческіе мужской и женскій монастыри близъ Хвалынска тоже не признаются закономъ. По закону, «на бумагѣ», никакихъ монастырей не существуетъ, а есть только богадѣлни, принадлежащія хвалынскимъ обывателямъ—Шикину, Абакумову, Кашееву и другимъ («австрійская духовная консисторія», какъ ихъ называютъ здѣсь) Эта юридическая ненормальность вызываетъ въ Черемшанѣ крупныя столкновенья, а три года назадъ вышелъ даже цѣлый «бунтъ»: монахи взбунтовались противъ своей «консисторіи» и дѣло дошло до полиціи, тюрьмы и суда. Обширная, обставленная, какъ церковь, австрійская молельня въ Вольскѣ также принадлежитъ юридически не обществу: «бумага сдѣлана» на десять лицъ (бр. Парфеновыхъ, Вилкова и другихъ), и это, конечно, также грозитъ, въ случаѣ ссоры и самолюбія заправиль, всякими неприятностями для многотысячнаго общества молящихся. Такая-же зависимость старообрядческихъ обществъ отъ богатыхъ заправиль установлена закономъ и во всѣхъ остальныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Притомъ открытіе молеленъ и при такихъ условіяхъ разрѣшалось чрезвычайно неохотно (теперь стало легче). Вольская молельня строилась, якобы, подъ рогожное заведеніе и только впоследствии было исключотано разрѣшеніе на молитву. Эти кривые по темнымъ закоулкамъ обходы закона породили новое обидное названіе для вольскихъ старообрядцевъ: кромѣ обычныхъ прозвищъ «колугурь», «калуханъ», здѣсь старообрядцевъ еще обзываютъ: «Эй ты, изъ рогожнаго заведенія!..», «Ну, ужъ ты, рогожной вѣры!..». «Рогожной вѣры», «Дуниной вѣры», «колугурь», «калуханъ»—все это клейма отверженности старообрядцевъ отъ общей жизни и закона. Нѣтъ

признанной церкви, а есть только унижительная кличка...

Еще тяжелѣе и запутаннѣе положеніе старообрядцевъ въ области брака. Нѣтъ законнаго брака, нѣтъ законныхъ дѣтей. Правда, введенъ облегчительный законъ 19 апрѣля 1874 года для записи старообрядческихъ браковъ въ полицейскія метрическія книги. Этотъ законъ устанавливаетъ что то вродѣ гражданскаго брака, и видимой либеральности его могутъ даже позавидовать всѣ православные: стоитъ только старообрядцу, любого толка, подать прошеніе, привести свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что брачующіеся обвѣнчаны по своему обряду (къмъ угодно), и бракъ узаконяется. Но эта широкая свобода влечетъ множество печальныхъ послѣдствій. Во-первыхъ, горькая обида для старообрядцевъ, что совершенно отменяется церковное начало брака: запись полицейской книги ставится выше таинства, въ которое глубоко вѣруютъ старообрядцы. Поэтому всѣ крайне неохотно обращаются въ полицію, всячески оттягивая срокъ записи. Во-вторыхъ, большинство старообрядцевъ, въ простодушномъ незнаніи вообще законовъ, не подозреваютъ и о существованіи этихъ записей. Обвѣнчались, значитъ—дѣло крѣпко, «обзаконились»,—убѣждены они. И для нихъ, дѣйствительно, крѣпко, потому что они нерушимо чтутъ святость брака. Но при первой встрѣчѣ съ закономъ, въ случаяхъ наслѣдства, дѣлежей, судьбищъ и т. д., положеніе такой «незаконной» семьи, съ незаконными супругами и дѣтьми, оказывается чрезвычайно беспомощнымъ. Много и злоупотребленій совершается на этой почвѣ. Иной молодецъ превосходно знаетъ о полицейскихъ метрическихъ книгахъ, но не говоритъ объ этомъ молодой, ничего не вѣдающей женѣ. «Надо-ѣсть—брошу, женюсь на другой»,—размышляетъ такой законовѣдъ. И весьма часто такъ и бываетъ:

молодая женская испорченная жизнь отбрасывается въ сторону, и беззащитная рука протягивается къ другой доверчивой душѣ. Законъ-же здѣсь безсиленъ, потому что онъ остался въ сторонѣ.

Для австрійцевъ наблюдать такія семейныя драмы особенно грустно, потому что они давно уже завели у себя метрическія книги, куда аккуратно записываются и браки, и рожденія, и крещеніе. Но для закона всѣ эти записи—пустая бумага. Гдѣ нѣтъ церкви и священства, тамъ не можетъ быть и записей церковныхъ таинствъ.

Въ послѣднее время высшія судебныя учрежденія стали обращать вниманіе на отверженность старообрядцевъ отъ общаго закона. Наиболѣе интересно рѣшеніе Сената осенью 1902 года по дѣлу Снѣтковой: Сенатъ опредѣлилъ, что бракъ, совершенный по старообрядческому вѣроисповѣданію и незаписанный въ полицейскія метрическія книги, не можетъ быть расторгнутъ самолично однимъ изъ повѣнчанныхъ. При этомъ сдѣлано драгоцѣнное поясненіе: «старообрядцы, приѣмлющіе священство, безспорно, принадлежатъ къ числу христіанскихъ вѣроисповѣданій». Такимъ образомъ Сенатъ призналъ старообрядческой бракъ церковно христіанскимъ и нерасторжимымъ. Но если такъ, то что-же мѣшаетъ признать законность существованія всей старой церкви? Сенатское рѣшеніе извѣстно одному изъ милліона старообрядцевъ. Воспользоваться имъ можно только черезъ судъ, доказывая свидѣтелями наличность брака.

А если бракъ совершенъ тридцать-сорокъ лѣтъ назадъ? Если одинъ изъ супруговъ давно умеръ? Гдѣ искать свидѣтелей, и повѣрить-ли имъ судъ? Между тѣмъ, по простой логикѣ, если церковный бракъ законенъ, то законны и тѣ метрики, въ которыхъ онъ записанъ, а также законны священники, совершившіе его, и законна вся церковь. Совершенно непонятны

причины, мѣшающія свободному вздоху десятковъ и сотенъ тысячъ людей. Уже сто лѣтъ тому назадъ православная церковь сдѣлала прекрасную попытку примиренія со старообрядчествомъ: учредивъ единовѣріе, она простила и освятила всѣ старые обряды. Единовѣрцы теперь совершенно ничѣмъ по обрядамъ не отличаются отъ всѣхъ прочихъ старообрядцевъ, только священники ихъ ставятся православнымъ епископомъ. Но почему-же при тѣхъ-же самыхъ обрядахъ одни—единовѣрцы, а другіе—раскольники и отверженцы?

Давно пора заключить поспѣшный и мирный союзъ, давно пора забыть двухъ-вѣковую ссору. Она дѣлитъ русскихъ людей на враждебные лагеря, вызываетъ ненужную взаимную злобу и безмѣрное количество понапрасну затраченной силы. Даже всѣ богословскіе вопросы давнымъ-давно были-бы дружелюбно разрѣшены, не будь страннаго раздѣленія на притѣсняемыхъ и притѣснителей. Только при равныхъ законныхъ и свободныхъ условіяхъ возможно прочное единеніе. Русская жизнь, безусловно, заиграетъ свѣтлыми, свѣжими красками, если рухнетъ стѣна, загораживающая старообрядцевъ въ темномъ углу. Какъ зарытая въ землю кубышка, старообрядчество хранить богатый непочатый кладъ здороваго народнаго духа, который вольется въ общій потокъ уже замутившейся жизни мощной и свѣжей струей.

VI.

Вмѣстѣ съ обломками и мусоромъ суевѣрій старая церковь донесла до насъ изъ темной глубины вѣковъ кое-что цѣнное и безусловно хорошее. Во главѣ нужно поставить выборное начало. Церковь есть собраніе или общество вѣрующихъ. Всякое общество только тогда жизнеспособно и дѣйствительно, когда оно имѣетъ общіе интересы и цѣли и когда оно само

1

достигаетъ этихъ цѣлей, выбирая себѣ руководителей и исполнителей. Такъ это въ жизни и бываетъ. Общества приказчиковъ, сельскаго хозяйства, потребителей, земство, думы руководятъ сами общимъ направлениемъ дѣла, выбирая для техники текущаго дѣла и для разработки проектовъ совѣты, управленія, комиссіи, предсѣдателей, членовъ и т. д. Устрани прямое воздѣйствіе общества на свои дѣла, лиши его права выбирать себѣ исполнителей и руководителей, назначай послѣднихъ посторонней властью, и, очевидно, само общество въ дѣйствительности не будетъ существовать; останутся только приказывающіе и исполняющіе. Если чрезвычайно важно имѣть выборъ и довѣріе въ мелкихъ житейскихъ дѣлахъ, то еще цѣннѣе такая организація въ главныхъ запросахъ духа и вѣры. Въ австрійской церкви эта область разработана и обезпечена превосходно. Епископы, священники, діаконы тщательно выбираютъ самимъ обществомъ изъ наиболѣе достойныхъ и соответствующихъ дѣлу одновѣрцевъ, которые затѣмъ уже возводятся въ санъ. Естественно, что общество, выбравъ, на примѣръ, священника, устанавливаетъ съ нимъ дружеское общеніе и взаимное довѣріе. Священникъ же чувствуетъ благодарность къ обществу за лестное и доходное пастырское мѣсто. Взаимнымъ хорошимъ отношеніямъ трудно испортиться и дальше. Общество остается главнымъ хозяиномъ дѣла, и если-бы священникъ развилъ въ себѣ гордыню, или чрезвычайно ожаднѣлъ, или вообще какимъ-нибудь крупнымъ порокомъ началъ омрачать свой санъ и раздражать прихожанъ, то у общества имѣется право просить и требовать для такого священника перевода въ другой приходъ. Если же іерей настолько опорочилъ и обезславилъ себя, что никакой приходъ, даже самый бѣдный, не желаетъ брать его, то ему остается только выйти за штатъ или скоротать остальные дни

своей скорбной жизни въ старообрядческомъ монастырѣ. Такой порядокъ защищаетъ прежде всего самое больное мѣсто въ отношеніяхъ пастыря къ паствѣ: плату за требы. Вѣра вѣрой, а деньги въ организмъ современнаго общества представляютъ такіе тонкіе и болѣзненные нервы, что грубая рука, неосторожно дергающая за нихъ, тотчасъ-же помрачаетъ умы и вызываетъ демона вражды и озлобленія.

Это грустное явленіе особенно замѣтно въ православныхъ приходахъ. Здѣсь оно обостряется повальной бѣдностью сельскаго населенія. Молодой батюшка пріѣзжаетъ въ чужое для него село съ молодой женой и значительными культурными привычками, которыя стоятъ не дешево. Ломать, принижать, упрощать свою жизнь тяжело, почти невозможно, а для устройства уютнаго хозяйства необходимо дѣлать энергичные и тоже довольно тяжелые сборы съ этихъ сѣрыхъ, покривившихся избъ, которыя прижались къ выпаханной, истощенной землѣ. Чѣмъ бѣднѣе село, тѣмъ тягостнѣе взаимныя отношенія священника и прихожанъ. Главная суть въ томъ, что священникомъ устанавливается, обыкновенно, извѣстная, одинаковая для всѣхъ плата за требы, и эта плата, нетрудная для плечъ богатаго крестьянина становится тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ плечи, выдерживающія ее, бѣднѣе. Десять рублей за свадьбу, напримеръ,—вещь пустая для зажиточнаго мужика, но для бѣднаго крестьянина это весьма часто полный разгромъ хозяйства, въ родѣ стихійнаго бѣдствія—града, побившаго полосу хлѣба, или пожара, спалившаго послѣднюю избу. Въ нѣкоторыхъ селахъ для разрѣшенія этого больного вопроса вырабатываютъ на сходѣ таксу за требы или пспросту назначаютъ жалованье духовенству. Но желанная цѣль не достигается: все равно, приходится разлагать расходъ одинаковыми частями «на души», и опять богатая душа пере-

носить обложеніе легко, а бѣдная—груститъ и жалуется.

Австрійцы весьма мудро обошли острый денежный вопросъ: у нихъ установилось нѣчто въ родѣ естественнаго «подходнаго налога». При молельняхъ устроена особая кружка. Никакой предварительной ряды не существуетъ; священникъ дѣлаетъ, что нужно, а затѣмъ прихожанинъ опускаетъ плату, сколько пожелаетъ, въ кружку. Бываетъ и такъ, что плата передается прямо, въ руки священника, но опять-таки послѣ исполненія требы, безъ предварительной ряды, и дается, кто сколько можетъ и желаетъ. Результаты такой простой системы получаются удивительные. Сами старообрядцы, привыкшіе къ своей организаціи, удивляются инымъ фактамъ. Въ Вольскѣ одинъ австріецъ передавалъ мнѣ такой случай: священникъ совершалъ отпѣваніе, которое длилось $1\frac{1}{2}$ часа; прихожанинъ далъ священнику и всему причту за трудъ одинъ только калачъ, и священникъ «даже вида не подалъ, что такую ничтожную лепту пришлось получить за довольно длинную службу».

— Еслибъ этотъ случай былъ не при мнѣ,—добавилъ старообрядецъ,—я усумнился-бы повѣрить.

— Но страннаго въ такихъ фактахъ ничего нѣтъ: они вытекаютъ изъ самой системы. И не нужно думать, что австрійскіе священники получаютъ нищенскій доходъ. Прежде всего, тутъ особая психологія. Русскому человѣку въ особенности присуща одна общечеловѣческая черта: обратись къ сердцу людей, и хлынетъ сокрушительный потокъ пожертвованій; но сдѣлай взносы на самое благое дѣло обязательными, и каждая копѣйка будетъ выниматься съ болью и раздраженіемъ. Какъ ни бѣденъ православный народъ, города и села украшены многочисленными храмами, богато обставленные лавры и монастыри имѣютъ миллионные капиталы, и народныя жертвованія

неустанной волной все текутъ и текутъ къ нимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ сохраняетъ къ религии и храмамъ неизмѣнно благоговѣйное чувство. А рядомъ съ этимъ, въ селахъ сплошное неудовольствіе у духовенства съ прихожанами изъ-за платы за требы, и народъ вездѣ настроенъ враждебно къ пастырямъ церкви. Жертва незамѣтна, обязательство тягостно. Въ силу этой психологіи австрійскому священству платятъ скудно только тѣ, кто дѣйствительно не можетъ.

Чѣмъ богаче прихожанинъ, тѣмъ больше плата сама собой, повышается, и устанавливается естественный «подходный налогъ». Кромѣ того, если прихожане сами выбрали священника, то, естественно, они чтутъ и уважаютъ его, а потому стыдятся давать ему мало. Священникъ-же, зная, что богатые всегда воздадутъ за скудость бѣдныхъ, безтрепетной рукой принимаетъ за длинную службу калачъ и не смущается духомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ помнитъ, что каждый прихожанинъ, какъ членъ церкви,—его хозяинъ, и, если онъ будетъ выпускать когти жадности, то можетъ лишиться доходнаго мѣста или очутиться въ уныломъ монастырѣ. Въ концѣ концовъ, миръ и согласіе царятъ въ церкви, а въ дому священника—благоденствіе. Въ Вольскѣ, напримѣръ, два австрійскихъ священника зарабатываютъ около пяти тысячъ рублей въ годъ. При дешевой уѣздной жизни, при церковной квартирѣ и при вещественныхъ приношеніяхъ прихожанъ такой заработокъ обезпечиваетъ уютное и свѣтлое существованіе.

Финансовая система австрійцевъ оказываетъ могущественное вліяніе на старообрядцевъ бѣглопоповскаго толка. Бѣглые православные священники идутъ къ старообрядцамъ, конечно, исключительно изъ-за денегъ. Поэтому они берутъ за требы чрезвычайно высокія цѣны, и никакая бѣдность не принимается во вниманіе. Въ результатѣ—недовольство, раздраженіе.

Вѣрующему старообрядцу горько и грустно, что ради таинства крещенія или брака приходится ожесточенно торговаться съ уставщикомъ и священникомъ; ставить на первый планъ копѣчные расчеты и терпѣть униженія, разыскивая нужную сумму. И естественно, глаза невольно обращаются къ австрійской церкви, гдѣ изгнана унижительная торговля таинствами и царитъ плѣнительная тишина. Австрійская церковь растетъ и крѣпнетъ. Бѣгутъ въ нее не только бѣглопоповцы, но и представители другихъ толковъ. Слишкомъ ужъ для нихъ стройно и благолѣпно въ ней: епископы, священники, діаконы,—дружная церковная община, весь возрожденный укладъ старой церкви, по которой такъ изголодались старообрядцы. Австрійская церковь стала во главѣ старообрядчества и вышла на старую проторенную дорогу, съ которой старообрядцевъ согнали двѣсти пятьдесятъ лѣтъ назадъ и разогнали по лѣсамъ. И вотъ теперь высокой важности историческій моментъ: если старой церкви будетъ данъ свободный просторъ, она широкими шагами начнетъ догонять ушедшую на два вѣка впередъ жизнь и въ недалекомъ будущемъ неминуемо сольется съ современнымъ обществомъ, подкрѣпивъ его здоровой струей старо-русскаго духа; если-же старую церковь снова постигнетъ жестокий рокъ (чего, конечно, трудно ожидать), то вновь произойдетъ расколъ и раздробленіе и вновь тысячи людей уйдутъ отъ насъ вглубь вѣковъ, порождая десятки уродливыхъ сектъ.

Не рѣдко раздается глумленіе надъ священствомъ австрійской церкви. Станнымъ кажется, что у нихъ въ діаконы, священники и въ епископы посвящаются простые крестьяне, мѣщане и купцы, иногда не твердые даже въ грамотѣ. Забывается при этомъ, что и въ православіи не очень давно пошло священство съ семинарскимъ и академическимъ образованіемъ. Двѣ-

сти, триста лѣтъ назадъ и православная церковь имѣла въ селахъ сплошь полуграмотныхъ и даже со-всѣмъ неграмотныхъ священниковъ, да и городское духовенство не отличалось высотой образованія. Нужно снисходительно признать, что старая церковь въ смыслѣ образованія отстала отъ насъ на двѣсти лѣтъ и нужно ей помочь догнать насъ. Австрійцы прилагаютъ къ этому энергичныя усилія. Всякаго начитаннаго или даровитаго человѣка изъ своей среды они настойчиво толкаютъ впередъ и дѣлаютъ церковнымъ рук оводителемъ. Позапрошлымъ лѣтомъ вольскій купецъ Парѣеновъ по секрету мнѣ сообщилъ: «Вотъ кого намъ хочется въ епископы, да не упростишь его... Вы его знаете?»—и онъ назвалъ одного изъ гласныхъ губернскаго земства. Оказывается, этотъ бойкій ораторъ, энергичный дѣлецъ и богатый землевладѣлецъ принадлежитъ къ австрійской церкви, и одновѣрцы, плѣненные его ораторскимъ талантомъ, настойчиво соблазняютъ его архіерейскимъ саномъ. Конечно, онъ не соглашается и не согласится, но характерна эта особенность австрійской общины выдвигать впередъ таланты. Не очень давно въ вольскомъ реальномъ училищѣ однимъ изъ первыхъ кончилъ курсъ старообрядецъ-австріецъ, Владиміръ Макаровъ. Онъ пожелалъ остаться въ старообрядчествѣ и чѣмъ-нибудь послужить ему. Для него нашлось превосходное дѣло: онъ теперь учителемъ въ нижегородскомъ старообрядческомъ училищѣ, основанномъ купцомъ Бугровымъ, и получаетъ жалованье 100 рублей въ мѣсяцъ. При встрѣчѣ съ нимъ я долго всматривался въ его умное, симпатичное и застѣнчивое лицо и не удержался, спросилъ: «а скоро вы будете епископомъ?» Онъ сконфузился и махнулъ рукой: «какой я епископъ»... Но, несомнѣнно, если онъ пожелаетъ, то будетъ епископомъ очень скоро. Хотя его искреннее отношеніе къ старообрядчеству внѣ всякаго подозрѣнія, но его

и теперь обезопасили отъ соблазновъ міра сторублевымъ жалованьемъ. Для учителя начальной школы такое вознагражденіе въ Россіи вещь неслыханная, и старообрядцы показываютъ примѣръ, какъ нужно дорожить необходимыми людьми. Для нихъ человѣкъ съ среднимъ образованіемъ, посвятившій себя старой церкви, явленіе пока не совсѣмъ обычное, и такому человѣку они спѣшатъ дать дорогу. Интересна и постановка нижегородской старообрядческой школы. Въ ней учатся около 150 человѣкъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи. Живутъ они на полномъ пансіонѣ и совершенно бесплатно. Программа школы вполне соотвѣтствуетъ программѣ земской школы и учебники тѣ-же, за исключеніемъ Закона Божія, который преподается въ старообрядческомъ духѣ. Школа была разрѣшена съ большимъ трудомъ и съ еще большимъ трудомъ разрѣшена вторая такая школа въ Рязанской, кажется, губерніи. Арстрійцы, между тѣмъ, усиленно хлопчутъ о разрѣшеніи подобныхъ школъ, и нельзя имъ въ этомъ не сочувствовать. Въ сущности, дѣти всѣхъ богатыхъ и зажиточныхъ старообрядцевъ учатся въ обычныхъ училищахъ и многіе получаютъ даже высшее образованіе. Свои-же школы нужны для тѣхъ старообрядцевъ, которые упорно отвергаютъ православныя училища, оставаясь безграмотными или обучаясь у старухъ и стариковъ. Очевидно, какую громадную роль сыграетъ въ жизни этихъ закоснѣлыхъ старовѣровъ собственная старообрядческая школа. Отъ старухи, проповѣдывающей трехъ китовъ, огненныхъ драконовъ, и обросшей, какъ мхомъ, тысячелѣтними суевѣріями, свѣжая дѣтская душа перейдетъ къ учителю съ среднимъ образованіемъ, воспитанному на Гоголѣ, Тургеневѣ, Толстомъ, Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ. Куда поведетъ воспитанниковъ такой учитель, какъ не къ сближенію съ обществомъ, отъ котораго онъ самъ получилъ неискоренимую закваску просвѣ-

щенія? Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья православнаго священника, который доказываетъ, что чрезвычайно полезно разрѣшать старообрядцамъ не только обычныя школы, но и собственныя семинаріи. Взглядъ—симпатичный и глубоко вѣрный. Никакой совершенно опасности нельзя усмотрѣть въ разрѣшеніи старообрядцамъ учреждать всякія школы, какія они желаютъ. Забывается простая вещь, что у старообрядцевъ нѣтъ ни собственной науки, ни искусствъ, ни литературы, ни наконецъ, своей особенной религіи. Два съ половиной вѣка они бережно хоронятъ въ темныхъ тайникахъ души вѣру въ неприкосновенную святость старыхъ обрядовъ, но дайте имъ выйдти на свѣтъ, и они разглядятъ то, что такъ бережно хранили, и сами разсудятъ, стоило-ли изъ-за этого отрекаться отъ всей жизни, выносить отверженіе и муки. Собственныя школы, которыхъ они такъ горячо добиваются, сдѣлаютъ это дѣло быстро и окончательно. Наука и литература, свѣтская и духовная, помогутъ имъ ясно взглянуть вообще на сущность и значеніе обряда, и религія предстанетъ передъ ними въ новомъ, неожиданно-яркомъ свѣтѣ, какъ чистый источникъ всеобщей любви и братскаго единенія.

VII.

Бѣглоповцы составляли и составляютъ самый большой кусокъ расколовшейся старой церкви, и этому большому тѣлу было особенно тяжело извиваться и хорониться отъ неустанно сыпавшихся преслѣдованій. Но за то въ послѣдніе годы эта часть старообрядчества перевела свободно духъ: ее признали близкой къ православію, и всякія прямыя преслѣдованія совершенно прекратились. Сердце русское отходчиво, и бѣглоповцы теперь съ большимъ благодушіемъ вспоминаютъ о недавней черной полосѣ сво-

ей жизни. А вспоминать есть что. Сколько тратилось желѣзной энергіи несломаннаго упорства, сколько сыпалось денегъ, принималось униженій и страданій, чтобы отстоять уголокъ своей вѣры! Безъ священника нельзя было,—а какъ его достанешь, когда все православное духовенство застрашено суровымъ тюремнымъ заключеніемъ за переходъ къ старообрядцамъ? Для поисковъ духовнаго пастыря снаряжались цѣлыя экспедиціи. Опытные вербовщики безшумно и тайно проникали въ самыя глухія селенія и здѣсь развѣтывали предъ заголодавшимъ, отягощеннымъ семьей священникомъ соблазнительныя картины тысячныхъ доходовъ въ старообрядческой церкви. И если соблазнъ дѣйствовалъ на обнищавшаго или мздолюбящаго священника, то его поспѣшно хватали, переодѣвали, закутывали въ шубы и мчали безъ передышки скорѣе куда-нибудь подальше въ глухое мѣсто. Главное, не успѣли-бы его поймать и разстричь и чтобы «ставленная» сохранилась при немъ. Священника «перемазывали», «исправляли», и онъ, отрехшись отъ «никоновскихъ ересей», дѣлался пастыремъ старой церкви. Но такой священникъ отравлялъ всю свою жизнь: онъ постоянно чувствовалъ себя въ положеніи затравленнаго зайца, стрѣляющаго, приложивъ уши, отъ каждаго звука по кустамъ. Нужно было ежеминутно дрожать всѣмъ тѣломъ, скакать изъ села въ село, изъ города въ городъ, прятаться, переодѣваться, выскакивать потайными выходами, откупаться, лгать, унижаться, потому, что все время по пятамъ гнались преслѣдователи. Такая нечеловѣческая жизнь приносила губительныя послѣдствія. Десятки тысячъ, дѣйствительно, наживались, но за то священникъ развнчивался, раздражался, жаднѣлъ и начиналъ сильно, безобразно пить. Большинство загнанныхъ священниковъ кончало запоемъ. Старообрядцы видѣли, что таинства крещенія, брака,

и другія у нихъ есть, но не могли закрывать глаза и на неизлѣчимыя язвы своей церкви. Пастырь пилъ, грубилъ, дичалъ, и многіе изъ паствы тяжело задумывались: «да нуженъ-ли намъ такой пастырь? Не больше-ли съ нимъ грѣха?» Шли внутреннія несогласія, раздоры, попрехи, отпаденія. Однако, большинство съ отчаяннымъ упорствомъ держалось и за такихъ священниковъ. Что-же дѣлать: безъ іерея нѣтъ спасенія, а онъ, какой-бы ни былъ, все-же имѣетъ благодать. Плоть его немощна и грѣшна, но санъ на немъ священный и спасительный.

Такъ какъ раскиданные по разнымъ городамъ и селамъ старообрядцы не могли за тысячи верстъ всѣ ѣздить за таинствами къ священнику, то пастырю приходилось постоянно разъѣзжать повсемѣстно: въ самарскія и уральскія степи, по всѣмъ приголжскимъ городамъ, въ донскія станицы и т. д. Въ этомъ и была наибольшая опасность. Всюду пастырь чувствовалъ себя, какъ волкъ въ лѣсу, наполненномъ охотниками. Притомъ, чѣмъ бѣднѣе былъ старообрядческой приходъ, тѣмъ тучи висѣли чернѣе и грознѣе. Въ богатомъ приходѣ атмосфера постоянно умягчалась умѣлыми и обильными жертвоприношеніями. Поэтому въ бѣдныхъ приходяхъ главную надежду возлагали на потайные ходы, секретные подвалы, на неусыпную осторожность и сноровку. Въ Хвалынскѣ, напримѣръ, приспособили не только въ городѣ надежные тайники, но хитроумно организовано было для укрывательства еще сосѣднее село Маза. Какъ только разражалось гоненіе, священника мчали сюда, прятали, и онъ смирно сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока грозовыя тучи не проплывали мимо. Иногда внезапная погоня настигала въ самомъ Хвалынскѣ, и тогда пускалась въ ходъ вся изворотливость и накопленная въ постоянныхъ травляхъ опытность. Одинъ хвалынецъ, которому не рѣдко приходилось прятать и прово-

жать свихъ поповъ въ завѣтныя мѣста, рассказы-
валь мнѣ объ одномъ случаѣ,—рассказываль съ ве-
сельемъ оживленіемъ и блескомъ въ глазахъ, какъ
будто рѣчь шла объ интересной охотѣ на хитраго
звѣря и какъ будто онъ даже жалѣлъ, что былое
тревожное и острое время прошло безвозвратно...

Дѣло было приблизительно въ 1893 г. Въ Хвалын-
скѣ проживаль старообрядческій священникъ Михаилъ
Смирновъ. Официально онъ числился мѣщаниномъ,
но это не спасало его отъ преслѣдованій. Въ одинъ
зловѣщій день прибѣжалъ, зацыхавшись, глашатай и
крикнулъ о. Михаилу: «батюшка! ловить идутъ!
Прячься скорѣе!..» Священникъ тотчасъ же скрылся
въ домъ одного изъ прихожанъ. Но и полиція не
дремала. Былъ уже вечеръ. Полиція знала, что во
всемъ старообрядческомъ кварталѣ изъ двора во
дворъ шли тайные ходы, и потому изъ боязни упу-
стить священника не рискнула дѣлать обыскъ ночью.
Весь кварталъ былъ окруженъ понятными и полиціей.
Ждали свѣтозарнаго свѣтила, чтобы раннимъ утромъ
немедленно и навѣрняка накрыть жертву. А старо-
обрядцы держали ночью военный совѣтъ. Утромъ,
какъ только золотая заря растаяла въ небѣ и брыз-
нуло лучами солнце, ворота одного дома раствори-
лись и изъ нихъ, не спѣша, выѣхали бѣговья санки,
запряженные породистымъ рысакомъ. Въ санкахъ си-
дѣлъ и правилъ человекъ въ костюмѣ наѣздника, а
рядомъ съ нимъ помѣщался хозяинъ дома, весьма
уважаемый въ Хвалынскѣ и жителями, и полиціей
за хорошее достояніе. Санки медленно, шагомъ про-
ѣхали улицей и спустились на Волгу. Здѣсь стоялъ
возокъ съ тройкой лошадей. Наѣздникъ облобызался
со своимъ спутникомъ, сѣлъ въ возокъ, и тройка,
звеня бубенчиками, помчалась внизъ по ледяному
простору. Это былъ священникъ Михаилъ Смирновъ.

Въ богатыхъ приходахъ жилось нѣсколько спо-

койнѣ. Въ этомъ отношеніи особенно выдавался Вольскъ, насчитывающій до 5,000 старообрядцевъ бѣглопоповцевъ. Здѣсь имѣлись тысячныя средства для охраны священника, и потому здѣсь была его постоянная резиденція: сюда совершалось массовое паломничество изъ мѣстностей, лишенныхъ благодати священства. Дѣло прошлое, и я никого не обижу, если расскажу нѣсколько фактовъ изъ вольской жизни. А дать легкой набросокъ этой полосы старообрядческой исторіи необходимо: на ней наглядно выясняется, какъ система притѣсненій и гоненій, не достигая своей прямой цѣли, породила лицемѣріе, взятки и развращала ту и другую стороны. Теперь уже, къ счастью, этого почти нѣтъ, теперь это—«исторія», и можно говорить спокойнымъ повѣствовательнымъ тономъ.

Въ Вольскѣ, при самыхъ гонительныхъ временахъ, бѣглый священникъ постоянно жилъ, постоянно служилъ, въ моленную стекались тысячныя массы прихожанъ, но начальство, а также православное духовенство этого какъ будто не замѣчали. Даже наблюдалось нѣкоторое дружеское сочувствіе. Въ большіе праздники—на Рождество, на Пасху, на Троицу—старообрядцы снаряжали своихъ стариковъ. Тѣ шли сначала къ благочинному.

— Здравствуйте, батюшка! Съ преддверіемъ святого праздника васъ!—говорили и кланялись они,—ужь извините, подарочекъ наше общество послало вамъ... Примите, не обезсудьте, сто рубликовъ. Хотимъ помолиться, и обѣденка будетъ, а вы ужь не взыщите...

— Помолитесь, помолитесь!—привѣтливо говорилъ хозяинъ,—дѣло доброе. Заблуждаетесь вы, ну да теплая молитва. . Насчетъ меня не сомнѣвайтесь... Что ужь, конечно... Всякъ по себѣ. Надо жить по-сосѣдски.

Потомъ старики шли къ полицеймейстеру. И здѣсь ихъ встрѣчали добрымъ словомъ. Взаимное уваженіе скрѣплялось двумя-тремя стами рублей.

— Будьте спокойны,—проводжалъ ихъ хозяинъ,—отъ меня стѣсненій не будетъ. Только лишняго не позволяйте.

Затѣмъ происходилъ дружескій разговоръ съ приставомъ и помощникомъ его. Ихъ праздничный бюджетъ тоже пріятно освѣжался. Не забывались и прикосновенные къ дѣлу городовые. Одинъ изъ городскихыхъ стоялъ на постоянномъ посту при моленной и дружески раскланивался съ молящимися.

Его значеніе было довольно серьезное. Если бы случайно пріѣзжій чиновникъ или иной какой ревизоръ вздумалъ внезапно нагрянуть въ моленную, городской долженъ былъ подать условный сигналъ и пока у калитки возились и кряхтѣли надъ непослушнымъ засовомъ, который долго не поддавался усиліямъ усерднаго сторожа, въ моленной происходила волшебная перемѣна; священникъ сбрасывалъ ризы и скрывался въ тайной глубинѣ одного изъ близлежащихъ домовъ, всѣ священническія принадлежности быстро запирались въ сундуки, царскія двери въ иконостасѣ заставлялись широкими старинными иконами, а на середину амвона выходилъ тихій и кроткій старичекъ Лаврентій Ефимычъ, который благолѣпно «замолитвовалъ» и читалъ все, что полагается наставнику. Ревизоръ наглядно убѣждался, что никакого бѣглаго священника здѣсь и слѣдовъ нѣтъ, и отправлялся во-свояси, причемъ, если выражалъ нѣкоторый намекъ, то получалъ здѣсь же на мѣстѣ единовременную прибавку къ жалованью. Иногда для поддержанія болѣе близкаго знакомства блюститель, который покрупнѣе, заходилъ на квартиру къ полечителю моленной.

— Не знаю, какъ быть,—озабоченно гворилъ

онъ,—что-то у васъ въ моленной не совсѣмъ ладно. Слухи вы пускаете. Получилъ я одну бумагу. Не вышло бы чего...—И потомъ мимоходомъ, глядя въ сторону, прибавлялъ разсѣянно,—хлопотъ полночь ротъ: дома все расходы; придется, должно быть, заѣхать къ однимъ знакомымъ, занять рублей двѣсти-триста.

Попечитель сочувственно вздыхалъ и развертывая бумажникъ, говорилъ: «ужь дозвольте вамъ довѣрить! Чего же ѣздить утруждаться? Триста рублей не бо-знать что: завсегда могѣмъ. Отдадите когда деньги скопятся»...

Долги подобнаго рода списывались на счетъ расходовъ моленной. Такая система обезпечивала существованіе священника, но нисколько не способствовала спокойствію его духа. Ему отнюдь нельзя было открыто показываться въ городѣ. Поэтому, когда приходилось ѣздить по домамъ со святой водой, славить Христа или христосоваться, то священникъ, замотавшись и закутавшись, тряся въ экипажѣ съ такимъ чувствомъ, словно онъ ѣхалъ по осажденному городу, на улицахъ котораго свистѣли пули и лопались бомбы. Вдругъ увидятъ, схватятъ!.. Тюрьма, монастырь, стыдъ, срамота...

Только сидя въ своемъ запертомъ со всѣхъ сторонъ домѣ, священникъ чувствовалъ себя до нѣкоторой степени свободнымъ. Сюда къ нему обратиться было трудно. Я помню, у меня былъ для этого законный предлогъ: во время всенародной переписи въ 1897 г. мнѣ, какъ переписчику, достался районъ, въ которомъ находилась бѣглоповская моленная со всей примыкающей къ ней колоніей. Предварительные списки домовъ были подготовлены полиціей. Въ моемъ громадномъ участкѣ, который тянулся отъ Волги по Знаменской улицѣ до другого конца города, не было пропущено въ спискахъ ни

одной лачуги. Но когда я вошелъ на широкій, пустынный дворъ новиковской молельни, мнѣ бросился въ глаза высокій, обширный домъ, съ плотно притворенными дверями и полузакрытыми ставнями. Я заглянулъ въ полицейскій списокъ: домъ не значился въ немъ. Подойдя къ двери, я сталъ стучать, сначала деликатно, а потомъ крѣпко и настойчиво. Домъ молчалъ. Я отошелъ и заглянулъ въ темныя стекла. Потомъ взялъ съ земли палку и постучалъ въ раму. Домъ глядѣлъ на меня мертвыми, безучастными окнами. Тутъ я припомнилъ то, что мнѣ хорошо было извѣстно: въ этомъ домѣ жилъ бѣглый священникъ. Но форму нужно было соблюсти. Оглядываясь во всѣ стороны, я замѣтилъ, что въ одной изъ келій на дворъ меня молча и мрачно наблюдалъ изъ-за косяка сѣнной двери какой-то мужчина. Я направился къ нему. Онъ вышелъ на новенькое крыльцо и сумрачно изподлобья глядѣлъ на мой портфель.

— Кто живетъ въ этомъ домѣ?—спросилъ я его.

— Никого нѣту. Пустой,—отвѣтилъ онъ, темными глазами безъ всякаго выраженія посматривая на меня.

У меня не было никакого желанія производить розыскъ, да притомъ по инструкціи переписчикъ обязанъ былъ вѣрить словеснымъ заявленіямъ опрашиваемыхъ лицъ, а потому я отмѣтилъ таинственный домъ нежилымъ. Такъ священникъ старообрядцевъ и не попалъ въ перепись! Но за то я побывалъ во всѣхъ примыкающихъ къ моленной домахъ и кельяхъ, гдѣ жили уставщики, пѣвчіе, «сиротскія старушки» и другія лица старообрядческаго міра.

Въ этихъ домахъ и дворахъ во время Великаго поста и въ свадебный мясоѣдъ набивалось множество народа. Ъхали къ батюшкѣ не только изъ ближнихъ

мѣсть, но за тысячи версть: съ Дону, изъ-за Волги, изъ Астрахани, изъ Сибири. Въ тѣсной моленной Великимъ постомъ распахивались всѣ двери, столбами валилъ оттуда парь, чадъ свѣчей и кадильный дымъ, а тысячная толпа плечо въ плечо, задыхаясь въ жару и давкѣ, биткомъ набивала всю моленную, заполняла крыльцо и отбрасывала толпу ожидающихъ очереди на дворъ, гдѣ люди сидѣли на заваленкахъ и стояли кучками вокругъ всего зданія. Въ свадебный сезонъ ѣхали отовсюду молодья пары. Вѣнчать по одной парѣ было, конечно, немисливо, и священникъ за одинъ разъ вѣнчалъ по тридцати, по сорока паръ. Ихъ всѣхъ ставили въ рядъ и надъ головами держали не вѣнцы, которыхъ было всего двѣ-три пары, а подходящія иконы. Это была наиболѣе доходная статья для священника: самая бѣдная свадьба стоила не менѣе пяти рублей, и священникъ за одинъ приемъ зарабатывалъ полтора-двадцати рублей. Задавленъ былъ священникъ точно также исповѣдниками и причастниками, которыхъ въ иную недѣлю сразу говѣло болѣе тысячи, и крестинами. Служить и хлопотать въ такую горячую пору приходилось, не покладая рукъ. И хотя непрерывный денежный потокъ значительно смягчалъ настроеніе священника, но все же такая постоянная смѣна невольнаго заточенія съ тяжелымъ, напряженнымъ трудомъ сильно расшатывала нервную систему іерея. Случалось, что священника «прорывало». Онъ забрасывалъ все дѣло и начиналъ сильно пить. Это вносило большое смятеніе и смуту въ среду старообрядцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы ни былъ грубъ, жаденъ и черяшливъ въ водкопитіи священникъ, приходилось беречь его, словно рѣдкую жемчужину: гдѣ же было искать другого? И скоро-ли найдешь его?

Въ Вольскѣ уже около пятнадцати лѣтъ живеть бѣглый священникъ Георгій Гумилевскій (отецъ

Егорій, какъ его зовутъ старообрядцы). Отягченный обширной семьей и затомившійся отъ невылазной бѣдности въ скудномъ православномъ приходѣ, онъ теперь подъ сѣнью старой церкви превратился въ солиднаго капиталиста. Помимо десятковъ тысячъ рублей, помѣщенныхъ въ надежныхъ мѣстахъ, онъ соорудилъ себѣ въ Вольскѣ превосходный домъ, который оцѣнивается, по меньшей мѣрѣ, тысячъ въ тридцать. Но какой тяжелой цѣной все это куплено! Цѣлые годы скрываться, дрожать, попадаться, унижительно просить и откупаться, тосковать въ добровольномъ одиночномъ заключеніи и видѣть только хриплыхъ уставщиковъ, которые почтительно, но, какъ неусыпные тюремщики, слѣдятъ за каждымъ шагомъ своего пастыря... И какъ болѣло сердце истинныхъ старообрядцевъ, которые видѣли грязный туманъ, нависшій надъ старой церковью! Священникъ тоскуетъ, грубитъ или пьетъ, вокругъ ходятъ и стерегутъ стаями жадныя ищейки, прихожане разоряются на непомѣрно высокую цѣну за требы, касса общества непрерывно опустошается на экстренныя мѣры для охраны священника,—все это смущало и ожесточало сердца старообрядцевъ, и многіе изъ нихъ, не вынося лжи и униженія, переходили въ безпоповскія секты или, отчаявшись найти чистую, свѣтлую церковь, дѣлались одиночками-сектантами. Но за то какъ сразу просвѣтлѣло и просвѣжлѣло въ бѣглопоповской церкви, когда было сдѣлано первое послабленіе. Лѣтъ восемь-десять назадъ преслѣдованія бѣглыхъ священниковъ прекратились. Было только,—какъ говорятъ старообрядцы,—ограничено число такихъ священниковъ пятью. Но теперь ихъ имѣется гораздо больше: когда старообрядцы стали перечислять ихъ по именамъ находящихся у нихъ іереевъ, то оказалось болѣе десяти. Самое же главное, священники на полныхъ правахъ могутъ

свободно разъѣзжать и показываться вездѣ и жить «какъ люди», а не какъ затравленные зайцы.

Первый лучъ свободы безслѣдно смелъ и уничтожилъ нѣкоторые грязные лишай, выросшіе во тьмѣ на старой церкви. Отпали, прежде всего, унижительные подкупы и взятки. Не оставалось больше причинъ для соблазна блюстителей прежняго порядка, и новые чиновники, сталкивающиеся со старообрядцами, уже глядятъ на нихъ, какъ на равноправныхъ гражданъ. Облегчилась также и жизнь старообрядческаго священника, а старообрядцы могли уже къ порокамъ и причудамъ пастыря примѣнять строгія требованія, потому что было уже не трудно замѣнить его новымъ іереемъ. Недавно одинъ старообрядецъ писалъ мнѣ изъ Вольска: «отца Егорія въ декабрѣ присудили на два мѣсяца въ острогъ. Обвѣнчалъ онъ, будто бы, крещеную въ церкви невѣсту. Навѣрно, не сядетъ: будетъ судиться дальше.» Въ этомъ письмѣ сквозитъ непонятное для православныхъ обывателей удовольствіе. Духовное лицо сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ въ окружномъ судѣ, но судятъ его не за то, что онъ—старообрядческій священникъ, а за отдѣльный проступокъ, судятъ по закону, «какъ всѣхъ», и онъ защищается по закону и будетъ «судиться дальше». Въ томъ-то и мечта старообрядцевъ, чтобы ихъ подвели подъ общій законъ. Жить, какъ всѣ равноправные граждане, отвѣчать только за дѣйствительные незаконные проступки,—какъ это просто и какъ это все еще недоступно въ полной мѣрѣ для старообрядцевъ ..

VIII.

Бѣглоповцы переживаютъ въ настоящее время чрезвычайно интересный періодъ творческаго броженія. Полоса полицейскаго гнета и гроза прямыхъ гоненій, слава Богу, скрылись въ туманахъ исторіи;

бѣглопоповцы мало-по-малу оправляются отъ разгрома, организуются и залѣчиваютъ раны старой церкви. Но темный, долгими годами гоненій затравленный умъ работаеъ пока туго, и туманъ вѣкового испуга все еще застилаеъ глаза старообрядцамъ.

Оглядываясь кругомъ, они, въ числѣ оставшихся препятствій, намѣтили главнаго врага: «австрійскую» церковь. Темный сумбуръ въ головѣ мѣшаеъ имъ разглядѣть, что эта церковь—ближайшая, родная сестра ихъ церкви, и они всю энергію направляютъ теперь для борьбы съ ней... Стройная организація австрійской церкви съ полной іерархіей—епископами, священниками, діаконами, съ точнымъ исполненіемъ старыхъ обрядовъ и благолѣпіемъ молитвенныхъ домовъ, а главное—съ чрезвычайной дешевой въ платѣ за требы (кто сколько можетъ), неудержимо влечетъ къ себѣ многихъ старообрядцевъ, и всего сильнѣе изъ среды бѣглопоповцевъ, которыхъ измучила безурядица въ собственныхъ моленныхъ. Такая грозная конкуренція настолько встревожила главарей бѣглопоповскаго толка, что въ 1903 году въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ былъ созванъ «вселенскій соборъ». Происходилъ онъ три дня—10, 11 и 12 мая,—и стеклись на него, дѣйствительно, со всѣхъ концовъ старообрядческой вселенной: изъ Саратова, Астрахани, Вольска, Хвалынска, Москвы, Нижняго-Новгорода, съ Урала, съ Дона и даже изъ Сибири. Всего собралось около 200 человекъ. На бурныхъ засѣданіяхъ собора австрійская церковь подверглась весьма энергичнымъ нападкамъ. Было постановлено считать австрійское священство ложнымъ, «самозваннымъ», и переходящихъ оттуда къ бѣглопоповцамъ перекрещивать. Этимъ суровымъ рѣшеніемъ главари надѣются отвратить глаза колеблющихся прихожанъ отъ «австрійщины». Необходимо замѣтить, что рѣшеніе перекрещивать—самая край-

няя и рискованная мѣра. Даже православное духовенство признаетъ дѣйствительнымъ крещеніе всѣхъ старообрядцевъ, какого бы толка они ни были и хотя бы крещеніе совершалъ простой старикъ или старуха. Присоединеніе къ православію совершается черезъ муропомазаніе. Слѣдовательно, главари бѣглопоповцевъ въ жару борьбы выказали къ австрійской церкви чрезмѣрное и опасное презрѣніе. Соборное постановленіе разослано по всѣмъ моленнымъ для строгаго руководства. Главари возлагаютъ на него большія надежды.

Но можно бояться обратнаго результата. И на самомъ соборѣ была группа старообрядцевъ, которая энергично осуждала крутую и вредную борьбу съ австрійцами; изъ числа же прихожанъ многіе съ явнымъ неудовольствіемъ отзываются о соборномъ постановленіи. «Перекрещива гь выдумали!—говорилъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ и, такъ сказать, либеральныхъ старообрядцевъ,—хуже всякихъ еретиковъ поставили австрійцевъ! А къ чему, на что? Отшибутъ только еще больше отъ себя»... Но и сами главари понимаютъ, что однѣми угрозами «австрійщину» не побѣдишь, поэтому на томъ же соборѣ они выработали рядъ мѣръ для успѣшной конкуренціи съ австрійцами. Если въ австрійской церкви мирно, стройно и благолѣпно, то ясное дѣло, что для удержанія своей паствы и бѣглопоповцамъ необходимо ввести реформы въ Собственной церковной общинѣ. Главари обратили прежде всего суровый взглядъ на своихъ духовныхъ пастырей. При смягченныхъ порядкахъ священниковъ не особенно трудно стало доставать, а потому можно теперь передъ ними и за нихъ не дрожать. На соборѣ всѣмъ пастырямъ была сдѣлана строгая переборка и каждому внушено предостереженіе. Попу Ивану, который изъ любви къ конскимъ ристалищамъ переходилъ однажды въ наѣзники и потомъ

обратился вспять съ повинной, было рѣшительно заявлено: «Ты, вотъ что, батюшка: служить такъ служи и эти глупости оставь, а если опять въ наѣзники захочешь, то вотъ тебѣ послѣдній сказъ: къ намъ больше не являйся. Будетъ ужъ, хлопотали съ тобой довольно»... Съ отцомъ Александромъ тоже напрямки объяснились. Онъ, какъ вдовецъ, тайно повелъ негожую жизнь. Но тайное сдѣлалось для всѣхъ прихожанъ явнымъ, и ему на соборѣ строго-настрого заказали немедленно разстаться съ незаконной, хотя и весьма веселой женой. «Отъ тебя, батюшка, будемъ прямо говорить, грѣха да соблазна этого... одно смущенье только. Ужъ лучше въ этакоемъ разѣ и безъ священника Богъ простигъ. Не къ лицу, батюшка, оставь! А то въ случаѣ чего и отлучить придется окончательно. И за этимъ не постоимъ при такомъ озорствѣ»...

Отцу Михаилу и другому отцу Александру долго и сурово выговаривали за то, что они нѣсколько разъ переходили изъ старой вѣры въ православіе и обратно. Въ наказаніе имъ запретили на нѣкоторое время отлучаться изъ своихъ приходоу. Помимо этихъ мѣръ нравственнаго воздѣйствія, была затронута и главная пружина внутренней смуты бѣглоповской церкви—плата за требы. Въ силу чрезмѣрной нужды въ таинствахъ, необычайная, почти болѣзненная жадность священниковъ прежде была терпима; теперь пришелъ ей конецъ. Кромѣ суроваго выговора отцу Егорію и другимъ священникамъ за высокіе поборы (нѣкоторые зарабатывали болѣе десяти тысячъ рублей въ годъ), на соборѣ была выработана такса: за вѣнчанье положили брать 4 рубля, съ бѣдныхъ же и меньше, смотря по достатку, за крещенія и другія требы—кто сколько пожелаетъ.

Этой крупной реформой бѣглоповцы сразу поставили себя на правильный путь внутреннихъ улуч-

шений, и за образец все-таки пришлось взять все ту-же австрійскую церковь, борьба съ которой поставлена главарями основной цѣлью собора. Знаменательно, что всѣ эти реформы сдѣлались возможными, когда само общество взялось за управленіе внутренними дѣлами. Лишній и яркій примѣръ широкаго значенія для жизни начала общественности. Однако, крупныхъ реформъ въ бѣглопоповской церкви ждать нельзя, пока не повѣетъ сверху благодатнымъ вѣтромъ терпимости и свободы. Стало «полегче», но далеко не настолько, чтобы окончательно забыть черное прошлое и съ облегчительнымъ вздохомъ вступить въ новую полосу жизни. Старообрядцы такъ еще запуганы, что всякій новый шагъ дѣлаютъ съ большою оглядкой. Вселенскій соборъ, на примѣръ, посвященный безобиднѣйшимъ дѣламъ мирнаго внутренняго благоустройства, собирался въ большой тайнѣ. Крѣпко боялись, чтобы «начальство не узнало», хотя совершенно не знали, какъ смотреть начальство на ихъ безобидный соборъ. На самомъ соборѣ, послѣ всѣхъ рѣшеній постановленій, одинъ старообрядецъ въ простотѣ душевной провозгласилъ: «А теперь я думаю, старички, вотъ что: взять намъ да всѣ постановленія и отпечатать въ газетахъ. Большая польза выйдетъ: и наши всѣ узнаютъ, и австрійцы, и церковные». Старички онѣмѣли отъ испуга: «Эка, чего брякнулъ!—замахали они на оратора рукой,—пропиши въ газетахъ, а тебя начальство по головкѣ погладить... Не то, что печатать, и говорить-то поменьше надо». При такой заячьей храбрости, основанной, впрочемъ, на крѣпкихъ урокахъ недавней старины, бѣглопоповцы, конечно, далеко не уйдутъ въ своихъ преобразованіяхъ. Притомъ они, какъ и всѣ старообрядцы, связаны по рукамъ и ногамъ своимъ безправіемъ. Передъ закономъ они не составляютъ ни церкви, ни простого общества.

Такъ же, какъ и австрійцы, они принуждены свои моленные «закрѣплять на бумагѣ» на частныхъ лицъ (обширная моленная въ Вольскѣ, напр., принадлежитъ по закону Аннѣ Федоровнѣ Мельниковой, хотя постройка производилась на общественныя деньги), такъ же мучаются они относительно браковъ, законности дѣтороженія, судопроизводства по дѣламъ наслѣдованія и т. д. Между тѣмъ, нѣтъ другой секты, которая была бы такъ близка къ православію, какъ бѣглопоповцы. Единовѣріе пользуется всѣми правами православія, а бѣглопоповцы, въ сущности, — тѣ же единовѣрцы: при полной тождественности всѣхъ обрядовъ, они, подобно единовѣрцамъ, и священниковъ берутъ отъ православной церкви. Вся разница только въ томъ, что для единовѣрцевъ, священники назначаются православнымъ епископомъ, а бѣглопоповцы берутъ самовольно. Но и эта причина сводится почти на нѣтъ при современной полутерпимости къ уходу священниковъ въ расколъ. И однако, единовѣрцы—родныя дѣти закона и отечества, а бѣглопоповцы—отверженные пасынки. Для однихъ старый обрядъ прощенъ, освѣщенъ и признанъ православною церковью, для другихъ—служить по прежнему причиною проклятія и отверженія. Это быющее въ глаза противорѣчіе требуетъ скорѣйшаго разрѣшенія, что бы исчезло, наконецъ, изъ русской жизни это странное вѣковое ослѣпленіе, раздѣляющее вѣрующихъ религиозныхъ людей на враждебные и злобные лагеря. Всѣ уродливыя послѣдствія раскола испарятся безъ слѣда, какъ только старый обрядъ получитъ полное законное право на свободное существованіе. Въ частности же, для бѣглопоповцевъ самъ собою напрашивается одинъ проектъ, который, тотчасъ по осуществленіи, долженъ вызвать прекрасные результаты.

Въ концѣ восемнадцатаго вѣка значительная часть старообрядцевъ, съ вождемъ Никодимомъ во главѣ,

шла на примиреніе съ православной церковью и просила себя отдѣльнаго епископа. Въмѣсто того, было дано единовѣріе, въ которомъ священство подчинено православнымъ архіереямъ. Эта полумѣра оттолкнула готовыхъ къ примиренію старообрядцевъ, и еще больше залугала ихъ крутая система насилія при административномъ присоединеніи къ единовѣрію.

Теперь—самая настоящая пора возвратиться къ старому уроку исторіи. Православію и старообрядчеству остается сдѣлать послѣдній примирительный шагъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣглопоповцы, тайкомъ достающіе православныхъ священниковъ, будутъ необыкновенно счастливы, когда увидятъ возможность пріобрѣсти собственнаго «старообрядческаго епископа.» Трудно также сомнѣваться, чтобы въ православіи не нашлось отзывчивыхъ преосвященныхъ, которые согласились-бы войти въ старыя стѣны старообрядческой церкви и повести покинутое стадо на свѣтлую дорогу общенародной жизни. Но это обновленіе не должно быть, подобно единовѣрію, полумѣрой. Благодѣтельныхъ результатовъ можно ждать только въ томъ случаѣ, если старообрядцы, выбравъ по своей доброй волѣ епископа, сохранятъ потомъ полное право для выбора священства и общественнаго руководительства дѣлами церковнаго прихода. При выборномъ началѣ къ старообрядцамъ будутъ попадать не корыстные и жадные (какъ прежде) священники, а истинные добрые пастыри, которые внесутъ первый свѣтъ въ этотъ темный уголокъ народной жизни. Что такіе священники найдутся и пожелаютъ пойти въ старообрядчество, есть полное основаніе надѣяться. Даже темное старообрядческое прошлое уже видѣло подобные примѣры.

Достаточно вспомнить священника Люцернова, которому, какъ выдающейся личности, Глѣбъ Успенскій посвятилъ большую статью. Академикъ по об-

разованію, человекъ сильный духомъ, ученый и литераторъ, Люцерновъ пошелъ въ старообрядчество съ широкими намѣреніями. Но, къ сожалѣнію, сдѣлать ему пришлось очень мало. Было самое гонительное время. Подъ грозой гоненій старообрядцы не могли размышлять о внутреннихъ реформахъ, да и самому Люцернову приходилось прятаться, бѣгать, откупаться, отсиживать въ тюрьмахъ... Я встрѣчалъ Люцернова нѣсколько разъ у вольскихъ старообрядцевъ, но, къ сожалѣнію, былъ тогда слишкомъ юнъ, чтобы попристальнѣе взглядѣться въ эту исключительную личность. Помню только, что это былъ бодрый, энергичный человекъ, который много и охотно говорилъ съ старообрядцами, а старообрядцы, помню съ большимъ удовольствіемъ смотрѣли на своего батюшку. Теперь старообрядцы вспоминаютъ, что Люцерновъ много хлопоталъ, стараясь поселить среди нихъ единомыслие, новые улучшенные порядки. Умеръ онъ, не имѣя совершенно денегъ, и тѣмъ неопровержимо доказалъ, что пошелъ въ старообрядчество совсѣмъ не для наживанія капиталовъ.

То, что не удалось сдѣлать Люцернову при морозѣ и вьюгѣ на старообрядческой пашнѣ, сдѣлаютъ новые люди, если повѣетъ весной. Самымъ искреннимъ образомъ нужно посовѣтовать бѣглоповцамъ обдумать и возбудить ходатайство о собственномъ епископѣ отъ православія, и самымъ искреннимъ образомъ хочется вѣрить, что на этотъ шагъ не будетъ данъ, какъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, уклончивый отвѣтъ. Нельзя же все толкать и толкать старообрядцевъ на тотъ темный путь, гдѣ они доходятъ, подобно уральскимъ казакамъ, до фантастическихъ розысковъ истинной церкви и священства въ таинственной Бѣловодіи!

IX.

Люди разныхъ направлений привыкли за послѣдніе годы говорить, писать и думать, что во всей Россіи ползеть, ломается старый укладъ жизни. Оскудѣло, раздѣлилось дворянство, и нѣтъ ужъ болѣе былой культуры, зачахшей вмѣстѣ съ заглохшими усадьбами; обнищало крестьянство и не только хлѣбомъ, но и духомъ: вымираютъ пѣсни, старинные обряды, деревенская архитектура съ рѣзными коньками и карнизами, благообразные древніе костюмы... А на мѣсто скудной, но цѣлостной культуры, дерзко вламываются пиджакъ, монополька и визгливая гармоника. Зачадили громадныя фабричныя трубы, а деревня дала для нихъ наголодавшихъ работниковъ, и лица ихъ подъ грохотъ машинъ становятся все испитѣе, и въ глазахъ мелькаетъ недобрый, дерзкій огонекъ. По городамъ растетъ и крѣпнеть хулиганство. Очевидно, распаденіе коснулось также ремесленного и вообще мѣщанскаго класса. Вѣковыя формы жизни обветшали, а новыя еле рождаются съ натугой и болью. Время смутное, болное и тревожное...

Но среди расшатанныхъ и падающихъ зданій угрюмо и непоколебимо стоитъ старообрядчество. Какъ плотно закупоренный сосудъ, оно хранитъ въ цѣлостномъ видѣ древній русскій духъ, замѣшанный на крѣпкихъ византійскихъ дрожжахъ. Дѣло тутъ не въ одномъ старомъ обрядѣ: вся жизнь настоящей старообрядческой семьи, всѣ крупныя и мелкія поступки ея заключены въ непреклонную систему и желѣзную дисциплину. Когда явился въ Русь первый суровый византійскій монахъ, развернулъ предъ лѣснымъ челоукомъ-славяниномъ страшныя картины ада и рая и разъяснилъ, что надъ всѣмъ міромъ, надъ всѣми радостями жизни царствуетъ бѣсъ и что единственное

спасеніе отъ адскихъ мукъ за гробомъ—борьба съ соблазнами жизни, умерщвленіе плоти и служеніе Богу постомъ и молитвой, мысль и воображеніе славянина застыли отъ испуга на многіе вѣка. Встала предъ глазами огромная цѣль, которая заслоняла, уничтожала всякій иной смыслъ жизни. И потому наилучшіе, цѣльные славяне приняли самыя рѣшительныя мѣры для борьбы съ діаволомъ: одни уходили для подвиговъ духа въ сырыя подземелья и пещеры, въ лѣсные скиты, другіе, оставшіеся въ міру, обставили всю свою жизнь молитвенными обрядами, постами и лишеніями плоти, которыя со всѣхъ сторонъ загораживали доступъ въ ихъ жизни бѣсовскимъ соблазнамъ міра. Вся эта суровая, монашеская дисциплина цѣликомъ донесена старообрядцами до настоящаго времени. Сильна у нихъ вѣра въ Бога, но, кажется, еще сильнѣе боязнь діавола. Они твердо вѣрятъ, что коварный врагъ стережетъ каждый ихъ шагъ, каждое малѣйшее движеніе и нужна величайшая осторожность, чтобы постоянной молитвой избѣгать западни искушителя. Мать оберегаетъ ребенка прежде всего отъ невидимаго, но страшнаго врага человѣка. «Перекрестись! Перекрестись!»— испуганно кричитъ она, если ребенокъ схватилъ кружку съ водой, потому что, если напиться, не перекрестившись, то съ водой проскользнетъ бѣсъ и станетъ мучить человѣка. «Опять не покрылъ чашку!»—сердито кричитъ на мальчика отецъ или мать: въ непокрытую съ молитвой посуду съ ѣдой или питьемъ сейчасъ-же забирается діаволъ. «А ты ежели плюнешь или чихнешь,—заботливо говоритъ мать ребенку, —сотвори Иисову молитву, а то бѣсъ-то, онъ вѣдь только этого и ждетъ, соберетъ твою слюнку и всѣ твои мысли узнаетъ». И ребенокъ, напуганный постояннымъ присутствіемъ діавола, ежеминутно шепчетъ, когда плюнетъ, кашлянетъ или

чихнетъ; «Господи Исусе! Господи Исусе!»... Если же ему придется выйти одному въ темныя сѣни, на дворъ или идти одному ночью черезъ безлюдный мостъ, мимо рѣчки, темнымъ переулкомъ,—его трясеть ознобъ ужаса, все тѣло и мозгъ напряжены неодолимымъ страхомъ: со всѣхъ сторонъ крадется за нимъ темная сила, и онъ бѣжитъ, обливаясь потомъ, и задыхаясь бормочетъ: «Господи Исусе, Сыне Божій! . Господи Исусе!..» Взрослый старообрядецъ никогда не забудетъ перекреститься или сотворить молитву, если чихнетъ, плюнетъ, или предъ ѣдой и питьемъ. И если его ночью кошмаръ душитъ, то, задыхаясь, онъ шепчетъ воснѣ со стонами и страхомъ: «Господи Исусе; . Господи Исусе!.. Помилуй насъ грѣшныхъ...» Бѣсовскія козни особенно страшны для женщинъ, и особенно для тѣхъ, у которыхъ умеръ кто нибудь изъ близкихъ: мужъ, отецъ, мать, дочь, сынъ. Тогда ко многимъ изъ нихъ являются «летуны». Женщины часто ведутъ между собой такіе разговоры:

— Прочитала я нынче полуночицу,—разсказываетъ сѣна, у которой недвано умеръ мужъ,— прочитала да прилегла немножко на печку. Полежу, молъ, часокъ. Только лежу это да думаю: «не проспять-бы пироги-то, мѣсить надо вставать». Вдругъ это въ сѣняхъ кто-то шваркъ, дверь-то настезь, и вѣтромъ какъ будто на меня дунуло. Открыла я глаза: Царица Небесная! Стоитъ на порогѣ мой Степанъ Иванычъ, смотритъ прямо на меня и глаза этакъ ласково свѣтятся. «Ну, вотъ,—говорить,— я и пришелъ. Заждалась?» И говоритъ-то этакъ просто, кровно быдто онъ съ базару домой какъ живой пріѣхалъ. Говоритъ это, а самъ ко мнѣ, самъ ко мнѣ... И глазами меня своими всеѣ такъ и заморозилъ. Ужъ не знаю, руки, ноги не двигаются, языкъ занѣмѣлъ, ужъ и не знаю, какъ ужъ я...

Дернула рукой-то,—и рука-то кровно не своя, затекла, обмертвѣла!—перекрестилась, да бормочу: «Господи Исусе, Сыне Божій! Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его...» Онъ какъ это шваркнется отъ меня: «ага!—говорить,—догадалась!» Да въ дверь-то огненнымъ шаромъ, а въ сѣняхъ-то кровно разсыпался: затрещало, загремѣло...

— Отъ него, врага Христова, на всякъ часъ опасайся,—говорить съ сокрушеніемъ другая себе-сѣдница,—вотъ намеднись съ Оксиньюшкой кака бѣда чуть-чуть не вышла. Не слыхала? Все по матери плачетъ. Знамо дѣло, жалко, да вѣдь не вернешь. Ну, плачетъ и плачетъ. Только разъ ночью и выдь зачѣмъ-то на улицу. А онъ и тутъ. Идетъ, быдто, къ ней Матрена, мать-то то истъ, и этакъ быдто въ платочкѣ, въ синенькомъ, на лобикъ-то его надвинула, и сарафанчикъ-то какъ есть ея клѣтчатый. «Чего,—говорить, плачешь, глупенькая?» Да и давай, и давай ее заговаривать. Слова-то все ласковыя, любовныя. А этой, Оксиньюшкѣ-то, такъ съ горя да со слезъ замстило, обрадовалась, не чувствуетъ ничего и говоритъ съ ней, рассказываетъ ей про все. Идутъ это по улицѣ. Мѣсяцъ свѣтитъ, ясный, свѣтлый. Вдругъ,—знать, ужъ Богъ пожалѣлъ,—смотритъ Оксиньюшка: отъ нея-то отъ мѣсяца тѣнь, а отъ матери нѣтъ; такъ кровно быдто свѣтъ скрозь нее проходитъ. Тутъ она и догадалась, да поскорѣе: «да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его...» Смотритъ: Господи Исусе! ни города, ни улицы, а сидитъ она на краю оврага—страшеннѣйшей, глубоченный оврагъ,—еще-бы вотъ малость одна, и слетѣла-бы, только-бы ея душеньку и видѣли. А по полю отъ нея искры, искры! Да хохоть этакій, индо ее затрясло всеё. Вскочила да бѣжала, бѣжала... Ужъ и не помнитъ, какъ и дорогу домой нашла.

Невидимый врагъ, коварный, неутомимый, без-

пощадно, всегда летаетъ около старообрядцевъ, и борьба съ нимъ идетъ нешуточная. Для отца съ матерью она еще тѣмъ осложняется, что они несутъ страшную отвѣтственность за дѣтей: какъ бы ни была чиста жизнь самого отца или матери, но если сынъ или дочь поддались грѣхамъ, то на томъ свѣтѣ родители понесутъ тяжелую кару за свои попущенія и поблажки. Поэтому въ семьѣ каждодневно, ежечасно раздаются суровые окрики на легкомысленную молодежь.

«Сѣлъ, а лба перекрестить не надо? Татаринъ, что-ли?»—гнѣвно смотритъ отецъ на двадцатипятилѣтняго сына, который, по разсѣянности, взялъ ложку безъ крестнаго знаменія. «Не болтай ногой! Не болтай: грѣхъ!» — останавливаетъ мать подвижного мальчика, заскучавшаго на стулѣ: грѣхъ потому, что хитрый бѣсъ сейчасъ же садится на ногу и качается, насмѣхаясь надъ человѣкомъ. Если кто въ домѣ громко засмѣется или запоетъ, раздается гнѣвный окрикъ отца: «запѣлъ? Въ кабакѣ, что-ли, сидишь?» Съ большимъ неудовольствіемъ выслушивается, когда кто-нибудь изъ дѣтей начнетъ рвзсказывать что-нибудь интересное, длинное. Лицо отца дѣлается все мрачнѣе. «Ну будетъ! замололъ»,—перебиваетъ онъ. А мать добавляетъ печально: «праздному болтанію бѣсы радуются».

Суровое молчаніе, молитва и вѣчная настороженность чувствуются всегда въ настоящей, строгой старообрядческой семьѣ. Разговоры, смѣхъ, пѣсни, возня, бѣготня, всякія повышенныя чувства въ ней неумѣстны и глохнутъ сейчасъ-же, если нечаянно прорвутся. Врага человѣческаго рода здѣсь всегда ждутъ съ суровой, непреклонной рѣшительностью. Если-же на небѣ загремитъ гроза, заблестаютъ молніи, въ домѣ поднимается тревожная суета: поспѣшно закрываютъ трубу, шепча молитву, запираютъ

двери, плотно притворяютъ окна. Во время грозы бѣсы, летающіе снаружи, страшно пугаются молній, которыя ихъ прожигаютъ, и опрометью бросаются въ первую попавшуюся трубу, раскрытую дверь или окно. Вотъ почему нужно всѣ отверстія въ домѣ во время грозы съ молитвой закрывать.

Но все это нетрудно: своевременной молитвой всѣ атаки и замыслы бѣса легко отбить. При жизни бѣсъ не очень опасенъ: страшенъ діаволь въ загробной жизни. Здѣшняя жизнь—одно мгновеніе, а тамъ жизнь вѣчная, безконечная, и какой страхъ, какой ужасъ попасть грѣшной душѣ на вѣчныя адскія муки въ неугасимый огонь, гдѣ надъ ней будутъ издѣваться торжествующіе мохнатые, рогатые бѣсы, съ огненной пастью и зелеными глазами!.. Ада же никто не минуетъ, если только не исполнены всѣ положенныя древними монашескими уставами требованія. На свою краткую земную жизнь старообрядецъ смотритъ, какъ на подготовку къ загробной жизни, и потому онъ мраченъ и суровъ, что чувствуетъ, какъ слабость человѣческая мѣшаетъ ему полностью и въ чистотѣ выполнить всѣ требованія устава. Кромѣ того, всегда гнететъ тяжелое сомнѣніе, угодилъ-ли Богу исполненіемъ всѣхъ обрядовъ, службъ, постовъ и правилъ, и можно-ли вполнѣ надѣяться на избавленіе отъ адскихъ мукъ? Въ виду великой цѣли всѣ дни и часы года тщательно распредѣлены для молитвы и соблюденія постовъ. Во-первыхъ, во время мясоѣдовъ соблюдаютъ всѣ пятницы и среды, а многіе старообрядцы еще и «понедѣльничаютъ», т. е. не ѣдятъ скоромнаго и въ понедѣльникъ (исключеніе для этихъ дней «всеѣдная» недѣли: святки, Пасха, недѣля предъ масланицей и недѣля послѣ Троицы). Обычныя службы въ моленныхъ на праздники и предъ праздниками: всеночная или утренняя, обѣдня и вечер-

ня. Но разнятся онѣ отъ православныхъ службъ тѣмъ, что продолжаются раза въ три дольше. Исполняется весь старый обрядъ безъ пропусковъ, и при томъ поютъ длинно и протяжно, а читаютъ отчетливо, тягуче и благолѣпно. Но самое характерное—отношеніе старообрядцевъ къ богослуженію. Передъ каждой службой «кладется началъ», т. е. читается рядъ молитвъ съ поясными и земными поклонами, и каждый изъ опоздавшихъ, войдя въ моленную, долженъ прежде всего положить началъ и поклониться всѣмъ на четыре стороны со словами «простите, Христа ради». И затѣмъ вся огромная толпа, неподвижно стоящая плечо въ плечо въ духотѣ и копоти свѣчъ (мужчины и женщины стоятъ отдѣльно: одни—впереди, другія—сзади) напряженно слушаетъ въ продолженіе шести часовъ пѣснопѣнія, псалмы, тропари, ирмосы и проч. Каждый знаетъ, когда нужно класть поясной, когда земной поклонъ, и внушительное; трогательное зрѣлище представляетъ эта громадная толпа суровыхъ, молитвенныхъ лицъ, то неподвижно глядящихъ впередъ на темныя иконы, то съ шелестомъ и всѣ вмѣстѣ осѣняющихся широкимъ крестомъ, то всей громадой со вздохами и молитвами кладущихъ земные поклоны.

Здѣсь всѣ—глубоковѣрующіе въ святую силу обряда, и это стихійное молитвенное настроеніе толпы производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе даже на посторонняго зрителя. Еще сильнѣе и строже молитва постомъ. Особенное значеніе имѣетъ Великій постъ. Эти семь недѣль—сплошной подвигъ и побѣда надъ плотью у старообрядцевъ.

Въ первую недѣлю, начиная съ «чистаго понедѣльника» и до субботы, нельзя ѣсть съ масломъ и горячее; питаются сухимъ хлѣбомъ, водой, картофелемъ (и его нѣкоторые сначала остудяютъ; горячій—грѣхъ), капусту, огурцы. Въ слѣдующія пять недѣль

можно ѣсть горячее, но безъ масла. Съ масломъ конопляннѣмъ, подсолнечнѣмъ) разрѣшается вкушать только по субботамъ и воскресеньямъ. На «Вербное воскресенье», однажды на весь постъ (если только не придется постомъ же Благовѣщеніе), разрѣшено яденіе рыбы. Страстная недѣля, которую старообрядцы называютъ «страшная»,—соблюдается гораздо суровѣе, чѣмъ первая. Въ это время вся жизнь въ старообрядческой семьѣ придавлена какъ будто глухимъ страхомъ и суровымъ аскетическимъ молчаніемъ; они какъ будто вявъ переживаютъ и ясно чувствуютъ всѣ страданія, закончившія жизнь Христа въ эти дни. За весь постъ (кромѣ субботъ и воскресеній) на всѣхъ службахъ и въ домашнихъ правилахъ и молитвахъ всѣ поясные поклоны замѣнены земными. А такъ какъ ихъ приходится весьма большое количество и на утреннюю молитву, и на вечернюю, и на церковныя службы, то для истомленныхъ голодомъ старообрядцевъ и особенно для стариковъ и старухъ эти обязательные земные поклоны являются не легкимъ дѣломъ, отнимая притомъ отъ обычнаго трудового дня не мало времени. За всѣ недѣли Великаго поста малѣйшій намекъ на пѣсню, попытка засмѣяться или —упаси Боже!—взять въ руки музыкальный инструментъ—считается чрезвычайнымъ грѣхомъ. Но истинными, совершенными подвижниками въ духѣ стараго благочестиваго времени, проявляютъ себя постомъ говѣльщики. Имъ приходится посѣщать ежедневно слѣдующія службы (съ многочисленными земными поклонами): утренняя отъ 2 часовъ ночи до 6 часовъ утра; часы съ вечерней съ 8 часовъ утра до 12 часовъ дня; павечерница и правильные каноны съ 3 часовъ дня до 7 часовъ вечера. Кромѣ того, между этимъ моленіемъ говѣльщикъ долженъ исполнить въ теченіе недѣли 70 лѣстовокъ, по 10 лѣстовокъ на день, которыя распредѣляются такимъ образомъ: три лѣс-

товки съ земными поклонами, три лѣстовки—поклоны въ поясъ и т.и—сидя, творя Иисову молитву; десятая же лѣстовка исполняется такъ: читается «Богороде, Дѣво, радуйся, обрадованная Марія»... и чрезъ каждый десятокъ этой молитвы произносится «Отче нашъ»; все это—съ земными поклонами. Говѣльщику разрѣшается въ эти дни только сухояденіе, т. е. единожды въ день хлѣбъ и вода (даже соленые огурцы, моченая яблоки и кислая капуста считаются лакомствомъ и къ воспринятію воспрещаются). Но и это послабленіе только для маломощныхъ: здоровымъ и сильнымъ говѣльщикамъ полагается вкушать по одному разу черезъ день. Въ пятницу послѣ исповѣдѣнья и спать совсѣмъ воспрещается. Эта ночь проходитъ въ молитвѣ и бодрствованіи. Если же кто по малодушію соблазнится и напьется воды, тотъ долженъ выполнить сверхъ всего одну лѣстовку Иисовой молитвы. Въ пятницу въ 3 часа дня начинается всенощная, которая продолжается до 9 часовъ вечера; черезъ часъ читается поновленіе и причастные часы, продолжающіеся около четырехъ часовъ, а иногда и болѣе. Потомъ идутъ переодѣваться въ чистое бѣлье и во время отдыха слушаютъ божественное писаніе, а въ 5 часовъ начинается обѣдня, которая тянется, если много причастниковъ (иногда бываетъ въ большихъ моленныхъ болѣе тысячи), до 2 часовъ дня. Расходиться же говѣльщики не могутъ, потому что послѣ причастія читается отпускъ и дается благословеніе крестомъ отъ священника. Совершенно естественно, что къ концу такой подвижнической недѣли изможденные говѣльщики, съ воспаленными глазами и заострившимися мертвенными лицами напоминаютъ людей не отъ міра сего. Не рѣдко обезсиленный организмъ получаетъ тутъ же какую нибудь простудную или заразную болѣзнь. Но въ общемъ старообрядцы одерживаютъ рѣшительную побѣду надъ

плотью, и Пасха для нихъ является, дѣйствительно, «Свѣтлымъ праздникомъ». «Праздникъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ». Отблескъ торжества и свѣта мягко озаряетъ и смягчаетъ суровыя лица старообрядцевъ въ первые дни Пасхи. Въ это короткое время какъ будто пробивается истинный свѣтъ христіанской религіи—любовь и прощеніе. Старообрядцы не только читаютъ и поютъ, но и закрѣпляютъ глубоко въ душѣ въ эти часы слова пасхальныхъ пѣснопѣній: «Воскресенія день! Просвѣтимся, людїе!.. Рцемъ, братіе, и ненавидящимъ насъ: простимся воскресеніемъ и тако возопіемъ: Христось воскресе»!.. Счастливая усталость побѣды, тихая радость отдохновенія и мирное снисхожденіе къ людемъ слетаютъ въ старообрядческую семью. Но быстро протекаетъ Пасха, и опять жизнь замыкается въ суровыя, узкія, жесткія рамки. Опять желѣзная дисциплина, окрики на проявленіе свѣжей, молодой жизни и молитва, какъ главное и единственное оружіе для борьбы съ соблазнами врага человѣческаго рода.

Изъ ежедневныхъ домашнихъ правилъ и молитвъ большое значеніе имѣетъ у старообрядцевъ «полуночница» Состоитъ она изъ разныхъ молитвъ и пѣснопѣній. Каждую ночь необходимо вставать около полуночи и проходить эту службу. Какую нужно имѣть глубокую вѣру и настойчивую, непреклонную волю, чтобы трудовому человѣку, намаившемуся за длинный день и только что охваченному сномъ, непременно встать для молитвы въ полночь, и такъ дѣлать ежедневно въ теченіе всей жизни! Но чтеніе полуночницы имѣетъ чрезвычайно важное значеніе: второе пришествіе Христа для страшнаго суда ожидается ночью «внезапу». Въ полуночницѣ есть тропарь, въ которомъ говорится: «се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, его-же обрящетъ бдяша не достойнъ-же, его-же обрящетъ лѣнщагося; блюди;

убо, душе моя, да не сномъ отягчена будеши и не смерти предана будеши»... И вотъ, ожидая внезапнаго втораго пришествія, каждую полночь встрѣчаютъ старообрядцы въ бодрствованіи съ соотвѣтствующими молитвами и пѣснопѣніями.

Есть еще одна домашняя служба, которой старообрядцы придають чрезвычайное значеніе. Нѣкоторые старики и начитанныя старушки убѣжденно и настойчиво утверждаютъ, что кто ежедневно въ теченіе всей своей жизни, не пропуская ни одного дня, исполнить эту службу, тотъ заслужитъ за гробомъ «вѣчную райскую пресвѣтлую жизнь». Эта служба заключаетъ въ себѣ двѣнадцать псалмовъ (такъ и книжка называется «дванадесять псалмовъ»), выбранныхъ изъ псалтири. «Сей чинъ принеси (говорится въ книжкѣ) отъ святой горы преподобный Досифей, архимандритъ печерскій». Это—келейное правило. Нужно ежедневно читать такъ: утромъ 6 псалмовъ и къ вечеру 6 псалмовъ, а ночью всѣ 12 псалмовъ. По преданію, эти псалмы пѣли преподобные отцы въ пустыняхъ. Старообрядцы для спасенія души искусственно стараются создать вокругъ себя пустыню, отменяя всѣ живыя чувства и загоразживаясь отъ всѣхъ вторженій бурлящей вокругъ нихъ жизни. Въ такой замѣчательной школѣ воспитывается и закаляется духъ старообрядца. Конечно много есть среди нихъ слабыхъ которые допускаютъ для себя не мало всяческихъ грѣховныхъ послабленій, но главное и все еще крѣпкое, большое ядро старообрядчества состоитъ изъ суровыхъ, стойкихъ, закаленныхъ людей, которые хмуρο и молча проходятъ мимо текущей жизни, готовя себя къ вѣчной загробной жизни. И когда видишь, сколько на это загробное подготовленіе уходитъ русской мощи, силъ, стальной энергии и духовныхъ богатствъ, то невольно думаешь: «если-бы всю эту силу повернуть на устройство Цар-

ства Божія на землѣ, на творческое созиданіе общей братской жизни въ духѣ истиннаго религіознаго пониманія!»... Старый обрядъ, какъ высокая каменная стѣна, загородилъ старообрядцевъ отъ всего широкаго, свѣтлаго міра и затемнилъ, приглушилъ всѣ побѣги свѣжихъ мыслей и чувствъ. Но уже ясно чувствуется, какъ эта громадная стѣна качается и клонится, летятъ кирпичи суевѣрія, сыплется мусоръ вѣковыхъ предразсудковъ, и побѣдные лучи ликующаго солнца скользятъ сквозь расщелины обреченной на гибель стѣны...

Х.

Когда я обходилъ притаившійся среди горъ и лѣса хвалынскій старообрядческій монастырь Черемшанъ, произошелъ маленькій случай, который мнѣ долго не забыть. Маленькая, печальная церковь безъ крестовъ, чугунное, черное било, висящее предъ ней на веревкѣ, суровыя мрачныя кельи и угрюмое молчанье загнанной въ это ущелье и застывшей древне-русской жизни невольно внушали робость и смущенье. Безлюдный дворъ и молчація зданія, казалось, съ пугливымъ недоумѣніемъ и настороженностью глядѣли на нежданнаго пришельца. Мнѣ хотѣлось увидѣть вблизи живыхъ обитателей этого мертвеннаго царства, и я, тихо бродилъ по монастырю.

За высокой стѣной изъ дровъ послышался громкій разговоръ. Старческіе голоса съ натугой и вперевивку кричали что-то другъ другу. Я обогнулъ полѣнницу. На толстыхъ обрубкахъ сидѣло три ветхихъ, сгорбленныхъ, высохшихъ монаха. Въ черныхъ одѣянїяхъ, въ старенькихъ скуфейкахъ на желтоватобѣлыхъ волосахъ они пригнулись другъ къ другу и, не видя меня, продолжали громко о чемъ-то говорить. Но вдругъ, словно внезапно почувствовавъ присутствіе чужого человѣка, они всѣ сразу обернулись

и молча уставились на меня испуганно-тревожными глазами. Я смущенно стоялъ предъ ними и молчалъ. Одинъ изъ ветхихъ старичковъ, не спуская съ меня пугливаго взгляда, неожиданно прокричалъ натуженнымъ старческимъ голосомъ:

— Мы глухія! Не слышимъ!

И опять они всѣ, не мигая, съ застывшимъ испугомъ глядѣли на меня. И такъ явно свѣтился въ ихъ слезливо старческомъ взглядѣ страхъ, какъ бы невѣдомый пришелецъ не подошелъ къ нимъ и не завелъ пугающую, еретическую бесѣду или соблазнительное глумленіе, что я сейчасъ-же повернулся и ушелъ.

«Глухія! Не слышимъ!» Какъ больно бьетъ по сердцу этотъ возгласъ! Глухія не одни эти бѣжавшіе отъ жизни старики,—плотно закрываетъ уши и угрюмо створачивается отъ тысячеголосой окружающей жизни все многолюдное старообрядчество. И много среди него такихъ, которые на всякую попытку живой жизни освѣжить ихъ застывшее сознание пугливо и раздраженно машутъ руками и глубже забиваются въ свой уголь сохранившейся многовѣковой тьмы. Они безнадежно глухія, не слышатъ и никогда не пустятъ въ свою душу волнующіе голоса новой жизни. Ихъ ужъ лучше оставить въ покоѣ доживать свой недолгій вѣкъ.

Но не мало среди старообрядцевъ и такихъ людей, которые за высокой стѣной стараго обряда съ тревожнымъ волненіемъ прислушиваются къ смутному гулу внѣшняго міра. И особенно замѣтно броженіе пытливой мысли во всемъ молодомъ поколѣніи. Все выше ходятъ волны житейскаго моря и все сильнѣе подмываются перегородки, разставленныя среди челоуѣчества неосмысленной взаимной враждой, все чаще летятъ брызги міровой жизни и черезъ стѣну стараго обряда, а внутри нея все бойчѣ бьютъ мо-

лодые ключи, неустанно подтачивающіе мрачную преграду къ общей жизни..

Интересно посмотрѣть, какія силы бьютъ и раскачиваютъ вѣковыя стѣны старой церкви. Наибольше организованная борьба ведется миссіонерствомъ. Здѣсь дѣйствуетъ опредѣленная система, расходуются крупныя суммы, работаетъ обширный штатъ подготовленныхъ людей и ведется подробная отчетность дѣлу. Однако, результаты получаются слабыя. Въ этомъ дѣлѣ замѣчаются крупныя изьяны, которые весьма замѣтны для посторонняго наблюдателя. Почему-то, во-первыхъ, для миссіонерской дѣятельности съ большой охотой принимаются бывшіе старообрядческіе начетчики. Въ Саратовской губ. мнѣ извѣстна дѣятельность трехъ миссіонеровъ: Климова, Шалкинскаго и Бѣляева. Всѣ трое были въ старообрядчествѣ, выступали долгое время на духовныхъ преніяхъ энергичными заступниками старообрядчества, а потомъ перешли въ православіе и стали дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Вѣроятно, предполагается, что бывшіе начетчики, зная слабыя мѣста своихъ бывшихъ собратьевъ, съ особеннымъ успѣхомъ могутъ защищать православіе. Но забывается одно, чрезвычайно цѣнное условіе: при всякой проповѣди на первомъ планѣ для ея успѣха должно стоять полное довѣріе слушателей къ искренности проповѣдника. Такого довѣрія старообрядцы совершенно не имѣютъ къ миссіонерамъ, вышедшимъ изъ ихъ среды. Они всегда склонны объяснять переходъ начетчика въ православіе выгоднымъ жалованьемъ, доходнымъ священническимъ мѣстомъ (обыкновенно такихъ лицъ посвящаютъ въ священники; перечисленные выше миссіонеры имѣютъ священническій санъ) и другими корыстными причинами. Поэтому старообрядцы гораздо охотнѣе дебатируютъ о вѣрѣ со священниками православно-семинарскаго образованія или съ

префессорами богословія. Но самая главная причина слабого успѣха миссіонерской проповѣди заключается въ узкой постановкѣ этого дѣла. Старому обряду противопоставляется новый обрядъ, и всѣ усилія направляются къ опроверженію перзаго. Духовно-церковная литература имѣетъ много разнорѣчивыхъ книгъ. Старообрядцы вооружаются книгами, явившимися на свѣтъ при патріархѣ Іосифѣ и до него; православные выставляютъ никоновскія исправленія. Та и другая сторона находитъ въ старыхъ книгахъ сотни доказательствъ для своей правоты. Слушатели-же, по большей части, малограмотный или совсѣмъ безграмотный народъ. По этому побѣждающій успѣхъ имѣютъ обыкновенно наиболѣе находчивый и талантливый ораторъ. Въ старообрядческой средѣ такіе блестящіе, начитанные спорщики имѣются и весьма цѣнятся. Особенно дорожатъ ими австрійцы. Православіе даетъ миссіонеру изъ старообрядческихъ начетчиковъ священнической санъ: австрійцы-же своихъ видныхъ ораторовъ взводятъ прямо въ епископы. Въ прошломъ году, напримѣръ, талантливый австрійскій начетчикъ Усовъ былъ сдѣланъ нижегородскимъ епископомъ. Сверхъ того, огромное большинство старообрядцевъ совершенно не интересуется спорами о новомъ и старомъ обрядѣ и относится къ нимъ пренебрежительно. Умъ ихъ крѣпко придавленъ вѣрой въ исключительную святость обряда. Религія для нихъ вся заключается въ обрядности, и притомъ, чѣмъ строже и тяжелѣе эти обряды, тѣмъ яснѣе они чувствуютъ близость Бога. Падать отъ изнеможенія и голода въ великій постъ, отбивать сотни земныхъ поклоновъ, выстаивать, дервенѣя отъ усталости, нескончаемыя службы въ моленной—вотъ главное служеніе Богу въ старой церкви. Поэтому вполне естественно, что православная церковь кажется старообрядцамъ слишкомъ легкой, свѣтлой, беззаботной.

— Ну что за моленье у васъ,—насмѣшливо укоряють старообрядцы православныхъ,—не успѣлъ до церкви дойти—хватъ ужъ шапочный разборъ. Начала никто не кладеть. Одинъ приходитъ, другой уходитъ. Который крестится, который такъ стоитъ, да вертится на всѣ стороны, ровно быдто не въ храмъ Божій пришли, а на веселое зрѣлище. Развѣ это моленье!

Въ народѣ смутно, но крѣпко царствуетъ убѣжденіе, что для Бога нужно подвижничество со стороны людей, обузданіе плоти, и когда вся религія сосредоточилась на обрядѣ; то послѣдовательно-вѣрующіе люди стремятся выполнить его въ самой тяжелой, подвижнической формѣ. Этимъ объясняются не только слабые результаты миссіонерско-православной проповѣди, но и тотъ успѣхъ, который имѣеть старообрядчество въ темныхъ низахъ народа, привлекая къ себѣ изъ православія не малое число послѣдователей. Единымъ просвѣтительнымъ оружіемъ противъ желѣзной силы стараго обряда можетъ быть раскрытіе для старообрядцевъ истинной сущности христіанства, заключающагося въ дѣятельной и свѣтлой любви къ Богу и людямъ. И можно пожалѣть, что этимъ несокрушимымъ орудіемъ пока мало пользуются, выставляя противъ стараго обряда, главнымъ образомъ, новый обрядъ.

Между тѣмъ, живая жизнь незамѣтными, но мощными ударами уже раскачиваетъ вѣковые устои старой церкви. Здѣсь дѣло идетъ уже о критикѣ и отрицаніи всего застарѣлаго обряда, и противъ этихъ вѣяній старообрядничество стоитъ смущенно и растерянно.

Очень многіе изъ старообрядцевъ, повинувшись властному требованію жизни, проводятъ своихъ дѣтей черезъ среднія и высшія учебныя заведенія. А это ведетъ къ тому, что молодое поколѣніе совер-

шенно отбрасываетъ отъ себя поклоненіе обряду. Тутъ же рядомъ идетъ все расширяющееся вліяніе свѣтской литературы, которая пронизана тоской о Богѣ, наполнена исканіями святой жизни, но упраздняетъ или отодвигаетъ на второстепенный планъ обрядность. И вотъ во многихъ старообрядческихъ семьяхъ встрѣчаются лицомъ къ лицу представители двадцатого столѣтія и сѣдой византійско-славянской старины. Идетъ нервная упорная борьба, кипятъ гнѣвные споры, молодая сила безжалостно ломаетъ закаменѣвшее міросозерцаніе своихъ отцовъ. Родители съ ужасомъ смотрятъ на «безбожниковъ» дѣтей, раздраженно отбрасываютъ отъ себя еретическія мысли, но шагъ за шагомъ неумолимая молодость дѣлаетъ свое дѣло и во многихъ семьяхъ суровое, аскетическое значеніе стараго обряда значительно подрывается. Много горя несутъ эти неслышныя, тяжелыя семейныя драмы. Молодое поколѣніе побѣдно стоитъ на развалинахъ обряда, но, закончивъ энергично дѣло разрушенія, оно не приступаетъ и не желаетъ приступить къ религіозному созиданію. Вмѣстѣ съ обрядомъ почти всегда молодость отбрасываетъ и всякій интересъ къ религіи. Освобожденный духъ бросается къ шумной суетной земной жизни. И это кладетъ непроходимую пропасть между молодымъ поколѣніемъ и старымъ, которое служеніе Богу продолжаетъ считать главной цѣлью своей жизни. Молодость вноситъ критику, насмѣшку, сомнѣніе въ старый укладъ жизни и оставляетъ стариковъ въ безпомощномъ смущеніи предъ непосильной задачей перестройки всего религіознаго міросозерцанія. Этотъ смутный переломъ, это тяжкое раздумье надъ обрядомъ, какъ главнымъ основаніемъ служенія Богу, замѣчается въ настоящую пору весьма сильно въ глубокихъ слояхъ народа.

Исканіе Бога и жажда святой жизни не уга-

саютъ, но старый путь началъ казаться темнымъ и узкимъ. Ощупью, съ мучительными усиліями вѣками затемненнаго ума передовые религіозные люди въ низахъ народа пробуютъ выработать новыя формы служенія Богу, отодвигая обрядъ на второй планъ или совсѣмъ устрняя его. Возникаютъ новыя секты, ищущія во мракѣ потерянный свѣтъ христіанства. И многіе изъ поколебленныхъ старообрядцевъ подходятъ все ближе къ сектанству, пытливо вглядываясь въ новыхъ искателей божеской жизни. Стѣны старой церкви раздвигаются, все больше изъ нея выходитъ смущенныхъ растерянныхъ людей, а кругомъ мракъ, черныя тучи невѣжества, тина грязной жизни, и только вдали что-то мерцаетъ свѣтлое, чистое, влекущее...

Цѣна 35 коп.

68